Емилиан Буков

АНДРИЕШ

Annotation

Чудесная поэма о храбром пастушке Андриеше, в ее основе лежат молдавские народные сказки.

Колдун Черный Вихрь похитил стадо Андриеша вместе с любимой овечкой Миорой, обладающей даром речи, и верным псом Лупаром. В глубоком горе отправляется Андриеш на поиски стада. Всюду встречает он обездоленных, страдающих по вине Черного Вихря, и всем им он помогает. Труден и опасен путь Андриеша, всюду подстерегают враги, но всюду находятся и друзья.

Поэма о горячей любви к родине, о самоотверженности, о бестрашии.

- Емилиан Буков
- ПРОЛОГ
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31

Емилиан Буков
А Н Д Р И Е Ш

Перевод с молдавского Аркадия Штейнберга и Евгения Витковского
Художник Б. Несведов
Обложка Ф. Хэмурату

ПРОЛОГ

Зорька! Зорька!
Над Молдовой
Солнце веет жизнью новой.
Листья, травы, лес кудрявый —
Пробудилось все вокруг.
Путешественницы-цапли
С крыльев отряхнули капли,
Ласточки-береговушки
Стаей засновали вдруг.

И щебечущий, свистящий
Птичий хор проснулся в чаще,
Дружно песня озорная
Огласила небосклон.
Засверкала рябь речная —
Это Прут[1] помчал, играя,
Чтоб скорей волнам Дуная
Рассказать вчерашний сон.

Прихотливы и длинны
Пруту снящиеся сны.

Смотрит удивленный Прут:
На холмах, то там, то тут,
Сад обширный — что за чудо? —

Вырастает ниоткуда,
Он в цветах ярко-зеленых
И в лазоревой листве.
А внизу лежит левада[2],
И на ней белеет стадо,
И плывет, плывет прохлада
Вдаль по розовой траве.
И по доброй воле чьей-то
В клюве каждой птицы — флейта,
Звуки песен мчат в поля,—
Словно капли хрусталя
На серебряные блюдца
Сыплются, летят, смеются,—
Но вокруг светила вьются
Легкие дымки, взгляни!
Ох, не к буре ли они?

… Прут спешит за грезой новой.
А в Долине Трехручьевой,
Где шумел садок вишневый,
У дубровы темнобровой,
Там, где воздух чист и свеж,
Со своим послушным стадом
Задремал с Миорой рядом
Чабаненок[3] Андриеш.

Андриеш и Миорица —
Словно братец и сестрица,—
Вместе выросли они.
У Миоры, у овечки,
Шерстка завилась в колечки,
Шелку белому сродни.
Спит с овечкой чабаненок,
Улыбается спросонок…
… Проскользнув над головой,
Теплый луч его коснулся,
Андриеш от сна очнулся,
Взял бузинный флуер[4] свой.
Кушму[5] набок заломив,

Он идет вдоль пышных нив
В многолюдное село,
Что на плавный холм вползло.
Все ухабами изрыты,
Словно старые корыта,
Улочки в родном селе:
Горбятся и льнут к земле;
И расшатан, и неровен
Мостик из корявых бревен,
И прогнулся тяжело.
Все же — славное село:
Окна — сини, хаты — белы,
Виноград желтеет спелый,
Смотрят с каждого двора
Петушками флюгера,
Неподвижны в летнем зное.
А внизу-то все резное,
А вверху — сквозит листва
Солнцем, словно кружева.
Над колодцами доныне
Дремлют древние святыни,
И скрипуче журавли
Кланяются до земли,
И летит вода в криницу,
Во студеную водицу…

И хозяйки — как их много! —
Ожидают у порога…
Но уводит вдаль дорога,
Андриеша ждут дела:
И от каждого крылечка
К пастуху бежит овечка,
Непослушна, весела —
Много стада у села!

— Андриеш, счастливый путь!
Ласково кричат хозяйки. —
Стадо наше не забудь!
Пусть пасется на лужайке
Невредимое оно

С Миорицей заодно!

То-то пастуху отрада
Озирать такое стадо:
Погонять его не надо —
Лишь погладь овцу рукой —
И она уже топочет,
И скорей на травку хочет,
Где пасется день-деньской.
Флуер весел, флуер звонок,
И поля звенят спросонок,
И звенит округа вся,
Эхо дойны[6] разнося.

Андриеш идет, играет,
Он пути не выбирает,
Он овечкам — верный друг,
Вот уж скоро росный луг,
И спешат за пастушком
Овцы гулким топотком.
Струи солнца ярки, знойны,
Все звучнее голос дойны,
Как всегда — чиста, звонка
Дойна, песня пастушка.
Овцы двинулись по склонам
К Трем Источникам студеным
Мимо пашен и лесов,
И вкруг стада по дороге
Бегал зоркий сторож строгий,
Сильный, ловкий, ветроногий
Пес Лупар — гроза волков.

Здравствуй, утро зоревое!
Пой, мой флуер, звонче пой!
Нынче в сердце — песен вдвое!
Пой, мой флуер, звонче пой!

Время венчикам раскрыться.
Быр[7], сестрица Миорица!

Травы — сочны, ключ — проточный,
Быр, Миора, быр!

Там за склоном за зеленым
На лугах — покой и мир,
Там для стада есть прохлада —
Быр, Миора, быр!

Стадо волка не боится.
Быр, сестрица Миорица!
Спит отара близ Лупара,
Быр, Миора, быр!

Ночь придет, туман сгустится.
Быр, сестрица Миорица!
Сложим сучья мы покруче,
Быр, Миора, быр!

И костер наш разгорится!
Быр, сестрица Миорица!
Вся округа озарится!
Быр, Миора, быр!

Пусть с опушек да с полянок,
Милая моя,
Песня льется спозаранок,
Милая моя.
Тут, средь гор, среди дубравы,
Милая моя,
Зелены и свежи травы,
Милая моя.
Буду я играть с тобою,
Милая моя,
Я ночлег тебе устрою,
Милая моя.

Пусть тебе спокойно спится,
Милая моя,
Ах, сестрица Миорица,
Милая моя.

Но печальна Миорица,
Ей невмочь воды напиться,
Ни на пастбище резвиться.
И промолвил Андриеш:
— Что с тобой стряслось, сестрица?
Иль невкусная водица,
Иль на горке травы горьки?
Отчего не пьешь, не ешь?
Я найду в прохладной чаще
И траву, и ключ послаще,
Грянет флуер мой звенящий
Веселей, звучнее, чаще!..

Миорица же в ответ:
— Не отыщешь в целом свете
Лучших трав, чем травы эти,
И такой воды бодрящей
Родниковой в мире нет!

Но тебе сказать хочу я,
Вещим сердцем горе чуя,
Что, средь горных круч кочуя,
Черный Вихрь на нас идет.
Хочет колдовством поганым
Закружить нас ураганом,
Разметать по дальним странам,
Погубить людей и скот!..

Трели дудочки бузинной
Раскатились над долиной.
Ветер в роще соловьиной
Чуть листвою шелестит.
И сказал пастух Миоре:
— Зря ты нам пророчишь горе,
Через горы, через море
Черный вихрь не долетит!
Словно воин разъяренный,
Вихря встретит лес зеленый,
И, пригнув густые кроны,

В кровь его исхлещут клены,
Птицы выклюют зрачки,
Ветер свалит окрыленный
И швырнет на дно реки!

Глава первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
В КОТОРОЙ КОЛДУН ЧЕРНЫЙ ВИХРЬ
ПОХИЩАЕТ СТАДО АНДРИЕША,
А ПАСТУШОК СПАСАЕТ ВЕТЕР-ПТИЦУ,
ОСВОБОЖДАЕТ ДУБ СТЕЖАР
ОТ ЧАР ЧЕРНОГО ВИХРЯ,
ВСТРЕЧАЕТ ОБЖОРУ ФЛЭМЫНЗИЛУ,
А ЗАТЕМ В ДОБРЫЙ ЧАС
УБИВАЕТ ЛЮДОЕДА КЭПКЭУНА
И КОЛДУНА ВУЛКАНА

Все длинней, все гуще тени
От пригорков, от растений…
Брезжут звезды в синеве,
Роща смутная уснула;
Словно ведьма, ночь скользнула
И помчалась по траве.

Все синей бугры и склоны,
Все темней кустарник сонный
И косматые леса.
Вот на листьях в хмурых чащах
На зверьков, на птичек спящих
Пала первая роса.

Спят пастух и Миорица…
Пусть им добрый сон приснится!
Стадо подле них теснится,

Прикорнув средь влажных трав.
Алым венчиком кивая,
Спит гвоздика полевая,
Заяц, глаз не закрывая,
Дремлет, ухо приподняв.

Шар луны скользит украдкой
И с поспешною повадкой
Прячется в лохмотья туч.
Вестницам несчастий, совам,
Любо скрыться под покровом
Мглы, ветвей, отвесных круч.

И столетний дуб огромный
Захрапел в долине темной,
Мощной кроной шелестя;
И речная зыбь устало,
Затихая, прошептала,
Будто малое дитя.

Полуночный ветер вешний
Заплутал в ветвях черешни,
И везде, то там, то тут,
Слышен звук волшебной прялки —
Это феи да русалки
Шелк зари сучат, прядут…

Но проснулась Миорица,
И вздыхает, и томится,
Чуя близкую беду.
Буря воет прямо в уши,
Щелкает, как бич пастуший,
В бубен бьет, дудит в дуду.

Пред угрозой неизвестной
Зашатался строй древесный,
И мечтают дерева
Спрятаться в глухие норы,
Скрыться под холмы, под горы,—
Долу стелется трава.

У Миоры сердце сжалось,
И бедняжка заметалась,
Но лежал и нем и глух
Под кустом, как будто скован,
Неподвижен, околдован,
Андриеш, ее пастух.

Из-за берега речного
Заревела буря снова,
И овечки в старый лес,
Молчаливый и пустынный,
Побежали до единой
Через луг наперерез.

Черный Вихрь!
Со всех сторон
В мирный край вломился он!
Гнет в дугу леса и рощи,
Теребит чапыжник[8] тощий,
И верт***и***тся, и взмывает,
Скалы мнет, холмы срывает,
Предает луга огню,
Жжет дубравы на корню,
И летят, мелькнув едва,
Птичьи перья, дерн, листва…

И в кромешной тьме и вое
Исчезает все живое,
Исчезает в круговерти
Огненной и черной мглы,—
Мчатся птицы в лапах смерти,
Сучья, ветки и стволы,
Листья, корни, камыши,
Скалы, камни-голыши,
Бревна тяжкие, коряги…
Рвутся молнии-зигзаги
Между звезд, в разрывах туч.
Ветер яростен и жгуч,
И на берег, все сминая,

Катится волна речная.

Черный Вихрь дохнул на стадо, —
Мигом взвились овцы ввысь,
И, как в пору листопада,
Словно листья, понеслись
И пропали в душном дыме…
С громким лаем вслед за ними
Полетел и верный пес —
Всех коварный Вихрь унес.

…И безжизненная мгла
На притихший дол легла.
Нет Лупара, нет овец…
Лишь под ивой, как мертвец,
Скован чародейной силой,
Андриеш лежал застылый.

Дуб стонал в бессильной злобе,
Бузина да ива — обе
Трепетали, как в ознобе,
И приречные кусты,
Словно согнуты бедою,
Наклонились над седою
Взбаламученной водою,
Чтоб собрать свои листы.

Вот и солнце в полном блеске
Озарило перелески
И согрело пастушка,
Тронуло глаза и щеки,
Сжатый рот и лоб высокий,
Прядь льняную у виска.

Андриеш поднял ресницы:
— Ни овец… ни Миорицы…
Набежала на глаза
Непослушная слеза.

Не мерещится ль ему?

Всё погружено во тьму.
Сгинул, канул солнца свет —
Был да сплыл, и нет как нет.

Только, кажется, вчера
В небе шар сверкал с утра.
Удивился пастушок:
Пепелищем стал лужок.
Нет овец и нет ягнят.
Дерева в лесу горят.
Гибнут прямо на корню —
В жертву злобному огню.

Где теперь веселый лес?
Был — да вышел.
Весь исчез.
Головешки да зола —
Сожжены леса дотла.
И спросил, в слезах спросонок,
Изумленный чабаненок:
— Отчего не свищут птицы?
Отчего блестят зарницы?
Не журчит ручей веселый?
Высох луг, деревья голы,
В мертвых рощах — тишина,
Вся долина сожжена,
Всюду пусто, мрачно, дико.
Лишь кивает мне гвоздика
Одинешенька-одна!

Он в тревожном удивленье
Кинулся бежать в селенье,—
Вместо белого села
Только угли и зола.
Окна тусклые ослепли,
Утонули стены в пепле,
Тонкой струйкой тянет чад,
Хаты черные молчат…
Столько горя, столько боли
В хатах этих, в этом поле!

И, подавлен, опечален,
Вдруг он слышит — средь развалин
Будто кто вздыхает глухо…

Глядь, — к нему идет старуха
Из обугленных дверей,
По камням едва ступая,
В рваном рубище, слепая…

— Ты жива! Ответь скорей!
Иль ты призрак бестелесный?
— Я жива еще, дружок…
— Где же весь народ ваш местный?
— Черный Вихрь селенье сжег.
Колдовскою силой злою
По ветру пустил золою
Наши хаты чародей.
Сгибло множество людей,
Ну, а те, что уцелели,
Скрылись в рощах, средь ущелий,
В этот лес и ты иди,
Смелых гайдуков[9] найди,
С ними Вихря победи!..

Так старуха прошептала
И тотчас же с глаз пропала.
Андриеш в селе пустом
Постоял, взглянул на хаты,
Что спалил злодей проклятый,
И пошел своим путем…

— Где мой флуер? Где овечки,
Спавшие у светлой речки
Средь некошенного луга?
Где Миора, где подруга?
Где Лупар проворный мой?
Ветер! Ты хоть молви слово!
Как сыскать мне Вихря злого?..
Но, суровый и немой,
Ветер вдаль помчался снова.

— Тучка! Дай хоть ты ответ? —
Но ответа нет как нет…
Плачет мальчик; слезы градом
Брызжут на сухой песок…

И тогда раздался рядом
Еле внятный голосок:
— Андриеш, прошу, как друга!
Мне нужна твоя услуга,
Помощь мне твоя нужна!
— Кто тут шепчет?
— Бузина…
Черный Вихрь запутал туго
Сучья гибкие мои,
Где гнездились соловьи!
Помоги в напасти лютой,
Колтуны ветвей распутай,—
Видишь, как сплелись они,
Словно петли прочной сетки!
Развяжи их, расхлестни
И свободу мне верни!..

Пастушок распутал ветки,
И сказала бузина:
— Из моих ветвей одна
Пригодится для свирели.
Сделай дудочку! Она
Доведет тебя до цели.
В память нашей встречи срежь
Эту ветку, Андриеш!

И пастух из ветки тонкой
Сделал новый флуер звонкий,
К трепетным губам прижал,
Вдоль отверстий пробежал…
И над выжженной долиной
Словно щекот соловьиный,
Понеслась за трелью трель,
И поет, зовет свирель
Все призывней, все чудесней:

— Чабаненок! Не тужи,
Знай ступай за этой песней
И за нею путь держи!

Только сердце в Андриеше
Наполняет грустью грудь, —
Поспешает мальчик пеший,
Песней коротает путь.

По нехоженым дорогам,
По лощинам и отрогам,
По долинам и по кручам,
По кустарникам колючим,
По щетине травяной,
В дождь и ветер, в жгучий зной…
Пастушок, вперед иди —
Что-то будет впереди!..

Путь-дорога вьется круто,
Но другой дороги нет…
Уходил чабан от Прута,
Бузина ему как будто
Жалобно шептала вслед.
Рощи в траурном убранстве
Словно говорили вслух,
Чтоб назад из дальних странствий
Поскорей пришел пастух.
Грустно кланялась дубрава,
Слал приветы бор седой
И налево, и направо,
За холмистою грядой
Неизведанные дали
Андриеша молча ждали.

Что же ждет его?
Быть может,
Славу он свою умножит,
Вражью силу уничтожит?
Или ждет его беда:
Может, голову он сложит,

Зверь степной его изгложет,
И ничто не потревожит
Сердце хлопца никогда.
Страшен путь,
Шагать опасно —
Но старанье не напрасно,
Цель — заветна,
Цель — прекрасна,
Бой не кончится вничью,
Пред тобою цель маячит,
Смелым будь — а это значит,
Что одержишь верх в бою!
От утра и до утра
То — долина, то — гора,
И ведет, ведет дорога,
То — бугриста, то — отлога,
Прочь спешит, на край земли,
Может быть, еще немного,
И забрезжит цель вдали!

И пастух идет вперед
К испытаньям и победам
За чудесной песней следом,
Что зовет его, зовет…

Смеркся день. Все ниже, ниже
Солнце с пышной гривой рыжей.
Вот его прощальный луч
Брызнул из-за края туч…
Время отдохнуть, пожалуй!
Андриеш, не чуя ног,
И голодный и усталый,
Опустился на пенек,
И, задумавшись в молчанье
Слышит он ручья журчанье:

— Некогда Фея жила на Молдове.
Светлые волосы, темные брови.

Очи — смородины, губы — черешни,

Лучшей не знали мы девушки здешней!

Голос — как ветер весенний, дыханье —
Словно цветочное благоуханье.

С ней заодно распевали потоки,
Ей улыбалась заря на востоке.

Лес оживал под ласкающим взором,
Птицы красавицу славили хором.…

После сладостных речей
Незаметно смолк ручей.
Андриеш склонился к влаге,
А на ней, как на бумаге,
Проступил в короткий миг
Доны светозарный лик,
Несравненный, беспечальный —
В глубине воды хрустальной.

… Фея легкою походкой
По траве ступает кротко,
Но не гнутся стебельки,
И мелодии живые
От цветов летят впервые,
Полнозвучны и легки,—
Фея проведет рукой —
Льется музыка рекой.
Шелестит листва густая,
И щебечет птичья стая,
И звенит, как горный ключ,—
И на мир взирает Дона,
Будто солнце с небосклона
Посылает жаркий луч,
Проливая свет веселый
На дубравы и на долы.

Песня тает, отлетает,
Девушка венок сплетает
Из травинок и цветов,

Вот венок уже готов,
Удивителен и ярок,
Предназначен он в подарок
Солнцу, — вот лучи сплелись
И несут подарок ввысь!
Впору солнышку обнова,
Дар цветения земного.

Обогнувши небосвод,
Солнце вечером зайдет,—
Утомилось;
На покой
Медленно с небес плетется,—
Фея с солнцем расстается,
Помахав ему рукой.
Ночь приходит.
Вот, кругла,
В небеса луна взошла,
Словно юная чабанка[10] —
И походка, и осанка —
До чего же хороша!
Собирает, не спеша,
Стадо звезд — овец небесных,
И пасет в лугах окрестных.
Зорко смотрит вниз луна
С бархатного небосклона:
Ведь и ей сегодня Дона
Подарить венок должна…

Пробуждается ручей,
Грустен звон его речей:

— Время катилось своей чередою,
Не угрожая ни злом, ни бедою.

Но Кэпкэун, кровопийца отпетый,
Вздумал присвататься к девушке этой.

Черному Вихрю он старшим был братом
И ворожеем таким же заклятым.

Стал колдовать он, уродливый, старый,
Стал насылать на красавицу чары,

Мглу навевать, чтоб невесте понравиться…
Горько заплакала Дона-красавица.

Каплю за каплей слезинки роняя,
Таяла девушка наша родная.

Капля за каплей слезинки ушли
В самые недра молдавской земли.

Доны уж нет, но звучат ее стоны,
Их повторяет источник студеный.
Всхлипы ее в моем лепете живы,
Я перенял ее голос тоскливый.

Там, глубоко под землею, внизу,
Я подобрал за слезою слезу.

Выйдя наружу, звеня по каменьям,
Воды текут мои с жалобным пеньем.

И оглашает зеленые склоны
Вечная песня красавицы Доны.

Про смельчака я журчу и пою,
Что победит Кэпкэуна в бою.

Нет, нелегко подкосить его силу!
Сотни противников свел он в могилу.

Многие бились со злым великаном
И не один уже пал бездыханным.

Против любого оружия он
Грозным своим колдовством защищен.

Только великою тайной владея,

Можно сразить Кэпкэуна — злодея.

Есть у него меж бровями одно
Скрытое чубом железным пятно.

Кто ухитрится попасть в него разом,
Справится тот с колдуном одноглазым.

Лишь его лоб под ударами треснет,
Снова красавица Дона воскреснет.

Снова придет она к нам невредимой,
Дона — утеха Молдовы родимой!

Смолк источник, задрожал,
Дальше, дальше побежал,
И слова его ушли
Прочь,
В молчанье,
В глубь земли.

Песню, что журчал родник,
Андриеш запомнил вмиг;
Грустно к флуеру приник,
По ладам своей свирели
Пробежал наперебор,
«Дона» — все лады запели,
«Дона» — вторил хмурый бор,
В тихих рощах еле-еле
«Дона» — листья шелестели…

И певучая тоска
Сжала сердце пастушка,
Дал он имя песне стройной,
И назвал ту песню «дойной».

Льется вдаль напев свободный,
И за дойной путеводной
По холмам родного края
Зашагал чабан, играя.

И забрел он в дикий лес,
Полный страхов и чудес,
В чащу тёрнов непролазных.
Вдоволь здесь тропинок разных,
А надежный путь исчез.
Андриеш глядит на стежки:
По какой идти дорожке?

Справа — там гнездовье змей:
— Пастушок, сюда не смей! —
Слева — там ежей стада:
— Пастушок, не смей сюда! —
Впереди туман густой,
Воет вьюга:
— Эй, постой! —

Сзади — сеть кустов колючих,
А в кустах, вися на сучьях,
На шипастых острых крючьях,
Ветер-птица бьет крылом…
Тщетно рвется напролом…

И взмолилась Ветер-птица:
— Помоги освободиться!
Вихрь загнал в кусты меня,
Вызволи хоть ты меня!

Андриеш кусты раздвинул,
Бережно занозы вынул,
Уложил к перу перо,
Ясные, как серебро.
И запела Ветер-птица:
— Мне с тобой не расплатиться!
Дам совет тебе я впору:
Знаю, стадо и Миору
Вихрь унес в полночный край,
К неизведанным пределам,
Но надежды не теряй,
Будь уверенным и смелым —

Все вернешь в урочный час!
Черный Вихрь отнял у нас
Песню счастья, песню света,
Но таится песня эта
В звонкой ключевой воде,
В каждом нашем человеке!
И хранят ее вовеки
Наши рощи, наши реки,
И она живет везде!

Друг мой! Если в тяжком деле
Буду я тебе нужна,—
За добро воздам сполна!
Ты лишь свистни на свирели.
А теперь ступай вперед!
Нет, не вьюга там ревет,
Хлещет плетью ледяною,
Не дает поднять лица,
Задувая что есть силы! —
То дыхание Орбилы,
Великана Флэмынзилы,
Ненасытного слепца,
Что лежит в лесном овраге.
Он придаст тебе отваги,
Стойкости придаст тебе!
Дивной мощью наделенный,
Ты отыщешь песню Доны
И одержишь верх в борьбе
С Кэпкэуном-людоедом.
Так ступай вперед, к победам,
И не бойся черных чар!
Древний дуб, старик Стежар,
Не замедлит на подмогу,
Разъяснит тебе дорогу.
Будь здоров! Счастливый путь!
Ты меня не позабудь!
Нам пора с тобой проститься…
И умчалась Ветер-птица.

Андриеш в туманный мрак
Зашагал навстречу вьюге
Через тысячи коряг,
Что валялись друг на друге…
Но, глядишь, — то там, то тут,
Клены юные растут,
Посреди заглохшей пущи
Зелень все свежей, все гуще,
А за дубом, за ольхой —
Снова виден ствол сухой;
Тут со старцами — мальцы,
Тут с живыми — мертвецы,
Не иначе, как в насмешку,
Все толпятся вперемешку.
Наконец зловещий лес
Стал редеть, и мальчик вскоре
Оказался на просторе
И увидел свод небес
Над грядой пологих взгорий.
Тучки, словно паруса,
Держат путь свой, плавный, длинный,
И древесные вершины
Подпирают небеса.
Меньше стало кочек, ям,
Вьются стежки по оврагам,
Андриеш спокойным шагом
Приближается к горам.

Перед взгорьями — скала,
Обгоревшая дотла,
А над ней, на лысой круче,
Дуб стоит, подобно туче,
Старый, но еще могучий.
Крона древняя крепка,
Но на ветках обнаженных
До последнего сука —
Ни единого листка.
Ствол морщинистый и ржавый,
Лезет плесень по стволу,

И вцепились, как удавы,
Корни в голую скалу.

Наклонясь к ущельям сонным,
Старый дуб кряхтит со стоном,
Будто жалуется вслух.
Поспешил к нему пастух,
Зычно крикнул во весь дух:
— Дедушка Стежар, мой милый!
Как добраться до верзилы,
До слепого Флэмынзилы?
И, кряхтя, шепнул Стежар:

— Не кричи…
Помолчи…
Я изранен, болен, стар.
Слышишь? — Точит гниль кору.
Видишь? — На дупле дупло!
Я вот-вот умру, умру…
Тяжело мне, тяжело!
Много лет уже прошло,
Стал я сед,
Но, друг, поверь,
Был и я красавцем прежде,
Был таким же налитым,
Молодым, как ты теперь,
В листяной сиял одежде,
Летом красовался в ней!
А у ног,
У корней,
Одинок,
И наг, и бос,
Карлик-хвощ уныло рос.
Бос и наг,
Зол и тощ
Был мой враг,
Этот хвощ!
Зависть подлую храня,
Ненавидел он меня
За мою литую мощь,

За мой рост
До самых звезд,
За ветвей веселый трепет,
За листвы весенний лепет.

Вихря Черного позвал,
Вихрь меня околдовал.

Стал дряхлеть я,
Вянуть, сохнуть,
На столетья —
Слепнуть, глохнуть.
Ныне я скриплю едва,
Облетела вся листва,
Стар я — ни вздохнуть, ни охнуть!..
Слышишь? — Точит гниль кору.
Видишь? — На дупле дупло…
Я вот-вот умру, умру,
Тяжело мне, тяжело!..
Там, где голые отроги,
Где ни тропки, ни дороги,
В шелестящем, спящем логе, —
Ключевые бьют струи.
И склонились три сестрички,
Три плакучие березки,
Искры — почки,
Листья — блестки;
Мне они родные дочки,
Дочки сирые мои!
Нынче им дышать невмочь,
Душит бедных день и ночь
Сизым облаком густым
Вынтул-Фум —
Ветер-Дым…

Жарким днем, в сырые ночки
Слышно мне, как плачут дочки,
Задыхаясь в сизом дыме!..
Сжалься, мальчик, надо мной,
Над моею сединой

И дочурками моими!
Веток у меня не счесть,
И, хоть каждая раздета,
Среди них живая есть,—
На верхушке самой где-то
Схоронилась ветка эта.
Если ты ее найдешь
И слегка коснешься ею
Кроны высохшей — и что ж! —
Сразу я зазеленею
И оденусь вновь листвой
Свежей, сочной и живой!
Ты исполни, друг-сыночек,
Стариковский мой завет!
Выручи меня и дочек!

На земле немало бед,
Полон горя белый свет.
Там, где горе и беда,—
С помощью спеши туда!

Влез на дуб чабан проворный
Вплоть до мертвой кроны черной,
Чтобы старому помочь.
День да ночь — сутки прочь…
Трижды день сменяла ночь;
Андриеш, не уставая,
Все искал, не зная сна,
От рассвета дотемна:
— Где ж ты, веточка живая?
Наконец-то, вот она!
Как ни пряталась умело,
Не укрылась от меня.
А теперь — пора за дело!..

Вновь три ночи и три дня,
Мучим голодом и жаждой,
Терпеливый пастушок

Прикасался к ветке каждой,
Каждый тронул он сучок
Теплой веточкой зеленой,—
И, чудесно оживленный,
Дуб листвою зашумел,
Загудел воскресшей кроной:

— Андриеш! Ты добр и смел!
Ты мне жизнь вернуть сумел,
Спас меня и милых дочек.
Вот качнул я головой,
Молодой тряхнул листвой,
Обронил листочек свой;
Ты в свирель вложи листочек,
На свирели засвисти,
И листочек тот певучий
Поведет тебя в пути
Через пропасти и кручи,
Сквозь туман и вьюжный мрак
В заколдованный овраг,
К ненасытному верзиле
Орб-Орбиле Флэмынзиле,
Что простерся, как в могиле,
На подстилке из коряг.
Ты живым листком горячим
К бельмам прикоснись незрячим,—
Вспыхнет свет погасших глаз,
И прозреет он тотчас.
Исцеливши Флэмынзилу
Навсегда от слепоты,
Удивительную силу,
Андриеш, получишь ты!
Этой силой наделенный,
Ты отыщешь цель свою,
След найдешь пропавшей Доны
И одержишь верх в бою
С Кэпкэуном-людоедом.
Так ступай вперед, к победам!
Я ж хочу, как прежде, петь
И листвою шелестеть,

И встречать могучей кроной
Натиск бури разъяренной!

— Дед Стежар! Не обессудь! —

… И пастух пустился в путь,
Взяв свой флуер неразлучный,
Разливаясь песней звучной.
И звенел свирельный свист,
Чистой трелью сердце теша,—
Это пел дубовый лист,
Направляя Андриеша.
Вот рассеялся туман…
Андриеш глядит усталый:
Перед ним морской лиман[11],
Волны мечут пену в скалы,
Завихряясь на бегу,
А на диком, берегу,
Между скал, — овраг огромный.
У оврага — три сосны,
Стены пропасти черны,
А из дымной глубины
Дует ветер неуемный.

Влез подпасок на одну
Суковатую сосну,
Засмотрелся в глубину:
— Вот так чудо! Ну и ну!..—
Что же он нашел в овраге?
Ворохом лежат коряги,
На корягах великан,
Распластавшись грузной тушей,
Дышит, словно ураган.
Борода, как хвост петуший,
Из морщин торчком торчит,
Брови — словно свертки пакли,
Веки вспухли и набрякли.
Великан вопит, кричит,
Машет грубыми руками
И грозится кулаками,

И орет, зовет, ревет,
А его большой живот
То раздуется горой,
То провалится дырой.

Это был слепец Орбила,
Ненасытный Флэмынзила.

— Ай-ай-ай!
Сотню лет
Я не ел…
Где обед?—
Нет как нет!
Ай-ай-ай!
Что ни дай —
Проглочу!
Есть хочу!
Ох, есть хочу
С каждым годом все сильней!
Жду и жду,
Где найду
Я еду
Повкусней,
Да, да, да!
Пожирней!
Съел я скалы давно,
И коров, и коней,
И леса заодно,
От ветвей до корней,—
Обглодал целый край.
Ай-ай-ай! Есть давай!
Нынче пусто везде,
Я томлюсь по еде,
Лишь еда на уме,
Сало, мясо и хлеб!..
И к тому ж я ослеп,
Прозябаю во тьме!
Кэпкэун-людомор
Затуманил мой взор,
Погасил мне глаза.

А за что? Почему?
Не пойму ни аза!
Я быков его съел
И коров проглотил,
И колдун Кэпкэун
Мне стократ отплатил!
Кто тут есть?
Что бы съесть?
Я тотчас ухвачу,
Прямо в пасть потащу,
Разжую, проглочу!..
Есть хочу!
Ох, есть хочу-у-у!..

Андриеша страх берет,
Он дрожит, как в лихорадке,
От испуга — сердце в пятки,
А свирель ему поет:
— Вспомни о листке дубовом,
Что тебе недавно в дар,
Провожая добрым словом,
Но прощанье дал Стежар.
Зря себя ты мучишь плачем,
Струсишь — и погибнешь сам!
Прикоснись листком к незрячим
Отуманенным глазам
Ненасытного верзилы
Орб-Орбилы Флэмынзилы,
И откроются они,
Загорятся в них огни!
Ты тогда погубишь скоро
Кэпкэуна-людомора,
Чтоб вернулась вновь Миора,
Чтоб, как прежде, весела,
Дона снова к нам пришла!

Крикнул мальчик: — Эй, обжора!
Брось реветь,
Как медведь!
Погоди, имей терпенье,—

Возвращу тебе я зренье!

Великан тут в изумленье
Замер, словно истукан,
А пастух в одно мгновенье
Напрямик
В пропасть — прыг!
Свистнул на свирели звонко
И листком коснулся глаз —
Великан прозрел тотчас
И, беднягу-чабаненка
Заприметивши едва,
Словно муху — хвать ручищей,
И заухал, как сова:

— Вот жратва!
Ха-ха-ха!
Право слово, неплоха!
Ты мне, друг, послужишь пищей!
Мне так нужен
Вкусный ужин!
Хоть и мал ты для жаркого,
Но сожру, коль нет другого!
Разозлился Андриеш:
— Чудом спас тебе я зренье,
А теперь меня ты съешь
В благодарность за леченье?

— Благодарность? Ха-ха-ха!..—
Вздулись щеки великана,
Что кузнечные меха.—
Благодарность? Очень странно!
Мне б мясцо да потроха,
Остального мне не надо.
Съем тебя — и вся награда!
Суну прямо в пасть — и крак!..

— Не глотай меня, чудак!
Кэпкэун — наш общий враг,
Но тогда лишь я сумею

С ним разделаться вполне
И свернуть злодею шею,
Если ты поможешь мне!

Тут, вовсю разинув рот,
Великан как заорет!..
От раскатистого гула
На берег волна плеснула,
Содрогнулась грудь земли,
Рухнули в горах обвалы,
Как тростник, леса легли,
А надтреснутые скалы
Ходуном плясать пошли:
— Ты идешь на бой с проклятым
Кэпкэуном-супостатом?
С тем, что взор мой погасил?
Я тебе прибавлю сил! —
Он поскреб в усах своих,
Словно кот, взъерошил их,
Выдернул с довольной миной
Из густых усищ предлинный,
Преколючий рыжий волос
И промолвил, сбавя голос:

— Намотай его на палец
Перед битвой, и тогда
Станет вмиг рука тверда,
Тверже самых крепких палиц!
А теперь ступай, не жди,
К моему врагу иди!
Кэпкэуна победи!
И, отпраздновав победу,
С людоедом кончив бой,
Воротись назад к обеду,
Мы столкуемся с тобой:
Проглочу тебя — и ладно!

Засмеялся великан
Оглушающе, надсадно:
— Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! —

Протянул через лиман
Руку, словно мост висячий,
Переправил пастуха,
Пожелав ему удачи.
И вприпрыжку, налегке,
Пряча волос в кулаке,
Пересек пастух счастливый
Гребни влаги белогривой
По чудовищной руке
Исцеленного обжоры,
Очутился на песке
И увидел вдалеке
Снова горы, горы, горы…
Их зубчатая стена
Из-за грозных туч видна
Так отчетливо и строго,
И как будто бы она
Призывает чабана,—
Знать, туда ему дорога
От начала суждена…

Сказка старая длинна,
Приключений в сказке много.

Чабана томит тревога,
И, дыханье затая,
По горам, среди ущелий,
Он спешит к заветной цели
В Кэпкэуновы края,
В область смерти и печали…

По пути семь раз встречали
На востоке пастушка
Заревые облака.

Горный кряж громадой круч
Встал, огромен и могуч,
Слышишь зов его протяжный?
Так шагай, пастух отважный,
Если к бою ты готов —

Поспеши на этот зов!
Но тяжел конец пути:
Кровь стучит в висках, как молот,
Труден голод, страшен холод,
Но тому, кто смел и молод,
Все легко перенести.
Вьется тропка — выше, ниже,
В пропастях кругом — вода,
Коль оступишься — беда,
Уж не встанешь никогда
Из поганой черной жижи.
Кэпкэун здесь все, что мог,
Уничтожил, смял, пожег
Здесь не вырастет росток
И не зацветет цветок,
Только мухам безобразным
В этом месте, мрачном, грязном,
Прятаться — немалый прок.
Только мухи
Здесь жужжат,
Груды гнили
Здесь лежат,
Да огромные шмели
Появляются вдали,
Да кошмарные улитки
Всюду ползают в избытке,
В складках сморщенной земли
Но шагай и не страшись,
Пастушок,—
Вперед и ввысь!

Семь цепей прошел он горных,
Семь степей-пустынь просторных,
Семь гнилых трясин тлетворных.
Семь долин он пересек,
Семь глубоких, бурных рек.

Наконец пред ним — страна
Кэпкэуна-колдуна,
Где царит лишь тьма одна

Да глухая тишина,
Где нахохленные тучи
День и ночь ползут на кручи,
Навсегда обвив хребты
Покрывалом темноты.
Там в угрюмых бурых скалах,
Рядом с пропастью сырой,
Есть размеров небывалых
Черный замок под горой
С круглым куполом чугунным,—
Он построен Кэпкэуном.
Вечный враг тепла и света,
Жадный людоед кривой
Обезлюдил место это,
Чтоб воздвигнуть замок свой.

Перед входом, при дороге,
Распушив кудлатый хвост,
Зимбру — буйвол остророгий —
Сторожит подъемный мост.
За решетками, на склонах,
Душным зноем раскаленных,
Замер неподвижный сад.
У деревьев, сохлых, сонных,
На безлистых, мертвых кронах
Ветви до земли висят.

И везде на тощих ветках,
Чуть видны средь мутной мглы,
Жаворонки да щеглы
Стонут, связанные в клетках,
В западнях, силках и сетках,
Рвут веревки, рвут узлы,
Горько плача от бессилья.
Их в лесах колдун поймал,
Клювы слабые сломал,
Ослепил, обрезал крылья,
Вот и стаи голубей,
Вот фазан с пером пунцовым,
Даже шустрый воробей

Схвачен хищным птицеловом!
Сизый сокол на цепи
На свободу так и рвется,
И сова над ним смеется
И шипит:
— Сиди, терпи!..—

Мнет когтями гриф-стервятник
Желторотых соколят,
А с карниза, как привратник,
На пришельца острый взгляд
Филин устремил мохнатый
И вопит ему: — Куда ты? —

Стиснув зубы, напрямик
Андриеш идет к воротам,
А ему навстречу: — Кто там? —
Это Зимбру, дикий бык,
Остророгий буйвол ражий,
У моста стоит на страже.
— Кто посмел сюда прийти?
Здесь чужому нет пути!
Задержись перед порогом
И мечтать о замке брось,
А не то каленым рогом
Я проткну тебя насквозь!

Но пастух тотчас смекнул,
Быстро в дудочку дохнул,
Вдоль ее ладов скользнул,
И, как светлая струя
Животворного ручья,
Брызнул свежей трелью чистой
Голос Доны серебристый.

Растопырясь, как паук,
На своем подземном троне,
Кэпкэун услышал вдруг
Этот серебристый звук,
И наверх послушных слуг

Он послал к поющей Доне.
Изогнувшись в три дуги,
Сброд помчался окаянный,
И у каждого слуги
Меж бровями — глаз стеклянный.

Хуже всех из них один —
Колченогий гном Капкын,
С хриплой глоткой, песьей мордой
И свиной щетиной твердой.
Кривопалый, вислоухий,
Он рычит, ползя на брюхе,
Тянет пастуха в застенок,
Но пришельца зря пугает —
Он едва лишь до коленок
Андриешу достигает!

Наконец плюгавый гном
Подмигнул стеклянным глазом —
И уроды-слуги разом
Завладели чабаном,
Руки за спиной скрутили
От запястья до плеча
И, злорадно хохоча,
Андриеша потащили
В подземелье, в тронный зал,
Где хозяин Дону ждал.

Видит мальчик: свод наклонный
Подпирают у стены,
Словно мшистые колонны,
Молдаване-чабаны.
И стоят селяне эти
Столько тягостных столетий,
Что язык их онемел
И хребет окаменел.
Сгорбясь под кирпичной кладкой,
Так молчат они века,
Взором жалобным украдкой
Провожая пастушка.

Строем бесконечно длинным
Все глядят — за рядом ряд —
И как будто говорят:
— О, спаси нас!
Помоги нам!..
Дальше… Дальше…
С нетерпеньем
Вниз по лестничным ступеням
Слуги пастуха ведут,
И везде, то там, то тут,
Как на вспаханном погосте,
Человеческие кости
Устилают мрамор плит.
Взглянешь — и душа болит!
Андриеш, глотая слезы,
Вниз шагает, как слепой,
А за ним, шепча угрозы,
Слуги тянутся толпой.

Вот и тронный зал пещерный
Высоты неимоверной.
Дух спирает запах серный,
Дым валит со всех сторон,
Завиваясь клуб за клубом.
Посредине зала — трон,
А на грузном троне грубом,
В плащ из пламени одет,—
Одноглазый людоед.
Лоб закрыт железным чубом,
Волчьи челюсти — торчком,
Над губой — усы пучком.
Лапой чуб железный гладя,
Кэпкэун сказал, не глядя:
— Ты явилась, наконец,
Хоть скрывалась непреклонно!
Я узнал твой голос, Дона,
Что ж, готовься под венец!
Для невесты — честь и место…

Вдруг своим зрачком одним

Он воззрился: перед ним
Не красавица-невеста
В платье, легком, словно пух,
Нет! Спокойно перед троном,
Перед колдуном влюбленным,
Молодой стоял пастух
В кожочеле[12] пропыленном.

— Это кто еще такой? —
Закричал что было мочи
Кэпкэун, владыка ночи.
Андриеша — хвать рукой!
И к единственному глазу
Быстро мальчика поднес,
Бормоча себе под нос:
— Не встречал таких ни разу!..

Но Кэпкын, шпион искусный,
Хвост униженно простер
И пошел плести свой гнусный,
Лживый, ядовитый вздор:

— Андриеш — известный вор!
Он совсем лишен стыда
И явился к нам сюда,
Чтоб овечек нас лишить,
Чабанов передушить,
Кэпкэунцев сокрушить,
Нашу гибель довершить!

Черный Вихрь, твой старший брат,
Был им в грудь опасно ранен.
Этот мальчик-молдаванин
Отобрал у Вихря клад,
Отобрал сокровища.
Кинь его и уничтожь!
Все, что он ни скажет, — ложь!
В целом свете не найдешь
Худшего чудовища!
Он тебя убить готов

И отнять твою корону —
Так же, как убил он Дону,
Фею песен и цветов.
И убил — в жестоком споре
Чабаненок озорной,
Чтоб тебе доставить горе,
Чтоб не стала Дона вскоре,
Господин, твоей женой!
Он беду принес нам снова,
В том даю собачье слово!
Ведь недаром говорят
И отцы, и наши деды:
Злые кэпкэуноеды —
Молдаване, — ждут нас беды,
Нас, и всех кэпкэунят,
Коль решительно и скоро
Не дадим мы им отпора!
Молдаванин страшный съест
Наш народ в один присест;
Слушайте мой лай собачий,
Адское Величество:
Ставит он своей задачей —
Навязать владычество!
Флуер свой на нас он точит,
Он владычить нами хочет,
Он по своему закону
Съел живьем красотку Дону!

Андриеш вскричал: —Постой!
Я лишь пастушок простой,
Ты мне, царь, не делай зла
И не слушай сплетни эти!
Фея Дона умерла,
Нет ее давно на свете.
Видишь флуер? Вот он, вот!
Голос Доны в нем живет.
Только я в свирель подую,
Воскрешает бузина
Нашу Дону молодую,
И опять поет она,

Как певала встарь когда-то.
Дай мне волю, людоед!
Я принес от Вихря, брата,
Порученье и привет!

— Где ж я снова Дону встречу?
— Отпусти, тогда отвечу!

Радостно колдун заржал,
Так, что замок задрожал
И едва не треснул зал.
Лапу цепкую разжал, —
Распластался пастушок,
Но с колен в один прыжок
Выпрямился и привстал,
Крепко палец обмотал
Рыжим волосом Орбилы,
Великана Флэмынзилы,
Дунул в дудочку слегка
И призывно засвистал.
И на оклик пастушка
Ветер-птица появилась
И по залу закружилась,
Пронеслась, как смерч, над троном,
И крылом по чубу — хлоп!
Приоткрылся мягкий лоб
И остался обнаженным.

А пастух вскричал сурово:
— Много натворил ты злого.
Но вершить не станешь впредь
Черные свои дела.
Да! Ты должен умереть,
Чтобы Дона ожила!
Ухищренья бесполезны —
Не поможет чуб железный!

Кэпкэун захохотал,
Словно гром загрохотал,
И пошло по замку эхо

От неслыханного смеха.
Андриеш ударил раз —
Потемнел ужасный глаз,
Кровью налился — и вот
Заалел пещерный свод,
Стал светлей и выше — чудо!
Но злодей силен покуда.
Андриеш ударил снова
Прямо в лоб владыку злого.
Снова свод пещеры светел
И почти что ярко-ал —
Навзничь Кэпкэун упал,
На удар злодей ответил
Только тем, что застонал.

Стал рассеиваться мрак.
Вот пастух поднял кулак
С рыжим волосом Орбилы
И опять, что было силы,
В мягкий лоб ударил так,
Что свалился с трона враг
Вниз, на мраморные плиты,
Испустил последний вздох,
Вытянулся и подох.
Из единственной орбиты
Выпал кэпкэунов глаз,
Укатился и погас.

Слуг проклятая орда
Разбежалась кто куда,
Не оставив и следа.
И в гнездовье тьмы впервые,
Словно брызнув с высоты,
Расцвели лучи живые,
Золотые, зоревые,
Как весенние цветы.

А Кэпкын удрать не смог,
Не успел уйти, прохвост!
Сгреб чабан его в комок,
Накрутил на руку хвост,
О скалу хватил с размаха,—
И доносчик, злобный гном,
С клеветой своей вдвоем
Превратились в горстку праха.

И, куда ни глянь, везде
В кэпкэуновом гнезде,
В чародейском замке этом,
Озаренные рассветом
Кости мертвые вставали,
В коридорах, в тронном зале,
В каждом замковом подвале
Воскресали, оживали…

К Кэпкэуну, к смрадной груде,
Стали собираться люди,
Обступив его стеной.
И один, уже смелея,
Сунул руку в лоб злодея
И из ямины глазной
Шарик вынул потайной,—
Не видал таких нигде
Андриеш отважный прежде, —
Ну, а тот смельчак — в одежде
Спрятал шарик странный, — «де,
Пригодится, мол, в беде:
Этот шарик был великий

Клад подземного владыки,
Кэпкэуну он, бывало,
Совершал чудес немало,—
Но бросать его не будем:
Пригодится добрым людям!»

И, возникнув из колонн,
Что столетья камнем были,
Чабаны со всех сторон
Андриеша обступили.
Кто в кожоке нараспашку,
Кто обут, кто босиком,
Кто цветастую рубашку
Подпоясал кушаком.
Все — в бараньих кушмах сивых,
Все крепки, дубам под стать.
Сколько их! Не сосчитать
Благодарных и счастливых,
Улыбающихся глаз!
Наконец-то хоть сейчас
Подоспела к ним подмога!
Шевельнуться хоть немного
В каменном плену чертога
Так хотелось им не раз!

— Андриеш! Ты нынче нас
От столетней муки спас!
Слушай наш простой рассказ:
Жили мирно мы когда — то,
И привольно, и богато
Средь равнин родной земли,
От восхода до заката
На лугах стада пасли.
Легок труд был и успешен,
И вели мы жизнь свою
В нашем дорогом краю
Среди яблонь и черешен.
Но, как бурный шквал, сюда
Темным вечером безлунным
Ворвалась в наш край беда —

Одноглазых слуг орда
С людоедом Кэпкэуном.
Обратили нас в рабов,
В сотни каменных столбов,
И заставили на годы
Подпирать плечами своды.
Но коварный чародей
Превратил не всех людей
В неподвижные колонны!
Нет! Немало смельчаков
От заклятья и оков
В темный лес ушли зеленый,
Чтоб с дружиной гайдуков
Вызволить родные склоны
И очистить от врагов
Милый край наш разоренный.
Андриеш! Спасибо, друг!
Ты избавил нас от мук,
От невыносимой боли,
От столетней рабской доли.
Коли с недругом тебе
Встретиться придется в поле,—
Помни, лучше смерть в борьбе,
Чем такая жизнь в неволе!

Тот, который шарик взял,
Пастушку затем сказал:
«Вот, прими-ка наш подарок,
Видишь — камень светел, ярок,—
Тайну я открыть могу:
Кэпкэун, злодей известный,
Этот камешек чудесный
Прятал у себя в мозгу,—
Ничего волшебней нет,
Чем подобный самоцвет!
Он спасет тебя от бед,
Много принесет побед!
Мастер, что гранил его,
Знал не только мастерство,
Знал науку, волшебство,

Был он, что важней всего.
Не с вельможной знатью дружен,
А с обычными людьми…

Камень, Андриеш, прими,
Больше всех тебе он нужен!
Пусть тебя он защитит,
Пусть ведет тебя к победам:
Мастер славный был убит
Кэпкэуном-людоедом,
Но души его частица
В этом камешке хранится!»

И опять бежит дорога,
То бугриста, то полога,
То петлиста, то пряма:
Холм уходит от холма,
А долина — от долины,
А стремнина — от стремнины,
Сердце в страхе каменеет,—
Глядь! Дорога все длиннеет,
Разрастается трава,
Раздаются дерева,
И ужасно, и волшебно
Удлиненье гор, лугов:
Сделать сто шагов потребно
Вместо десяти шагов.

Кровь стучит в висках, как молот,
А кругом — лишь холод, голод,
И торчат из влажной тьмы
Непонятные холмы —
Словно каменные кости
На причудливом погосте;
Как чудовищные рыбы,
Выплывают горы-глыбы,
Ни травинки ни одной —
Только ветер ледяной.
В тяжкой глине вязнут ноги
На нехоженой дороге,

Глухо чавкает земля,
Гибель скорую суля,
Мокрой глиной шевеля,
Уходить домой веля.
Но шагай же через силу,
Наш бесстрашный паренек!
Труден путь, тяжел, далек —
Будто в черную могилу.

Темнота полуслепа,
Извивается тропа,
Налетает на нее
Из потемок воронье,
Гибель скорую пророчит,
Поскорей нажраться хочет.

Пастушок идет-бредет,
Смерти иль победы ждет,
Не видать ни зги во мраке,
Только под ногами знаки,
Неприятные для ног:
В лужах — едкий кипяток,
Глина жаром так и пышет,
И пастух внезапно слышит
Рядом, — что за чудеса? —
Молдаванское наречье!
Да, конечно, — человечьи
Раздаются голоса.

Андриеш в потемки — глядь:
Пастухи, ни дать, ни взять.
И один из них, усатый,
Голос хриплый подает:

«Ох, тяжелою расплатой
Завершится твой приход.
Где ж спасенье наше, где ж?
Мы от воронья слыхали
Об отчаянном нахале
По прозванью Андриеш.

Это ты, видать, и есть.
Прямо в пасть к Вулкану лезть
Нет охотников на свете.
В гиблые ущелья эти,
Где смола да серный дух,
В царство смерти, в царство боли,
Первый ты по доброй воле
Вызвался зайти, пастух!
Даже камни здесь — враги!
Пастушок, скорей беги,
Коль бежать еще ты можешь,
А иначе — кости сложишь,
Иль не соберешь костей…
Торопись! Таких гостей
Здешний Царь Вулкан не любит!
В миг один тебя погубит!»

Говорит ему другой:
«Пастушок мой дорогой,
Коль явился ты сюда,
Знай, что ждет тебя беда.
Коль уж ты забрел во тьму —
Тут храбриться ни к чему.
Если ж ты взаправду смел —
Будь готов для страшных дел,—
Здесь налево и направо
Лишь дымящаяся лава,
Много тел она слизнула;
Здесь земля дрожит от гула,
Людям здесь конец обещан:
Черный дым идет из трещин,
Видишь — справа, видишь — слева:
То Вулкан дрожит от гнева!
У Вулкана на виду
Так вот и живем в аду:
Вырвались в былые дни
Мы из черной западни,
Из объятья Кэпкэунова,
Ледяного да чугунного,
Мы попали вскоре заново

Да в объятие Вулканово!
Мы по глинистой дороге
Мчались вниз, сбивая ноги,
Нестерпимо нас влекло
После холода — тепло,
Мы мечтали: «В самом деле,
Отдохнем среди жары!
На горячий камень сели
И… не встали с той поры.
Так в аду вот и сидим.
Здесь не воздух — черный дым,
Здесь ни ночи нет, ни дня,
Здесь владычество огня!
Видишь, там — бугры пожарищ?
Каждый холмик — наш товарищ,
Нам поставлен назиданьем,
Языком сожжен Вулканьим.
Горько, горько здесь, в аду!

Хоть ответа я не жду,
Но скажи: коль ты на бой
Вызвал гада гадкого,
Нет ли у тебя с собой
Хоть чего-то сладного?»

Так ведется в мире: шутка
С молдаванином — до гроба!
Сколь ни страшно, сколь ни жутко,
Но — веселье, а не злоба!

Андриеш ответил: «Мне
Ясно: все горят в огне.
Неужель никто из вас
От огня себя не спас?»

«Нет, хоть было их немного,
Увела иных дорога
Силу собирать на воле,
Дожидаться лучшей доли
Да надеяться на чудо…»

«Ты-то знаешь сам откуда?»
«Знаю… Ты-то человек ли,
Коль живой в подобном пекле?»
«Нет, огонь не страшен мне,
Много страху в том огне,
Мне достаточно вполне,
Если холод по спине
Пробежит, меня остудит:
Все жары поменьше будет!»

«Ну, ступай вперед, храбрец —
Потолкуем под конец».

Вдоль пылающей земли
Андриеш идет. Вдали
Меж огней, среди мерцанья,
Черным заревом в ночи,
Головнею из печи —
Рожа смрадная Вулканья.
Весь из лавы он отлит,
Из макушки дым валит,
Из ушей и из ноздрей,—
Убегай, смельчак, скорей,
А иначе — пропадешь!
Нос у чудища похож
На огромную трубу,
Лава каплет на губу,
Словно медь, блестит живот,
И кругом толпа снует:
Это славные ребята,—
Сатанята, Вулканята!
Всюду сажа, всюду копоть,
Но доволен великан:
Целый век готов Вулкан
Тяжкими губами шлепать!

Средь пыланья, средь кипенья,
Средь курения густого
Мчатся тяжкие каменья,
Каждое — Вулканье слово!

«Уничтожу в мире всех,
Не хочу терпеть помех,
Суну в озеро огня
Не похожих на меня,
Чтоб войска мои окрепли,
Их вскормлю на чистом пепле,
Я, Вулканчик удалой,
Целый мир залью смолой,
Раздувайте, детки, печь:
Целый мир хочу пожечь!
Разольюсь огнем — не трусь!
До кого ж не доберусь,
Кто ко мне не хочет в гости —
Всем переломаю кости:
Я, куда ни захочу,
Камни тяжкие мечу!..»

Вкруг Вулкана пышут печи,
А пред ними, недалече,
Люди ждут своей судьбы,
А Вулкановы рабы,
Сноровисты и неробки,
Их швыряют прямо в топки.
Оробел на миг пастух,
Как вдохнул угарный дух,
Но не дрогнул пред Вулканом,
Сердце в кулаке зажал —
За советом побежал
Прямо к братьям-молдаванам.

Молвил: «Братцы, что за чудо?
Мы людей должны спасти!»
«Хлопец дорогой, отсюда
Даже черту нет пути».
«Нет, не так, усач любезный!
Камешек при мне полезный,
Драгоценнейший янтарь,
Помогавший людям встарь,
Он со мной — и чист, и цел он,
Мастером великим сделан!»

«Эх, назойливый храбрец!
Ты безумец или лжец?
Кэпкэун — его хозяин,
Камень в мозг его запаян.
Кто бы мог его достать?
Знаешь Кэпкэунью стать?
Видишь, прямо в небосвод
Наш владыка мечет глыбы,—
А имей мы камень тот,
Мы вполне спастись могли бы…»

Не закончил речь старик:
Дрогнул воздух — в тот же миг
Раскололся свод небесный,
И полился дождь отвесный,
Раскололась полумгла —
Камни, сера и смола
Вперемешку с черным градом
Повалили водопадом.
Каждый камень — словно дом,
Гро-грохочет гро-гро-гром!
Хлещет с неба ливень серный,
Невозможный, непомерный,
И летит вулканий хохот:
Гро-мыхает гро-зный гро-хот!
И, как черная отрава,
Хлюпает вулканья лава.
Бьются горы в лихорадке,
Словно в яростном припадке,
Осыпаясь друг на друга,—
Погибает вся округа.

А внизу, в провале темном,
Желчь кипит в котле огромном,
И смола в котлах клокочет,
Всех, кто хочет, кто не хочет,
Обдавая духом смрадным,
Ядовитым, безотрадным, —
Старики кругом рыдают,
Малым детям — невдомек…

Черти же людей кидают
Прямо в черный кипяток.

В страхе смотрит Андриеш:
Где же ключ к спасенью, где ж?
Слышит он издалека
Слабый голос старика:
«Ну, а где же твой янтарь?
Если можешь, так ударь!»
«Да! Спастись все вместе сможем:
Я сломлю пещерный свод!»

«Нет уж, парень, наперед
Мы злодея уничтожим!
Наше сердце позабавь,
Камни в пасть ему направь!
Начинай, дружок, потешь!»
Чудным камнем Андриеш
Стал касаться всех подряд
Скал, — и, по его желанью,
Горы тяжкие назад
Стали прыгать в пасть Вулканью!
В первый раз за столько лет
Вдруг нашлось у них согласье:
И камнями в одночасье
Подавился людоед!

* * *

Сгинул сумрак грязно-серый
В царстве черного царя,
Разломился свод пещеры
Пред сверканьем янтаря,
Раскололся купол тьмы,
Отворилась дверь тюрьмы,
Так подземному народу
Возвратил пастух свободу!

А в саду, подобно чуду,
Ветви распрямив сперва,

Распускается повсюду
Обновленная листва.
И качаются едва
Хрустали да янтари,
И, дыша, растет трава
В блеске утренней зари.
И с высокого холма
Дона, юная, живая,
Снова дойну распевая,
К пастушку спешит сама.
На щеках — румянец свежий,
На кудрях — цветы все те же,
Ясен взор, как небосклон,
Губы алы, как пион.
А слова журчат, звеня,
В розовом дыханье дня,
Как прохладная струя
Серебристого ручья:

— Андриеш! Ты спас меня!..
Нелегка тропа твоя
И задача нелегка,—
Цель трудна и далека.
Но ступай, дружок, вперед!
Не робей! Твоя возьмет!

С добрым сердцем, с духом смелым
Ты дойдешь к любым пределам,
Только верь в свою звезду!
Вот цветочек ярко-красный,
С ним пускайся в путь опасный!
Если попадешь в беду,
По ветру его пусти ты,
И не медля я приду
Для подмоги и защиты!

Глава вторая

ГЛАВА ВТОРАЯ,
В КОТОРОЙ АНДРИЕШ
ОСВОБОЖДАЕТ ДНЕСТР
ОТ НЕНАПОЙНОГО ЧУДОВИЩА СЕТИЛЫ,
ВСТРЕЧАЕТСЯ С СЕМИГОЛОВЫМ
ДРАКОНОМ БАЛАУРОМ
И СПАСАЕТ ЖИЗНЬ
БОГАТЫРЯ ФЭТ-ФРУМОСА.

Плодородьем дышит лето,
Солнцем вся земля согрета,
В шелк и бархат степь одета,
Яблоки в садах горят.
Дремлют зреющие нивы,
Грузно тяжелеют сливы,
На припеке спит ленивый
Смуглощекий виноград.

Ношей семечек увешан,
Стал подсолнух безутешен,
Дремлют заросли орешин;

Гроздья тяжкие даря,—
Плодородье умножая,
Бродит лето, наряжая
Мир для сбора урожая
Золотого сентября.

Лето, как велит обычай,

Ходит в лучшем из обличий,
И несется гомон птичий
По садам весь день с утра.
Летний воздух слаще, чище,
Мчит скворец в свое жилище:
Нынче много птичьей пищи —
Всюду кружит мошкара.
Средь ботвы круглятся дыни,
Тени даже нет в помине!
Так печет, что солнце ныне
В речку радо бы нырнуть!..
Но закончен краткий отдых!
Освежась в озерных водах,
Андриеш к Сухой Долине,
К Валя-Сакэ держит путь.

Там, как ветхое корыто,
Почва трещинами взрыта
И морщинами покрыта,
Ни травинки нет нигде!
Лишь березки возле яра,
Дочки старого Стежара,
Осыпаются от жара
И мечтают о воде.

Ветер-Дым березки душит
И дыханьем ветви сушит,
Молодые листья глушит,
Днем и ночью жжет огнем.
И напрасно все упорней
Мертвый прах взрыхляют корни,
Он, чем глубже, тем тлетворней,
Влаги нет ни струйки в нем.

Здесь бурлил поток в долине,
А теперь на черствой глине
Только сеть округлых линий —
Отшумевших волн следы.
Высохло речное ложе,
И березки в смертной дрожи,

Плачут жалобно — О, кто же
Даст хоть капельку воды?

Окропи нас, дождик, сбрызни,
Пить хотим!..
Губит жаждой наши жизни
Ветер-Дым!
Волдырем берёста вздута
На коре,
Листья съежились, как будто
В ноябре.
Нашим горестям бессчетным
Нет конца,
Да еще отец не шлет нам
Ни словца!..
Ветерок неугомонный,
Ты б хоть раз
Увлажнил росой студеной
Бедных, нас!
Тучи, не летите мимо
Напрямик!
Скройте нас от Ветра-Дыма
Хоть на миг!
Мы терпеть уже не в силах
Суховей!
Закипает в наших жилах
Сок ветвей…
Кто ж из вас росткам поможет
Молодым?
Листья лижет, почки гложет
Ветер-Дым…

Под горой, в трясине смрадной
Есть нора,
Там залег Сетила жадный
У Днестра.
Великан тысяченогий,
Злой урод,
Развалясь в своей берлоге,
Воду пьет.

Синий Днестр, прохлады полный,
Видим мы,
Но напрасно рвутся волны
Сквозь холмы,—
Не пробьется к почве знойной
Ни одна,
Пьет Сетила ненапойный
Днестр до дна.

Волны, волны, отзовитесь!
Где ж он, где ж
Наш спаситель, смелый Витязь
Андриеш?

Так березки причитали
И тревожно трепетали.
Услыхав тоскливый стон,
Андриеш прибавил шагу
И спустился по оврагу
На крутой прибрежный склон.
Что ж внизу увидел он?

…Поперек речного ложа,
Заграждая путь волне,
Разлеглась такая рожа,
Что не встретишь и во сне!
Горб огромный на спине,
Чешуей покрыта кожа,
Камыши торчат в ушах,
Вдоль хвоста растет высоко
Исполинская осока,
А в траве и в камышах
Копошится тьма болотных
Отвратительных животных,
И столбом стоит с утра
Комарье да мошкара.

А Сетила землю давит,
Растопырясь, будто краб,

И речное дно буравит
Тысячами жадных лап.

Днестр шумит волною синей,—
Пена ярче серебра!
Днестр спешит к Сухой Долине,
Где березки жжет жара,
Но чудовищное рыло
Выставил вперед Сетила,
Пышет зноем из нутра,
Обрекая на бесплодье
Степь, что так была щедра,—
Ловит страшное отродье
Воду нашего Днестра!

А Сетиле мало, что ли,
Влаги, отнятой у нас! —
Он рычит от жгучей боли,
Словно самой горькой соли
Десять гор сожрал зараз:
— Пить хочу! Пить хочу!
Чем я горло промочу?
Заскорузла пасть моя —
Ни колодца, ни ручья!
Ай-яй-я!..
Реки выпил я до дна,
В руслах только пыль видна…
Вот-те на!

Чем напьюсь я, не пойму…
Горе брюху моему!
Не стихает жар в груди,
Хоть я выпил все дожди
И расправился с росой
До последних малых крох,
Ой-ой-ой!..
Даже тяжко сделать вздох,
Словно мох,
Язык иссох,
Ох-ох-ох!

Так урод рычал от гнева,
Накаленный, словно лава.
Днестр — налево,
Пасть — налево!
Днестр — направо,
Пасть — направо!
Волны пенились кудряво
И метались, и бурлили,
В ужасе текли к Сетиле,
Исчезали, как в могиле,
В тьме разинутого зева,
Наполняя влагой чрево.

Андриеш — как в землю врос…
У него одна лишь дума.
Он тревожно и угрюмо
Задает себе вопрос:
— Как же мы, дружище, сладим
С этим дьявольским исчадьем?
Гибнут степи и луга,
И сады и огороды
Из-за жадного врага,
Что глотает наши воды!
Труд людской! Ты — слава жизни,
Молодости брат родной!
Изобилье дай Отчизне,
Победи мертвящий зной!
Дай струе Днестра свободу,
Проложи тропу волнам
И стремительную воду
Возврати на благо нам!

Засучил наш мальчик бравый
Рукава,
Принялся он берег правый
Рыть сперва.
Камни, что на скатах были,
И песок
В морду стал кидать Сетиле

Пастушок.
Заревел тогда со страху
Злобный гад,
Начал бить хвостом с размаху
Наугад.
Зашипел от жесткой пищи,
Как змея,
Встала дыбом на хвостище
Чешуя,
От камней распухло рыло
И спина…
Тут задел хвостом Сетила
Чабана.
Дрогнул мальчик, пошатнулся,
Замер дух…
Но, смекнув, к земле пригнулся
Наш пастух,
В горсть набрал размокшей пыли,
Изловчась,
Прыгнул, — и в глаза Сетиле
Кинул грязь.
Обомлев, Сетила жадный
Шарить стал,
Взвил до неба хвост громадный —
Захлестал.
Зря свою же спину ранит
И бока,
Как ни бьется — не достанет
Пастушка!

Путь в земле бесплодной роет
Андриеш,
Он канал обводный роет,
Андриеш!
Русло новое готово,
Днестр зовет,
Но сосет Сетила снова
Пену вод.

Андриеш поник устало:

— Поту много, толку мало.
Только прорвалась одна
Злополучная волна,
Глядь, пропала вмиг она —
Чудище струю поймало!
Кто ж поможет в деле этом
Хоть каким-нибудь советом?
Что придумать — не пойму,
Мне не сладить самому…
Вдруг он слышит вздох протяжный
Над речной лазурью влажной,—
Это мчался без дорог
Перелетный ветерок.
И знакомый звонкий свист
Грянул над Сухой Долиной,—
Это пел дубовый лист,
Скрытый в дудочке бузинной:
— Обойди хвостище длинный
Справа, по степи полынной,
И днестровскую волну
Поведи на целину!

Улыбнулся пастушок,
Прокопал в короткий срок
Новый путь к Сухой Долине
Для воды днестровской синей.
По каналу величаво
Хлынула вода направо,
На поля родной земли;
А Сетила — опивало
Очутился на мели,
Где воды — как не бывало!
И раздался вой Сетилы:
Злобно из последней силы
Завертелся гад, ярясь.
Ох, нехорошо Сетиле,—
Ищет влагу в донном иле,
А находит только грязь.
Завертел урод хвостом,
Спину выгорбил мостом,

Лапы скрючил и потом
В русле околел пустом!

И пришли издалека

По призыву пастушка
Кучевые облака,—
Потемнела степь кругом,
Замелькали над оврагом
Ослепительным зигзагом
Стрелы молний, грянул гром,
И все чаще, звонче, гуще,
Как пчелиный рой гудя,
Засновали в тьме бегущей
Капли первого дождя.

Но внезапно из-за леса,
Словно черная завеса,
Появился Ветер-Дым.
Он пополз густым туманом
По долинам и полянам
И дыханием своим
Начал жечь цветы и травы,
Обновленные дубравы,
Нежный лист, что чуть подрос
В кронах молодых берез.
Дунул ветер — и погиб
Строй зазеленевших лип,
Иссушил злодей траву
И садовую листву.
Андриеш бежит по круче
Без оглядки, как шальной,
Вниз, к речной струе текучей:
Чтоб спастись от жажды жгучей
И умерить душный зной
Освежающей волной.
Но не может, как ни хочет,
Воду поднести ко рту:
Перед ним река клокочет,
Испаряясь на лету.
И, сжигаемое жаром,
Все течение Днестра
Плещет пеной, брызжет паром,
Как на пламени костра.
Смотрит пастушок, мертвея,

На бушующий поток,
Что под властью суховея
Превратился в кипяток.
И, ползя в тумане чадном.
Растекаясь по земле,
С грозным смехом беспощадным
Ветер-Дым шипит во мгле:

— Я весь мир спалить могу!
Виноградники сожгу,
Все кусты на берегу,
Все травинки на лугу,
Всю лесную мелюзгу!
Пусть в садах цветы завянут,
Пусть баштаны[13] пеплом станут
И засохнут без воды
Недозревшие плоды!
Я деревья в роще каждой
Уморю жестокой жаждой,
Уничтожу, что хочу.
Землю в сажу превращу,
Накидаю толстый слой
Серой пыли, гари черной
И тебя, чабан упорный,
К облакам взметну золой!

Истомился пастушок.
Тело млеет нестерпимо,
На лице — сплошной ожог
От дыханья Ветра-Дыма.
И, согнувшись в три дуги,
Страшным пеклом опаленный,
Слышит он глухие стоны:
— Выручай нас, помоги!
Это плакали березки
На пустынном перекрестке.

— Эх! — подумал мальчик, — что ж,
Неужели ни за грош
Сгинут от жары бедняги…

Где б достать хоть каплю влаги?
Новой мыслью осенен,
Дону вдруг припомнил он!
Полный силы и отваги,
Распустил ремень десаги[14],
Вынул маковый цветок,
Кинул кверху лепесток
Ярко — огненного цвета,
Словно небо в час рассвета.
И мгновенно вся земля
Утренней росой покрылась,
Лучезарно озарилась
Ясным блеском хрусталя.

Ветер-Дым проклятый снова
Напустил туману злого,
Задышал опять жарой,
Но тотчас же наш герой
Лепесток метнул второй —
Вырос тут же лес косматый,
Лес дремучий и сырой!
И пошли, за строем строй,
В наступленье, как солдаты,
Буки, ясени, дубы,
Липы, тополи и клены,
Развернув свои колонны
Для решающей борьбы!

Испугался Ветер-Дым,
Еле дышит, еле дует
И трусливо негодует,—
Он ведь столько лет враждует
С грозным войском молодым.
Знает — лес непобедим!

А за этим лесом — новый
В бой спешит резерв кленовый,
Там — другая полоса
Встала над Сухой Долиной
Зоркой стражей тополиной,

А за нею — вновь леса.
Закачались, зашумели.
Сосны, лиственницы, ели
Наступают след во след
Все тенистей, гуще, краше.
На земле цветущей нашей
Суховею — места нет!

А счастливый пастушок
Вновь цветок из торбы вынул
И с размаху третий кинул
Ярко-алый лепесток —
С неба ливень бурный хлынул,
Напоил водой живой
И сады, и огороды,
И пшеницы яровой
Зеленеющие всходы.

Весело шагал пастух,
Звонко дудочка свистела,
Будто радовалась вслух.
Лес ей вторил то и дело,
Полный счастья без предела,
И роняли нежный пух
Над речным простором ивы,
Чабана со всех сторон
Славили поля и нивы;
Радуга земной поклон
Отдала ему любовно,
И качались рощи, словно
Говорили: — Это он,
Пастушок, спешащий мимо,
Спас наш край от Ветра-Дыма!
А днестровская волна,
Провожая чабана,
Пеной на берег плеснула
И по-дружески шепнула:

— Много сделал ты добра
Для широкого Днестра.

Так ступай своей дорогой,
Но, когда придет пора,
Я примчусь к тебе с подмогой,
Вмиг избавлю от беды,
Лишь хлебни глоток воды!
И притоки-сыновья,
Вся текучая семья
До последнего ручья,
Влажной ратью голубою
Изготовят волны к бою!

От седых днестровских вод
По долинам шагом скорым
Андриеш спешил вперед
К неизведанным просторам,
Дальше, от холма к холму.
И шептали вслед ему
Белокурые березки,
Словно девушки-подростки:

— Оглянись еще хоть раз!
Погоди на миг, прохожий!
Сколько есть ветвей у нас,—
Все твои, чабан пригожий!
Ты одну из них сломи,
На прощание возьми,
Положи в мешок заплечный
Как залог любви сердечной.
Если по пути беда
Неожиданно нагрянет,
Помаши, пастух, тогда
Веткой, что вовек не вянет.
И с подмогою придет
Весь дремучий наш народ:
Лес кудрявый, многоствольный,
Сотни лет копивший мощь,
Молодежь зеленых рощ,
Силачи дубравы вольной!

* * *

Долог путь, долга и сказка,
Не близка еще развязка.
До развязки далеко,
Добираться нелегко.

Славно отдохнуть, пожалуй,
Под веселый шум воды,—
Но спешит пастух усталый,
Не окончены труды.
С глаз отхлынь, дневная дрема,
Ибо слышится вдали
То ль небесный голос грома,
То ли грозный гул земли, —
Загремит и оборвется,
Рев — озлоблен и несыт:
С кем-то заново бороться
Андриешу предстоит.
Страх, холодный и колючий,
Наплывает темной тучей,—
Что замыслили враги?
Рев летит с далеких пашен,
Но опять пастух бесстрашен,
И легки его шаги.

Шел весь день чабан веселый
Через горы, через долы,
И прибрел к вершине голой;
На нее взобрался он,
Поглядел на небосклон,
Где тускнел закат увядший…
Вдруг из рваных облаков
Вынырнул — и был таков,
Кэпкэуна глаз бродячий!
И тотчас же день потух.
Сел на камень наш пастух:
— Как шагать, пути не зная? —
Вкруг сгущалась тьма ночная.
И долины, и холмы
Затопило море тьмы.

Полдень — полночи мудрей,
Утро — вечера бодрей.
Солнце, выгляни скорей,
Озари нас, обогрей!

Над притихшею поляной
Полог тянется туманный;
Утомленный пастушок
Постелил свой кожушок
На душистую траву,
И, во сне ли, наяву,
Слышит он в ночи призывный
Звук свирели заунывный,
Блеянье овечьих стад,
Всхлипы маленьких ягнят.
Чудится ему — во мраке
Лают зоркие собаки…

Что же это? Сон, быть может,
Душу дремную тревожит,
Или детские мечты,
Призраки воспоминаний,
Воплотились ночью ранней
И скитаются в тумане
Средь волшебной темноты?
Или на пастушьем стане
Старый бач[15] вожак чабаний
И ведун степных преданий,
У костра свой сказ ведет,
И сияет над привалом
Покрывалом небывалым
Многозвездный небосвод?

Андриешу снится сон —
Будто очутился он
Средь некошенного луга.
Он идет вперед, и вот
Слышит — издали зовет
Белорунная подруга;

Видит — в голубом дыму
Стадо на опушке бора…
Счастлив Андриеш! Миора
Вновь ласкается к нему,
И в глаза глядят ягнята,
Словно малые ребята.
Солнышко, как добрый дед,
Смотрит на него с улыбкой.
Пелены тумана зыбкой
И в помине больше нет.
Зорька! Зорька! Над Молдовой
Утро веет жизнью новой!

Возле рощи сонной
Свежий луг зеленый,
Светом напоенный,
Блещет, как парча.
На лугу — студеный
И неугомонный,
Ключ бежит стозвонный,
По камням журча,
И стоит большая
Стына[16] у ключа.
Утром, поспешая
Под гору, в долину,
Покидают стыну
Три овечьих стада.
Им спуститься надо
Вниз, да побыстрей!
Там ковры из мяты,
Лисохвост мохнатый
И густой пырей.
Травы не измяты,
Веют ароматы
Полевых цветов,
А ручей над кручей
Влагою певучей
Всех поить готов.

Пляшет отсвет яркий

Солнечных лучей.
Громко блеют ярки[17],
Бегают овчарки,
И шагают рядом
Чабаны со стадом,
Смотрят, чтобы матки
Двигались в порядке
В дол, где травы сладки,
Где журчит ручей.
День все горячей,
Песни все звончей,
Щелканье бичей —
Как пальба на праздник.
Где-то вдалеке
Свищет в лозняке
Ветерок-проказник,
Ветви колыхает;
Лес в ответ вздыхает,
Средь листвы порхает
Птичий хоровод…
В травах, без дороги,
Мальчик босоногий
Не идет — плывет,
Направляясь к стыне,
Где горшки на тыне[18],
Выстроившись в ряд,
Кверху дном торчат.

…День проходит длинный,
Снова над долиной
Выплывет луна
Желтою подковой,
Ночь пройдет — и снова
Солнцем жизнь полна.
Солнце всходит плавно,
Льет лучи с небес,
И под ними славно
Зеленеет лес.
Шум звонкоголосый

Рвется в синеву,
И полощут росы
Свежую листву.
Синь на небосклоне,
Зелена земля,
К небу тополя
Вскинули ладони,
К розам величавым
Льнет пчелиный рой,
Над землей сырой
Встать привольно травам…

…Малость в стороне
От ворот кошары,
На дубовом пне
Смуглый и поджарый
Восседает бач —
Солнцем опаленный,
В кушме запыленной,
Строгий дед-усач.
Он овечек чешет
Гребнем золотым,
Трубкой сердце тешит,
Выпуская дым:

— Время овцам в стыну,
Их доить пора!..
Падает в корзину
Шерсть из серебра.
Сколько есть овечек —
Бач за всех ответчик,
Список им ведет,
Каждую сочтет
И отметку позже
Ставит на рэбоже,
На пруте своем,
Острым лезвием.

— Здравствуй, дед…
— Привет, привет!

Заходи сюда, прохожий.
Видно, к нам тебя в село
Издалека занесло.
Знаю, что судьба плоха
Горемыки-пастуха,
Если ото всей отары
Лишь кожух остался старый:
Ведь подпасок без овец—
Это сад без деревец,
Это поле без дождей,
Это город без людей,
Это песня без дуды,
Это русло без воды,
Это ноги без опинок,
Это роща без тропинок!

И повел он слово
О годах далеких,
О делах жестоких
Времени былого,
Горького и злого:

— У крутого ската
Здесь была когда-то
Добрая Долина
И стояла стына.
Жил тут мудрый бач,
Бач-Богян, богач,
Не казной своей известный
По земле окрестной,
А бесстрашной речью правой,
Неподкупной, нелукавой,
И душою честной
Да гайдуцкой славой.

Он взрастил пушистую
Яблоньку ветвистую,
Как невеста, — чистую,
Как весна, — лучистую.
Вытянулась яблонька,

Сделалась ветвистою,
Пышной, многолистою,
Золотоволосой,
И в урочный срок
Бач ее нарек
Яблоней-Фрумосой.
Нет, не яблоки на ней —
Розовые щеки!
Нет, не ствол, что всех стройней,
Выпрямился из корней —
Тонкий стан высокий!

Расцвела она не зря
У Богяна мудрого,
И, за ласку одаря,
Родила богатыря:
Сына темнокудрого
И с глазами, как заря,
Удалого молодца,
Сердцем в мать,
Лицом в отца.
Был наш край прославлен им!
И прозвала сына
Добрая Долина —
Фэт-Фрумосом Яблонным.

Но с недавних пор
Из-за хмурых гор,
Из-за голых скал
Прилетать к ним стал,
Злобный и громадный,
Змей Балаур жадный.
Семикрылый, семиглавый,
Весь народ он съесть готов!
Страшен взор его кровавый,
И полны отравой
Семь его хвостов.
Пасти широки,
Яд стекает с жал,
И торчат клыки:

Каждый зуб — кинжал.

Лапою когтистою
На пологий склон
Яблоньку ветвистую
Повалил дракон
И чешуйчатым хвостом
Раздавил ее потом.

На Балаура с мечом
Вышел Бач бесстрашный,
Но дракону нипочем
Драться в рукопашной!
Был Богян для боя стар;
Хоть сражался неустанно,
Грянул яростный удар,
Зазияла рана —
Змей убил Богяна…
С неба синего тогда
Пала синяя звезда.
Эту светлую звезду
Поднял Фэт-Фрумос в саду,
Укрепил на лбу своем;
С тех времен молва живая
Говорит везде о нем,
Звездоносцем называя.

Годы мчались:
Фэт-Фрумос
Хорошел, мужал и рос.
Он весну двадцатую
Встретил — золотую,
Пахнущую мятою,
Светом налитую!

Этот год любовь принес —
Повстречался Фэт-Фрумос
Со своей желанной,
Ляной Косынзяной.

Весела она была,
Будто яблоня бела,
Будто яблоко румяна,
Ляна Косынзяна!
Звонким щебетом щегла
Пела постоянно.
И, услышав этот звук,
Пробуждался каждый луг,
Роща каждая цвела,
Каждая поляна!
Говорливому ручью,
Дойне чабана,
Душу вещую свою
Отдала она.
Научила петь свирель,
Дудочку бузинную,
И вплела призывный хмель
В песню соловьиную.
Эх, житье-бытье!
Видно, счастье — впрок!
Целовал ее
Легкий ветерок.
Спорил ключ студеный
С легким ветерком,—
И дубы, и клены,
Каждый лист зеленый
С нею был знаком.

Травы на лесных полянах
Посылали ей привет:
Платье светлое — в тюльпанах,
А в косичках — маков цвет.
В мире песен всех чудесней
У нее была своя.
И ее веселой песне
Вторил голосок ручья.
Ночь брела по селам,
Навевая сны,
Вдаль струясь по долам
Серебром луны.

Все же, как ни странно,
Было спать невмочь,
Потому что Ляна
Озаряла ночь.

И когда, средь вешних роз,
Ночью несказанной,
Повстречался Фэт-Фрумос
С Ляной Косынзяной,—
Просияла, как звезда,
Фея песен — Ляна,
Полюбила навсегда
Сына Бач-Богяна.
Но проклятый Семихвост
Напустил на нас туману
И похитил Косынзяну…
С той поры из тайных гнезд,
Из разбойничьих чертогов
И своих драконьих логов
Он шипящих гадов шлет,—
Обитателей болот,—
Чтобы завладел долиной
Род Балаура змеиный.

И пошли со всей страны
Гайдуки да чабаны,
В их отряде славном
Фэт-Фрумос был главным.
Он поныне день-деньской
Полон горькою тоской,
Бродит с ятаганом
По лесам туманным,
По степям-полянам,—
Ищет всюду: где же Змей?
С ним сразиться хочет,
Для семи драконьих шей
Семь клинков он точит…

Так закончил дед рассказ.
Наступил вечерний час.
За горой закат погас,
И густая, теневая

Протянулась полоса,
Постепенно закрывая
Отдаленные леса.
Сквозь прозрачный сумрак синий
Звезды первые видны,
И везде, по всей долине,
С песнями шагают к стыне
Молдаване-чабаны,
И стада овечьи с ними…
Смеркся день. Уже темно.
Лишь мерцает в сизом дыме
Серебристое руно.

Вот сгрудились на опушке
Матки, ярочки-резвушки
И ягнята-малыши.
Время спать.
В ночной тиши
Слышен самый слабый шорох.
Подле стыны пастухи,
Навалив огромный ворох
Сучьев липы и ольхи,
Коротают в разговорах
Вечер трудового дня,
Разместившись вкруг огня,
Словно близкая родня.
И пошла у них стряпня!
Смех звенит, беседа льется.
Пир — на славу! Пей да ешь!
Но молчит и не смеется
Одинокий Андриеш.
Мальчик терпит еле-еле,
Ноет сердце пастушка:
Он своей заветной цели
Не успел достичь пока…
Как забудешь об отаре?
Об отчаянном Лупаре?
О сестрице — Миоаре?
Цель, как прежде, далека.

Кулаки до боли сжав,
Андриеш вскочил стремглав,
Крикнул громко:
— Где же, где же Фэт-Фрумос?..
И в тот же миг
Пробудился.
Ветер свежий
Ласково к нему приник.
Над холмами на востоке
Расплескал свои потоки
Бледно-розовый рассвет.
Степь туманна и пустынна,
Ни костра, ни стада нет.
Чабаны, овчарки, стына,
Бач — усатый, строгий дед, —
Луг и Добрая Долина
Были только странным сном,
Скрылись в мареве ночном…

Где же Фэт-Фрумос? Быть может,
Он как брату мне поможет!

Но пред взором пастушка —
Неоглядно широка
Даль степей. Да облака
Бесконечно длинной цепью
Проплывают по над степью,
Словно белые гурты,
В дымке, у земной черты.
Вот одно из них похоже
На взлохмаченного пса,
Рядом с ним — чабан прохожий,
Черноусый, смуглокожий…
И еще одно плывет
И меняет облик дивно,
Превращаясь непрерывно
В хату, в мельницу — а вот
Всей, до черточки единой,
Трехручьевою Долиной
Разом застит небосвод.

Вдаль плывет, пути не зная,
Исчезает за межой,
Милый край напоминая
Пастушку: земля родная
В небе над землей чужой.

Смотрит, смотрит в небеса
Андриеш… И на тропинку
Молча уронил слезинку.
И тотчас же из земли
Сотни стеблей проросли,
И меж листьев лопуха,
В теплой молодой дернине,
Начал бить источник синий,
Окликая пастуха:
— Андриеш! Я Бык-Бычок,
Старого Днестра внучок,
И от всей семьи речной
Я отвечу на вопрос,
Расскажу, где Фэт-Фрумос,
Если ты пойдешь за мной!

* * *

И пошел пастух счастливый
За речушкой говорливой
И прозрачной, как хрусталь,
В зачарованную даль.

Даль! Твоей свободной шири
Есть ли где пределы в мире?..

Вдоль потока долгий срок
Брел долиной пастушок,
И привел Бычок проворный
Чабана к подошве горной.
Здесь в сторонку он свернул
И сказал: — Круты дороги
Через гребни и отроги!
Сквозь гранит мне нет пути,
Не пробиться, не пройти,

Надо прежде подрасти!

Пробираясь к трудной цели
Через горный перевал,
Девять каменных ущелий
Наш скиталец миновал
И за пропастью десятой
Увидал издалека
Лес огромный и зубчатый,
Подпиравший облака.
Необъятная дубрава
Простиралась величаво,
Закрывая свод небес
Лиственою шапкой хмурой,
Будто шкурой черно-бурой.

Это был Орхейский лес…

Зорко вглядывались в дали
Исполинские дубы
И стояли, словно ждали
Лязга закаленной стали,
Грома боевой трубы.
И царил в лесу такой
Удивительный покой,
Что казалось — от начала
Ни одной души людской
Эта чаща не встречала,
Что поныне с первых лет
Речь людская не звучала,
Не пролег и малый след,
Не бывало здесь вовеки
Ни тропы, ни лесосеки;
Лишь стволы дубов — сплошной
Непролазною стеной.
Но звучал в разлатых кронах,
Сединой посеребренных,
В мощных сучьях оперенных,
Устремленных в небосвод,
Гомон странный, голос тайный,

Будто средь листвы бескрайней
Песня издавна живет.
Из глубин дремучей чащи,
Что-то глухо говорящей,
Шепчущей самой себе,
Веяло родным наречьем,
Вечным словом человечьим,
Призывающим к борьбе!

Вот один из великанов,
Словно ото сна воспрянув,
Ветви поднял, сам привстал,
Желудями забряцал
И, тряхнувши гривой львиной,
Затянул напев старинный:

— Эх, ты шашка, моя шашка!
Ты молчишь, сестра-бедняжка?
Скучно, знать, в углу стоять,
Почернела рукоять…
Отчего вздыхаешь тяжко?
У ножон сломалась пряжка
Или верное твое
Затупилось острие?

— Рукоять-то золотая,
Только пыль на ней густая!
Кромка ровная остра,
Только я сама стара!
Сотни лет стою без толку,
Позабыли про меня…
Хоть бы раз увидеть холку
И развихренную челку
Богатырского коня!
Потускнел мой стан упругий.
Хоть бы раз еще с собой
Всадник в кованой кольчуге
Взял меня в кровавый бой!
Пусть герой, повитый славой,
Вырвет шашку из ножон,

Пусть хоть раз клинок мой ржавый
Будет снова обнажен!
Я, игрушкой бесполезной
В ожидании стою,
Чтоб гайдук рукой, железной
Стиснул рукоять мою!
Чтобы сызнова могла я
Показать былую стать,
Синим пламенем пылая,
Молодая, удалая,
Над врагами засвистать!
Чтобы крепнул год от году
Воскрешенный мой клинок
И восставшему народу
Воротить свободу мог!

Замолчал певун косматый,
Но вослед за ним второй
Великан молодцеватый
Выступил из мглы сырой;
Подбоченясь ветвью гибкой
И тряхнув листвою зыбкой,
Дрогнул с головы до пят
И завел на древний лад:

— Буздуган[19], мой верный друг,
Боевая палица!
Лишь взмахну тобою вдруг
Да как выпущу из рук,—
Все холмы гудят вокруг,
Враг на землю валится!

Эх, бывало, мы вдвоем
По витой тропинке
Странствуем в лесу моем,
Встречных супостатов бьем
В честном поединке!

Был немалым наш улов
И в открытом поле!

Сотни вражеских голов
Мы с тобой, без лишних слов,
В битвах раскололи!

К звездам я тебя кидал,
Ввысь, навстречу бурям.
Ты дробил цепей металл
И решетки тюрем.

Но тебя в свои края
Враг унес лукавый,
И теперь остался я
Без гайдуцкой славы!..

Дуб затих, но тут же третий
Вскинул ветви, словно плети,
И, невнятно прохрипев,
Затянул иной напев:
— Лист зеленый, стань на страже,
Спрячь меня в родной тени,
От лихой погони вражьей,
От облавы охрани!
Я в дубраве тиховейной
Починю замок ружейный,
Наточу я боевой
Ятаган тяжелый свой,
Заседлаю вороного
Бурногривого коня
И помчусь на битву снова
Из убежища лесного!
А покуда — спрячь меня,
Лист зеленый, лист дремучий,
Верный друг, товарищ лучший!..

Андриеш средь глухомани
Продвигался, как в тумане.
Вязнут ноги пастуха
В колтуне седого мха.

Вдруг замшелые дубы

Разом встали на дыбы,
Корни из земли рванули,
Зычно песни затянули
И пустились в общий пляс
Хороводом шумнолистым
С громким криком, гулким свистом…
Тысячи зеленых глаз
Светятся над Андриешем.
Что им надо, этим лешим?

У деревьев не суки,
А каленые клинки —
Замахнулись наготове,
И не листья там, а брови
Разлохматились вверху,
Угрожая пастуху:

— Гей, чабан! Лети вперед,
По-гайдуцки, прямо в сечу!
Ведь победа не придет,
Надо к ней спешить навстречу!

И под этот слитный гром,
Раздававшийся кругом,
Пастушок что было мочи
Смело кинулся бегом.
По дубраве прямиком
Мчался он и дни, и ночи.
Но пред ним из чащи темной
Вдруг явился дуб огромный
И простой, невероломной
Речью встретил пастушка,
О беде его проведав,
Словно песней славных дедов
Усладил издалека.

Он погладил веткой-пальцем
Пастушка по рукаву,
Чтобы бодрость со скитальцем
Пребывала наяву,

Чтоб не дрогнул в час унылый
Пастушок в бою, в борьбе,—
Дуб делился древней силой,
Что века хранил в себе.
Молвил властелин лесной:
«Каплю силы земляной,
Пастушок, возьми с собою,
Смелым будь, готовься к бою
И борись за край родной!
И когда сойдутся тучи,
Черные наступят дни,
Лес широкий, лес дремучий
Добрым словом вспомяни.
И тогда вдогон, в дорогу
Лес пошлет тебе подмогу, —
В бой пойдет наш гордый род.
Чем бы жизнь ни пригрозила,
Знай — с тобою наша сила.
Андриеш, иди вперед!»

Ровно семь ночей и дней
Меж стволов, среди корней,
Не щадя последних сил,
Андриеш бежал, спешил,
И восьмою зорькой ранней
Очутился на поляне
У лесной опушки.
Вдруг
Видит — перед ним гайдук
В шитом золотом долмане[20],
С длинностволкой на ремне
И в мерлушковой[21] красивой
Серебристой кушме сивой,
Сам — на вороном коне,
Аргамаке-скакуне
С пышною, волнистой гривой:
— Стой, чабан! Куда идешь?
Что тебя по дебрям носит?
Или пули в сердце ждешь,

Или шея сабли просит?

— Добрый витязь, не спеши,
Не губи моей души!
Мне дорогу показали
И в дремучий лес послали
Говорящие дубы.
Там земля под ними гнется
И округа вся трясется
От их пенья и гоньбы!

— Не дубы взметнули ветки,
Как разящие клинки,—
То герои, наши предки,
Удалые гайдуки,
Что под знаменем свободы
В незапамятные годы
За народ родной земли
В здешних дебрях полегли.
А теперь, мой мальчик, смело
Ты свое поведай дело.
Что за горькая беда
Привела тебя сюда?

Оглянулся пастушок:
У костра сошлись в кружок
Храбрецы дубравные,
Кубки пьют заздравные,
Распевают близ огня,
Ладя сабли и чиня
Ружья неисправные.

И один из них слегка
Усмехнулся свысока,
Посмотрел на пастушка
И насмешливо сказал:
— Ты, как птенчик, слаб и мал,
Но, отважившись, пролез
В наш угрюмый, старый лес.
Разве ты не знал, что тут

Только сильные живут?

— Нет на свете ничего
Горше горя моего!
В мире целом нет нигде
Равного моей беде!
Черный Вихрь похитил стадо.
Мне сыскать злодея надо
И овец опять вернуть.
Фэт-Фрумос один лишь в силах
Указать надежный путь,
Чтоб спасти овечек милых.
Но в какой же стороне
Фэт-Фрумоса встретить мне?..

— Ты желанием напрасным
Зря томишься, мальчуган!
Фэт-Фрумос на солнце ясном
Свой тяжелый буздуган
Закалил бы, да не в мочь,—
Черный Вихрь, наш враг известный,
Напустил на землю ночь,
Тьмой наполнил свод небесный.
С той поры богатыри
Жгут костры и ждут зари.
Отнял песню Вихрь поганый!
А без песни буздуганы
Не забросишь, хоть умри!
Коль ее никто не сложит,
Буздуган лететь не может…

— Вот она! Я вам принес
Боевую песню эту,
Что собрал по белу свету!
Ты скажи — где Фэт-Фрумос?

Глянул пристально гайдук
И вскричал: — Послушай, друг!
На себя берешь ты много —
Тяжела к нему дорога.

Дерзкий пастушок бродячий!
Две дадим тебе задачи.
Коли выстоишь в борьбе,
Значит путь открыт тебе,
А не выдержишь — прости,
Значит нет тебе пути.
К испытаньям всё готово:
Выбирай коня любого!
Если справишься с конем,
С верховым красавцем ражим,
И удержишься на нем,—
Мы тропу тебе покажем,
Если ж ты, пускаясь вскачь,
Упадешь — тогда не плачь!

Не вдали паслись на склоне,
У студеного ключа,
Не расседланные кони,
Сбруей кованой бренча.
В стороне, у старой ивы,
Над стремительной водой,
Ветроногий, бурногривый,
Ржал могучий Ройб-Гнедой.

— Этот, этот мне по нраву! —
Закричал на всю дубраву
Восхищенный пастушок,
И верхом на Ройба — скок!
(Правда, сердце чабана
Задрожало от испуга,
Как натянутая туго
Зазвеневшая струна!)

Без малейшего усилья
Взвился конь под облака,
Увлекая пастушка.
У колен передних крылья —
Два лучащихся пучка —
Выросли, светясь, как пламень.
Ройб то падал, словно камень,

То взвивался в высоту,
Распластавшись на лету.
Он стрелою мчался мимо
Темных туч и светлых звезд,
А за ним струями дыма
Развевался длинный хвост,
И дождем куда попало
Грива искры рассыпала.

Хлещет ветер чабана.
Андриеш на землю глянул,
Ужаснулся и отпрянул,
Ухватясь за скакуна:
Где-то там внизу видна,
Будто в пропасти без дна,
Лишь сплошная тьма одна.
Ни лесов, ни рек, ни гор
Разглядеть не в силах взор.

А Гнедой все выше мчится,
Как чудовищная птица,
Брызжет яростным огнем,
Дико ржет и жаром пышет.
Андриеш летит на нем,
Сам кричит — себя не слышит.

Все быстрей
Мчит Гнедой
Из ноздрей —
Пар седой.
Ройб взлетает до небес…
Что за чудо?
Вес исчез!
Что за новая игра?
Легче легкого пера
Стало тело пастушково,
Легче пуха, право слово!
Сбросил кушму хлопец — вот
Кушма в воздухе плывет!
Право, чудо из чудес —

Кушма потеряла вес.
В небесах, в просторе стылом,
Всадник в воздухе повис.
Кровь, кипя, бежит по жилам,
Разобраться не по силам,
Где тут верх
И где тут низ.

Чудо новое грядет:
Черным стал небесный свод,
Солнца шар в просторах реет,
Пламенеет, да не греет.

Андриеша страх берет:
Надо ли спешить вперед?
Андриеш уже не рад:
Может, повернуть назад?

Как найдешь надежный путь?
Как коня к земле вернуть?
Наконец, находит взор
Дальние вершины гор.
Ясен путь теперь и прям:
Надобно лететь к горам.
И к земле, к родному дому
Снова путь держать Гнедому.
Смертный холод, не грози!
Снова на коне могучем
Андриеш спустился к тучам,
Видит шар земной вблизи.

Облака скользят клоками,
А над ними, в вышине,
Пастушок за облаками
На стремительном коне.
В холоде пустыни синей
Андриеша и коня
Оковал хрустящий иней,
Как пудовая броня.
Грива — в слитках ледовитых,

И сосульки отросли
На серебряных копытах,
Отвисая до земли.
И Гнедой на этих льдинах,
Будто на ходулях длинных,
По долинам заскакал,
По лесам, по гребням скал…

Облака скользят клоками,
А вверху, за облаками,
В небе чистом, как стекло,
Дышит мальчик тяжело, —
Пальцы холодом свело.
Он промерзшими руками
Уцепился за седло.
Если есть на самом деле
Хоть немного силы в теле,
Собери ее в кулак,
Собери ее во взгляде,
Ибо лишь победы ради
Ты скакал в надзвездный мрак!

Мчишься из небесной дали
С ветром наперегонки!..
Андриеша ожидали
На поляне гайдуки.

Эй, крепись, чабан застывший,
Ведь победа так близка!
Стыдно, реку переплывши,
Утонуть у бережка!

И пастух не оплошал,
Зубы стиснул, пальцы сжал,
И в последний миг с трудом
Удержался на Гнедом!

А скакун уже сквозь тучи,
По ветру кружась, рывком
Падал, словно лист летучий,

Вместе с храбрым седоком
Вниз, к сторожевому стану,
На гайдуцкую поляну.
Сердце бьется — не уймешь!
Но, сдержав упрямо дрожь
И недавний страх скрывая,
Андриеш воскликнул: — Что ж!
Вот прогулка верховая!
Хоть еще б часочек мне
Прокатиться на коне
В беспредельном небе! Право —
Молодецкая забава!
Я и дольше бы летал,
Только бедный Ройб устал!

Удивились гайдуки:
— Этот всадник нам с руки!
Он сумел смирить Гнедого,
Мы его проверим снова.
Слушай, маленький герой,
Вот тебе урок второй,—
Поразмыслить крепко надо:
Догадайся-ка, открой,
Кто из нас глава отряда?

Ждут ответа гайдуки:
Да, задачи нелегки,
Надо их решать с оглядкой,
С осторожною повадкой,
С гайдуками — глаз да глаз!
Очень уж несложно враз,
Встав пред этаким вопросом,
В лужу сесть, остаться с носом:
Мигом попадешь впросак,—
Здесь не справится простак!
Ох, смотри, опасно это —
Не суметь найти ответа,
Не найдешь — пути конец:
Оставайся без овец!

Глянул пастушок в упор —
Удальцы как на подбор,
И казалось, что они
Словно из одной родни:
По глазам друг с другом схожи,
По усам, по смуглой коже,
По убранству, по одёже,
И оружие всё то же.
Нет на них различных знаков,
Отмечающих чины,
Только рост неодинаков,
Плечи разной ширины.

Долго думал пастушок,
Опершись на посошок:
«Как найти ответ желанный?»
И, подумав, попросил:
Ну-ка, бросьте буздуганы
Кверху, сколько хватит сил!

И, вспорхнув над головами,
Над вершинами дубов
Булавы за булавами
Стаей быстрых ястребов
Полетели ввысь со свистом
И пропали в небе мглистом.

А герои на привале
Пели песни, пировали
Или тешились порой
Богатырскою игрой.

Сумерки уже минули,—
Буздуганов нет давно.
Хмурые дубы уснули,
Всюду сыро и темно.
Только сверху шум идет,
Небо тишины лишая,—
Буздуганы длят полет,
Друг за другом поспешая, —

Так Медведица Большая
Лапой по небу скребет.

Отгорел закат багряный,
Птицы больше не слышны…
Лишь тогда-то буздуганы
Стали падать с вышины.
Засновали то и дело
Меж ветвей в ночном часу,
Словно буря загудела
В потревоженном лесу!

Буздуганы все упали,
Их владельцы подобрали.
Только палица одна
Почему-то не видна —
Долго странствует она!..

Гайдуки в молчаньи снова
Сели у костра лесного,
Каждый кинул на траву
Боевую булаву.
Только Чубэр с черным чубом,
Развалясь, лежал под дубом,
Подперев рукой висок.
Был он ростом невысок,
Но широк в плечах и цепок,
Духом смел и телом крепок,
И в заоблачный предел
Он внимательно глядел,
Дожидаясь неустанно
Возвращенья буздугана…
А его все нет и нет!

Гайдуки вокруг костра
Просидели до утра,
О делах минувших лет
Посудачить мастера!
И когда настал рассвет,
Тяжкий буздуган летящий

Промелькнул и рухнул в чаще,
Расколов столетний бук.

— Вот теперь вам назову я,—
Крикнул мальчик, торжествуя,
Чубэр главный здесь гайдук!

Молодцы вскричали звонко:
— Знать, набита головенка
Не соломенной трухой!
Ты отгадчик неплохой,
И наездник ты лихой,—
Победил два раза кряду
И смекалкой и трудом.
Мы за то тебя в награду
К Фэт-Фрумосу поведем!
Коль пешком решил идти —
Мы твои друзья в пути,
Коль верхом не тяжело —
Прыгай поскорей в седло!

Прыгнул Чубэр на Гнедого:
— Ну, давай поскачем снова!
Сядь-ка сзади на коня
И хватайся за меня.
Упадешь — так пропадешь,
К черту в зубы попадешь!

Чубэр свистнул,
Ройба стиснул,
Буздуган могучий свой
Ввысь метнул,
И конь сквозь тучи
Полетел за булавой.

Солнце село,
Вкруг стемнело,
Улеглись дубравы спать…

Ночью звездной

Чубэр грозный
Буздуган поймал опять.

Кинул снова,
И Гнедого
Шлет
В стремительный полет.
Конь, как птица,
В небе мчится
Вслед за палицей вперед!

Тьма редеет,
Ветер веет,
Первый луч пробил туман.
Лишь на зорьке
Всадник зоркий
Вновь метнул свой буздуган.

Над холмами,
Над лесами,
Над скалистою грядой
Пролетает,
Настигает
Булаву скакун Гнедой.

Конь ретивый
В пене сивой,
А гайдук сидит верхом,
Зычным свистом
Голосистым
Заглушая все кругом,
Даже самый сильный гром!

Вдруг под ними,
Словно в дыме,
Меж кремневых диких гор,
Непрохожий,
Непроезжий,
Схожий
С шкурою медвежьей,

Показался хмурый бор.
Как пунцовый
Лист кленовый,
Ройб, кружа, скользнул к земле,
Вниз, к зеленым
Хвойным кронам,
Еле видимым во мгле.

Так в лесистый край пустынный,
В отдаленные долины,
В бор, где бродит Фэт-Фрумос,
Седоков скакун принес.

Вот он, лес —
До небес!
Вот он, бор —
Выше гор!
Строен, крут
Он не зря:
Здесь приют
Богатыря!
Вот он, весь,
Мощь вознес!
Где-то здесь
Фэт-Фрумос!
Вот он, лес
В полный рост —
До небес
И до звезд!

Но, не вымолвив ни слова,
Андриеш, как неживой,
Побелев, упал с Гнедого
Средь полянки моховой.
Но к нему гайдук сурово
Прикоснулся булавой,
Закаленной, боевой,
И, тряхнувши головой,
Андриеш воспрянул снова,
И, в приливе свежих сил,

Мигом на ноги вскочил.

Взвился Ройб, а Чубэр гикнул,
Стиснул конские бока,
И приветливо окликнул
На прощанье пастушка:

— Мальчик, вот моя рука!
Ты найдешь наверняка
Фэт-Фрумоса, вожака!
Хоть задача нелегка
И сложна дорога эта,—
Должен справиться ты сам.
Наш главарь здесь бродит где-то
От заката до рассвета
По ущельям и лесам.
И Дракона-Семихвоста
Он преследует везде,
И на суше, и в воде.

Путь к нему сыскать не просто,
Ошибешься — быть беде!
Здесь любой исход возможен,
Здесь опасностей не счесть,
Здесь ловушки всюду есть,
Будь хитер и осторожен!

* * *

Труден путь для смельчака,
Отдохнуть нельзя пока!
Вслед за палицей вперед!
Не видать еще конца!

Заиграл пастух на дудке,
И, не медля ни минутки,
Вслед за песней зашагал
Меж стволов и голых скал.
Шел то медленно, то скоро
По тропинкам в чаще бора,

Меж дерев — то вниз, то ввысь —
Стежки тонкие вились.
Путь нелегок, путь далек:
«Вот присядь-ка на пенек,
Пастушонок, отдохни»,—
Тихо-тихо шепчут пни.
Но проста его стезя —
Отдыхать ему нельзя!

Так шагал немалый срок
Вдоль кустов усталый странник
И забрел в густой ольшанник,
На развилку трех дорог…
Андриешу невдомек,
Кто б ему сейчас помог
Мудро сделать выбор лучший?
Впереди шипит гадючий
Шевелящийся клубок,
Змеи, толстые, как сосны,
Точат яд свой смертоносный;
Слева, средь листвы лесной,
Крестовик-паук огромный;
Он с быка величиной
И, коварный, вероломный,
Спрятавшись в тени укромной,
Ловит скрытной сетью темной
Кабанов и диких коз.
Справа, за лощиной тесной,
Ароматный луг чудесный,
Уводящий под откос,
Где на шелке трав и злаков
Пламенеют пятна маков,
Полевых гвоздик и роз,
Как бесценные каменья…

И пастух в недоуменьи
Задаст себе вопрос,
Выбирая направленье:
Продолжать ли прямо путь,
Влево, вправо ли свернуть?..

Там, за кручей,
Сбился кучей
Ком гадючий.
Здесь не слаще! —
В грозной чаще
Сплел жилище
Паучище.
Справа сочный
Луг цветочный, —
Видно, мягкий, словно пух…
Растерялся наш пастух.

Легкий путь ведет к несчастью,
Это он слыхал не раз,
Но, опутан страшной властью,
Сам с цветов не сводит глаз.
И кивают средь поляны
Желтый донник, вереск пряный,
И боярышник румяный,
И звенит ручей стеклянный,
Завлекая песней странной…

Андриеш стоит как пьяный,
Широко глаза открыв,
В голове — туман дурманный,
Пастушок ни мертв, ни жив.
Все советы позабыты,
И, откинувшись назад,
Он впивает ядовитый,
Неотвязный аромат.
Вновь мечты его томят
О Долине Трехручьевой,
Где шумит садок вишневый.
Мальчик дремлет наяву,
А лукавый аромат
Льет и льет свой сладкий яд,
Так и манит на траву!
И свою переупрямить
Пастушок не может память.

Шепчет травка: «Здесь, в саду,
Отдохни, пастух, я жду!

Хорошо лежать в тени!
Пастушонок, отдохни!»
Хоть тревога сердце гложет
И ее не превозмочь,
Пастушок уйти не может
От зовущей тропки прочь.
Андриеш идти готов
Лишь по этому пути
И не в силах от цветов
Глаз горящих отвести…

Пастушок шагнул направо:
Там, как пугало для птиц,
Узловато и коряво,
Будто сшито из тряпиц,
Одинокое торчало
На пригорке деревцо:
Ствол — горбат, листва — мочало,
Ветви согнуты в кольцо.
Вдруг он видит — шевельнулись,
Разогнулись два сучка
И тихонько протянулись,
Обнимая пастушка;
— Андриеш, ступай поближе,
Подойди же, подойди же!..

Глядь! Пред ним не деревцо,
А костлявая старуха,
Тело скрючено и сухо,
Пасть от уха и до уха,
Закопченное лицо —
Как печеное яйцо.
Изумился пастушок
И пустился наутек
От столетней этой злючки.

Но бурьяны и колючки
Выросли стеной вокруг,
И пропал цветущий луг,
И старуха, как паук,
Выпустить его не хочет
Из своих костлявых рук,
И хохочет,
И бормочет,
И колдует,
И морочит:
— Не спеши, любезный друг!
Погоди, пастух, постой-ка,
Я Стригойка-Згрипцоройка,
Я больна, слаба, стара,
На покой давно пора!
У меня, у старушонки,
Нет здоровья, нет силенки,
И водицы ни ведра
Не могу себе с утра
Донести я до избенки.
Мне не выйти со двора,
Не поднять мне топора,
Чтоб для печки, для костра,
Наколоть немного щепок.
Ты же молод, строен, крепок,
Угоди мне три разочка,—
Отпущу, дружок, тогда!
А поленишься — беда!
Я Балаура, сыночка,
Мигом призову сюда,
Он сожрет тебя — и точка.
Не оставит и следа.
А теперь входи, мой милый,
В эту скромную избу!..

И она рукою хилой
Хлопнула себя по лбу.
Вмиг убогая постройка
Показалась у бугра:
Кровля ветхая остра,

Стены — сучья да кора,
А Стригойка-Згрипцоройка
Заскрипела, словно сойка:

— Эй вы, слуги, повара!
Будет вам головомойка!
Выбегайте из дверей,
Собирайте поскорей
Из отборной снеди гнусной
Пастушку обед превкусный!

Тут лягушки-попрыгушки
С колпаками на макушке,
Змеи, в руку толщиной,
Жабы, в стог величиной,
Кто с шумовкой, кто с мутовкой,
Прискакали, приползли,
В печке пламя развели
И с отменною сноровкой
Из клопов, мокриц, жуков,
Сколопендр и пауков,
И навозных червяков
Стали жирный и приятный
Стряпать суп невероятный.

Вот несут в зеленых лапах
Жабы полный котелок…
И такой зловонный запах
Андриеша обволок!

А Стригойка-Згрипцоройка
Приговаривает бойко:
— Не стесняйся, мальчик, ешь,
Угощайся, Андриеш!
А не хватит, мой молодчик,
Сварим снова котелочек!

Но седой карге в ответ
Говорит пастух неробкий:
— Ни за что на свете, нет!

Не хочу твоей похлебки!
Не держи меня, пусти!

А старуха, словно кошка,
Расшипелась: — Не шути!
Ведь отсюда нет пути!
Отдохни у нас немножко,
В нашем доме погости!

— Не могу я ждать ни дня!
Бабка, выпусти меня!
Прохлаждаться не могу,
К Фэт-Фрумосу я бегу!

— Ты кончай-ка, друг любезный,
Разговор свой бесполезный! —
Злобно, яростно и глухо
Заскрипела тут старуха,
— Нет уж, друг мой дорогой,
Ты отсюда ни ногой,
Брось подобные заботы,
Много у меня работы,
Ни к чему дорога в даль,
Ты остался с носом:
Ты увидишься едва ль
С мерзким Фэт-Фрумосом!
Здесь тебе найдется койка,
Одеяло — чистый шелк!..

И Стригойка-Згрипцоройка
Андриеша в спину — толк!
Пастушок, взмахнув руками,
Очутился в темной яме…

Над землей погасла зорька.
Андриеш заплакал горько,
Сидя на холодном дне,
Окружен глубокой ямой:
«Не ходить бы, право, мне
По дороге легкой самой!

Солнце полночи сильней,
Мысли на заре ясней.
Рано утром старушонка
Разбудила пастушонка:
— Полно спать, вставать пора!
Мой дружок румянолицый,
Принеси-ка мне водицы,
Ну, хотя бы два ведра!
— Два ведерка из реки?
Право слово, пустяки!

Андриеш с ведром в руке
Под гору сбежал к реке,
Что текла невдалеке.
Но карга своей клюкой
Зачертила над рекой,
И волна плеснула к тучам,
Измельчась дождем падучим
На поверхности земной.

А коварная старуха
Стала жаловаться глухо:
— Стой, бездельник озорной!
Ты смеешься надо мной,
Разленился спозаранку,
Нерадивый пастушок!
Так ступай туда, в лесок,
Принеси дровец вязанку!

— Дров достаточно в лесу,
Я немедля принесу!
Захватил чабан топор
И пустился в ближний бор,
Что синел за склоном голым.
Но карга, взмахнув подолом,
Юбкою закрыла лес,
И мгновенно лес исчез.

Бродит мальчик вдоль полянки,—

Не собрать ему вязанки!
Вместо леса — темнота
И дровишек ни прута.

А злорадная старуха
На ухо жужжит, как муха:
— Стой, бездельник озорной!
Ты смеешься надо мной,
Разленился ты с рассвета,
Нерадивый пастушок!
Так ступай же на лужок
И нарви мне три букета!

Андриеш взглянул вокруг,
Видит — расцветает луг,
Как живой, благоуханный,
Деревенский, домотканый
Удивительный ковер.
И куда ни кинешь взор —
Георгины да тюльпаны,
Да махровый мак багряный,
И таких больших цветов
Не найти нигде на свете —
Будет вмиг букет готов,
А за ним — другой и третий!
Но едва наш пастушок
На колено опустился,
Чтоб сорвать хотя б цветок,—
Тот в колючку превратился!

Андриеш бродил с тоской
По лужайке день-деньской,
Но пионы и гвоздики
Превращались под рукой
В терн густой, в колючник дикий…

Вот и ночь уже близка —
Ноют пальцы пастушка,
И сочатся кровью ранки;
Не сорвал он на полянке

Ни единого цветка,
А не то что три букета…

Засмеялась, видя это,
Крючконосая карга
И кричит ему:
— Ага!
Стой, проказник!
Безобразник!
Ты себе устроил праздник
И смеешься надо мной,
Одинокой и больной,
Над моею сединой!
Разленился ты, лукавый,
Нерадивый пастушок.
Вот примчится мой сынок,
Змей Балаур семиглавый,
Он сожрет тебя тогда
И проглотит с потрохами,
Не оставит и следа!
А пока — ступай сюда,
Посиди, как прежде, в яме,
Можешь до зари поспать!

Пролетела ночь опять,
Утро сызнова настало,
И внезапно что-то там
Наверху загрохотало.
И раздался лязг металла,
Непонятный шум и гам,
Словно кандалы да цепи
Протащили по кустам
Через рощи, через степи.
Змей скрежещет и топочет,
Все сожрать в округе хочет,
Заливает все дурной
Ядовитою слюной.

Ночь настала наверху,
Стало страшно пастуху

Без защиты в черной яме:
Застит солнце змей крылами,
Гадок, мерзок, шелудив!
Пастушок ни мертв, ни жив:
Неужель в чужой сторонке
Из-за злобной старушонки
Суждено ему пропасть
И попасть злодею в пасть?
Мальчик понял: это он,
Омерзительный Дракон,
Семиглавый и стоногий,
Напрямую, без дороги,
Возвращается домой.

— Здравствуй, сын хороший мой!
Завопила Згрипцоройка, —
Ты скорей подвал открой-ка!
Я старалась, как могла,
Вкусный завтрак припасла!

Чешуей Балаур звякнул,
Семикратно зычно крякнул
И в подполье к чабану
Сунул голову одну,
Ближе к пареньку придвинул,
Пасть зубастую разинул,
И, защелкав перед ним,
Не давая сделать шагу,
Язычищем ледяным
Стал облизывать беднягу;
Облизав добычу всласть,
Змей осклабился приятно
И, забыв захлопнуть пасть,
Шею вытянул обратно.

Так семь раз подряд в подвал
Головы Дракон совал
И сопел неутомимо,
Изрыгая клубы дыма,
Прямо в очи пастуху

Ухмыляясь то и дело.

Вдруг снаружи, наверху,
Зазвенело, загудело,
И раздался семерной
Рев семи драконьих глоток:
— Я сегодня сыт и кроток,
Сам не знаю, что со мной!
Я сожрал овечье стадо,
Мне сейчас еды не надо.
Завтра есть я захочу
И мальчишку проглочу.

Андриешу очень худо:
Страшен семиглавый зверь,
И, наверно, только чудо
Может выручить теперь!

Снова наступает ночь,
Только снова спать невмочь,
Смотрит вверх пастух несчастный,
А в кусочке вышины
Семь неярких звезд видны
В высоте пустой неясно.
Может, знак в них тайный есть?
Что возможно в них прочесть?
Что должны они пророчить?

… Как бы смертный час отсрочить.
Пастушок, пора проститься
Со Стежаром, с Ветер-Птицей,
Больше встретить не случится
Берег древнего Днестра.
Пусть во сне тебе приснится
Утро, солнце, Миорица, —
Пастушок, пришла пора!

Мальчик смотрит в вышину,
Сидя в колдовском подвале…
И приснилось чабану,—

Семь высоких звезд упали,
Покатились и пропали,
Сгинули в ночной тени.
— Уж не головы ль они
Ненасытного Дракона? —
Андриеш подумал сонно.

Он очнулся и вздохнул,
Тихо дойну затянул,
И во все концы земли
Эту песню разнесли
Синие речные воды
И ручьи, и ручейки —
Дойну горя и тоски.
В ней пастух навек прощался
С красным солнцем и луной,
Горько плача, разлучался
Он со всею остальной
Красотой земли родной.
Так протяжно, так спокойно
Над землей струилась дойна!

Ветра вольного крыло
Эту песню вдаль несло,—
Птицы вторили нестройно…
Ах, как хлопцу тяжело!

И тогда из тьмы ночной
Ослепительной волной
В яму хлынул свет волшебный,
Словно солнца блеск целебный.
Этот свет на пастушка
Излучали два зрачка,
Два лазурных огонька,
Две звезды, два глаза смелых.

Где ж еще, в каких пределах
Раньше их увидеть мог
Наш скиталец-пастушок?
В небе, что ли, подглядел их

Иль на крыльях мотыльков,
Иль в мерцаньи гроздьев спелых,
В синих всплесках васильков,
В гордых взорах гайдуков,
В искрах боевых клинков?

Это синими очами
Улыбался Фэт-Фрумос:
Пленнику в глубокой яме
Избавленье он принес.
Сам — в пастушеском плаще,
Блещет сабля серебром,
И уселся на плече
Сокол с голубым пером.

— Фэт-Фрумос пришел сюда! —
Закричал пастух счастливый,—
Добрый воин, справедливый
От Балаура спасет,
Мне свободу принесет!
Витязь рассмеялся звонко,
Руку протянул в подвал,
Высвободил чабаненка,
Обнял и поцеловал.

И промолвил Фэт-Фрумос:
— Долго ты, пастух, скитался,
Тяжкий путь тебе достался,
Только это не беда!
Ты держал себя достойно,
И твоя подруга-дойна
Привела меня сюда.
Я чудовищного Змея,
Семиглавого злодея,
Много лет уже ищу,
Сабли на него точу.
И теперь к нему в берлогу
Показал ты мне дорогу.
Видишь, там бежит с холма
Ведьма старая сама!

Значит, время подошло
Рассчитаться ей за зло,
Что всю жизнь карга творила
От восхода дотемна.
Как ни прячься, вражья сила,
Все ж не скроется она
И поплатится, конечно!
Лишь добро на свете вечно.
Ну, проклятая, держись!

И гайдук с размаху ввысь
В небеса метнул над хатой
Грозный буздуган зубчатый,
Чтоб ударить по врагу.
А Стригойка-Згрипцоройка,
Словно мышка-землеройка,
Заметалась на лугу,
Спину выгнула в дугу;
Зря она себя корежит —
Ей помочь ничто не может!
С громом рухнул на каргу,
На Стригойку-Згрипцоройку,
Богатырский буздуган,
Как могучий ураган,
И колдунью, и постройку
Раздавил и доконал,
В землю черную вогнал.

И проснулся в тот же миг
Расколдованный родник;
И колючки и бурьяны,
Что росли среди поляны,
Превратились в мак багряный,
В желтый донник, вереск пряный,
В пестрые ковры гвоздик
И боярышник румяный.

За кустами диких роз,
Притаясь, дышать не смея,
Андриеш и Фэт-Фрумос

С нетерпеньем ждали змея.

Вот раздался лязг и звон.
Это полз к своей берлоге
Возвращавшийся Дракон,
Семиглавый и стоногий.
Он сопел, то здесь, то там
Изрыгая дым и пламя.
По деревьям и кустам
Яростно хлестал хвостами.

Фэт-Фрумос нахмурил брови
И промолвил чабану:
— Я немедля бой начну.
Здесь прольется много крови.
Для семи драконьих шей
Наточил я семь мечей.
Будь все время наготове,
Рядом стой и не зевай,
Мне оружье подавай!
Только молвил богатырь —
С ревом вылез на пустырь
Змей Балаур семиглавый,
Протянул во всю длину
Шею гибкую одну
И разинул зев кровавый,
На бойца дыша отравой.

А бесстрашный Фэт — Фрумос
Исполинский меч занес
Над чешуйчатым Драконом,
Опустил клинок со звоном,
И под лезвием каленым
Покатилась голова,
И окрасилась трава
Кровью, как смолою, черной,
Ядовитой и тлетворной…

Но сломавшийся клинок,
Загремев, упал у ног.

Андриеш стоял на страже,
Подал меч другой тотчас же,
Размахнулся вновь герой —
Нет и головы второй!
Покатилась вдоль откоса,
Чешуею грохоча,
Но в руке у Фэт-Фрумоса —
Лишь обломок от меча.

Свистнул третий меч подъятый
И ударил тяжело,
А за ним — четвертый, пятый
Разлетелись, как стекло.
Славен будь, клинок помятый!
Грудой головы лежат,
Горы и холмы дрожат,
Но дракон проклятый бьется,
Стервенеет, не сдается,
Льет с клыков смертельный яд,
Изрыгает черный смрад,
Грузно виснут шей обрубки…
Пусть клинок сломался хрупкий,
Но дела идут на лад!

Ох, дракон бушует зря —
Не сломить богатыря!
Пусть дракон, яря свой гнев,
К гайдуку, осатанев,
Пастью тянется щербатой,—
Но у нечисти хвостатой
Уж не семь голов, а две,
Остальные — на траве.
Вот сверкнул шестой клинок —
Голову срубил шестую,
Но и сам, сломавшись, лег
Рядом, на траву густую.
Заревел окровавлённый
Змей с одною головой,
А воитель непреклонный

Вынул меч последний свой.
Тут, при виде новой сабли,
Силы змеевы ослабли,
Льется кровь — грязна, густа,
Душит гада тошнота.
Тут злодею неспроста
Пригодилась мощь хвоста!
Чуть лишь Фэт-Фрумос подступит —
Он хвостом нещадно лупит,
Не щадит ни шей, ни лап,
Хоть уж вовсе, видно, слаб.

Землю гложет, раны лижет,
Кровью и слюною брызжет,
Издавая злобный храп.

Он ярится, грузно скачет,
Головы уже не прячет,
Той, что до сих пор цела,—
Видит, очередь дошла
До нее, — он кровью плачет,
Битва гаду тяжела!
Бою смертному обучен,
Даже Фэт-Фрумос измучен:
Богатырь бы тут любой
Прекратил подобный бой
От усталости давно;
Так, быть может, было б — но
Вечно с Фэт-Фрумосом вместе
Память о его невесте
И святая жажда мести,
Жизнь иль смерть за дело чести,
А другого — не дано!

Богатырь с Драконом бьется,
Не смолкает звон клинка,
Гул за лесом отдается,
А товарищ гайдука,
Синий сокол, так и вьется,
То взмывает в облака,

То назад к земле несется,
Научая смельчака,
Где удар наметить надо
И куда обрушить меч,
Как последнюю у гада
Напрочь голову отсечь.

Весь в крови, как в черном дегте,
Змей напряг остаток сил
И бесчисленные когти
Фэт-Фрумосу в грудь вонзил.
Богатырь не растерялся,
Изловчился, постарался,
Боевым клинком взмахнул
И противника проткнул.
Но Дракон двумя рывками
Саблевидными клыками
Голову отсек бойцу,
Фэт-Фрумосу, храбрецу.

Изрыгая дым и пламя,
Медными всплеснул крылами
И с одной лишь головой
Улетел, едва живой.
А герой, в крови багряной,
Недвижимый, бездыханный,
Растянулся на песке.
Небо ясное затмилось,
Солнце в тучи укатилось
И погасло вдалеке.

Кончен бой, не стало сил,
Очи витязь погасил,
Алым залита трава,
Откатилась голова.
И природа — в забытьи:
Разом смолкли все ручьи,
Приумолк высокий бор,
В кронах смолкнул птичий хор,

Лишь дрожит едва-едва
Почерневшая листва.
И, зачахнув от печали,
На лугу цветы завяли,
Обмелела вся река.
В тишине глухой и грозной
Слышен только ропот слезный
Причитаний пастушка.

— Брел я путем нескончаемо длинным,
Шел я к тебе по горам и долинам,
Фэт-Фрумос…
Нес тебе флуер с песнями Доны,
Ты же теперь лежишь побежденный,
Фэт-Фрумос…

Я поборол великана Сетилу,
Свел Кэпкэуна-злодея в могилу,
Фэт-Фрумос…
Нес тебе флуер завороженный,
Ты же теперь лежишь побежденный,
Фэт-Фрумос…

Горе мне, горе! Кто мне поможет?
Черного Вихря кто уничтожит?
Фэт-Фрумос…
Кто нас утешит в печали бездонной?
Ты же теперь лежишь побежденный,
Фэт-Фрумос…

Пел чабан и плакал тихо
О своей лихой судьбе…

Глядь, пред ним сидит зайчиха!—
Что-то ей не по себе.

— Андриеш, мне тоже тяжко,
Не утешусь я, поверь!
Ранен мой сынок-бедняжка,
На него стоногий зверь

Наступил кривым когтищем,
Закаленным, как металл,
И три лапки оттоптал.
Мы с тобой сейчас поищем
Три травинки на лугу,
И когда они найдутся,
И сплетутся, и срастутся,
Вместе с ними — я не лгу! —
Прирастут немедля снова
Лапки моего Косого!

Что ж, по воле, по неволе,
Скорбь, развейся! Мука, прочь!
Много есть на свете боли —
Каждой надобно помочь!

Уронил пастух слезу, —
И у ног его, внизу,
Три зеленых стебелечка,
Три травинки, три листочка
Меж собой переплелись,
Крепко-накрепко срослись.

А зайчиха встрепенулась
И трилистником слегка
К лапам зайчика-сынка
Осторожно прикоснулась;
Длинноухий озорник
Излечился в тот же миг
И на лапках исцеленных
Заплясал в кустах зеленых.

Взял трилистник наш чабан,
Фэт-Фрумоса обнял смело
И коснулся страшных ран
Обезглавленного тела.
Подкатилась голова,
Стала розовой сперва,
Плотно к шее прилегла
И мгновенно приросла,—

Вспыхнул вновь румянец пылко,
С губ сбежала синева,
Вот на них уже — ухмылка,
На виске забилась жилка,
Как тугая тетива.

Витязь головой тряхнул,
Потянулся и вздохнул:
— Что со мной случилось ныне?
Может быть, я сплю еще?
Горделивый сокол синий
Сел герою на плечо.

Пастушонок улыбнулся

И ответил на вопрос:
— Ты б вовеки не проснулся,
Ты не встал бы, Фэт-Фрумос,
Если б я не прикоснулся
Этой заячьей травой,
Сон прервав глубокий твой.
Шесть голов срубил ты Змею,
Но ему подставил шею,
Ухитрился он в борьбе
Голову отгрызть тебе!
А теперь скажи мне, мудрый,
Синеглазый, чернокудрый,
Звездоносец Фэт-Фрумос!
У меня овечье стадо
Черный Вихрь давно унес,
Мне сыскать злодея надо
И овец опять вернуть.
Укажи мне верный путь,
Помоги мне чем-нибудь!

И тогда, как солнце, светел,
Фэт-Фрумос ему ответил:
— Андриеш, мой пастушок,
Путь нелегок твой и долог,
Но не бойся ничего.
Вот, возьми стальной осколок
Буздугана моего!
Ты метнешь осколок в тучи,
И тотчас мой буздуган,
Неподкупный и могучий,
Словно грозный ураган,
Прилетит к тебе с Востока
И в одно мгновенье ока
Сокрушит врагов твоих,
Стены тюрем вековых,
Своды темных подземелий,
И оковы, и замки,
Как бы не были крепки!
А теперь к заветной цели
Ты смелей, пастух, иди,

Ждет победа впереди!
Помни, что в лесные чащи
Солнцу красному невмочь
Кинуть свётлый луч блестящий,
Разогнать слепую ночь,—
Черный Вихрь всегда на страже:
Со своею силой вражьей
Затмевает солнца свет,
А без солнца — воли нет!
Так ступай за ясным светом,
Солнце красное ищи,
И, герои-силачи,
Мы тебе поможем в этом!

Разлучиться нам пора…
У разлуки есть сестра —
Безутешная тоска.
Но молчит она, пока
Светит нам издалека
Дружба пламенем костра!

Андриеш продул дуду
И пустился шагом скорым
К неизведанным просторам,
Напевая на ходу.

И, надеждой окрыленный,
Он долиною зеленой
Шел вперед, к своей судьбе,
К дорогой, далекой цели.
И звучал в его свирели
Голос витязя призывный,
Наделенный силой дивной:
— Добрый путь, пастух, тебе!

Так пойдем же вместе мы
Вслед за ним упорным шагом
По ущельям и оврагам,
Через долы и холмы,
Вдоль равнин, что пахнут хмелем

С ним мечты его разделим,
Счастье, горе и труды,
Тяготы любой беды
И сражения, и краткий
Отдых после смертной схватки!

Глава третья

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
В КОТОРОЙ АНДРИЕШ
ВМЕСТЕ С ПЭКАЛОЙ-ПЕРЕСМЕШНИКОМ
ОСВОБОЖДАЕТ СЛАДКУЮ ДОЛИНУ
ОТ КАРЛИКА-КОЛДУНА
СТАТУ-ПАЛМА-БАРБА-КОТА,
ПЭКАЛА РАССКАЗЫВАЕТ О ТОМ,
КАК ОН ОТОМСТИЛ ЖАДНОМУ ПОПУ,
ПОСЛЕ ЧЕГО
С ДРУЗЬЯМИ СЛУЧАЕТСЯ НЕМАЛО
ПРИКЛЮЧЕНИЙ В ДОЛИНЕ ЧЕРНОГО ЦАРЯ;
АНДРИЕШ ВСТРЕЧАЕТСЯ
С БЕЗОБРАЗНОЙ КИКИМОРОЙ-ЛЕШАЧИХОЙ,
СПАСАЕТ ПТИЧКУ-НЕВЕЛИЧКУ АУРИКУ
И ЗНАКОМИТСЯ
СО СЛАВНЫМ РОДОМ ДЕЛЬФИНОВ

Осень.
Лозами поросший
Холм придавлен грузной ношей:
Нынче урожай хороший,
Гроздья без числа висят,
И глядят меж перекладин
Очи зорких виноградин.
Как внизу теперь наряден,
Весь в плодах, фруктовый сад!

Он раскинулся, блистая,
Словно солнцем налитая,
Чудо-скатерть золотая,
Словно россыпь янтаря.

Пляшет хору[22] птичья стая,
И средь щебета и писка
Ветви кланяются низко,
Землю-мать благодаря.

Где ж хозяин тот счастливый,
Что взрастил сады и нивы,
Землероб трудолюбивый,
Виноградарь, садовод?
Всюду мертвое молчанье —
То ли вымерли сельчане
Иль, заплакав на прощанье,
В дальний край ушел народ?

Вдруг в лазури, из-за елок,
Развернулся черный полог
И накрыл, широк и долог,
Огороды и сады.
В тучах молнии сверкнули,
Землю саблями хлестнули,
И долины потонули
В море взвихренной воды.

Нищетою угрожая,
Дождь ревет, уничтожая
Все богатство урожая,
Будто небо дало течь;
Сладу нету с этой течью!
Всю работу человечью
Крупный град сечет картечью,
Ничего нельзя сберечь!

Это карлик-старичина
Чародействует бесчинно,
Он один — беды причина:
Он, виновник непогод,
Льет взбесившиеся воды
На сады, на огороды —
Злой сморчок длиннобородый,

Стату-Палма-Барба-Кот[23].
Он верхом на волке рыщет,
Он в четыре пальца свищет,
Сеет, сыплет, брызжет, прыщет
Вездесущею водой.
Он во мгле добычу ищет,
Накрывает влажной сетью
И стегает, словно плетью,
Бесконечной бородой!

От такого многоводья
Гибнут тучные угодья,
Все соцветья и соплодья.
Землю в лужи наряжая,
Вьется карлик, угрожая
Сбереженью урожая,—
Злобный карлик Барба-Кот.

И под натиском воды
Наземь падают плоды,
Утопают в иле сливы,
В лужи яблоки летят;
Сиротливый, боязливый,
Погибая, никнет сад.

Не жива и не мертва,
Виснет влажная листва,—
Видно, доля такова —
Погибают дерева!
Гибнет сад.
Ливень, град.
Да, не прочь
Барба-Кот
День и ночь
Напролет
Угрожать
Всем подряд,
Продолжать
Ливнепад!
В нем кипит

Лютый гнев,
Он шипит,
Обнаглев:
«Разгляди
Мощь мою!
Я дожди
Разолью!
Водоверть,
Длись во мгле!
Жизни — смерть!
Смерть — земле!

И средь этой передряги,
Хлюпая по грязной влаге,
Андриеш ползет в овраге,
Ошалевший от невзгод;
Еле тащится по лужам
Робким шагом неуклюжим…
Тут слетел с небес к бедняге
Стату-Палма-Барба-Кот!

Вместе с ветром ураганным
Стал кружить над мальчуганом,
Заволок его туманом,
Промочил его насквозь;
Бородатый карлик скверный,
Угрожая смертью верной,
Поднял крик неимоверный,
Так что небо затряслось:

— Я тебя
Затоплю,
Заплюю,
Погублю,
И седой
Бородой
Удавлю,
Умертвлю!
Я гостей
Не хочу

И людей
До костей
Просквожу,
Промочу,
Простужу,
Исхлещу!
Чтоб вода
Здесь лилась,
Чтобы здесь
Навсегда
Только грязь
Развелась,
Только мгла
Здесь была
И один
Властелин,
Всех трясин
Господин,
Повелитель
Дождей
И владыка
Болот —
Чародей
И силач,
Бородач
Барба-Кот!

Андриеш продрог от стужи,
Вымок и устал к тому же.
«Как бы выбраться из лужи?»
На уме у пастушка.
— Где б нашлась нора сухая? —
Прошептал чабан, вздыхая.
Но повсюду тьма глухая
И, дубравы колыхая,
Дождь идет, не утихая.
Словно долгие века
Капли падают со звоном
Над лесистым кряжем сонным,
Где в потоках жидкой мглы

Кроны, ветви и стволы,
Непомерно тяжелы,
Горбятся под влажной кладью…

Вдруг, раздвинув прядь за прядью
Бородищу колдуна,
Медленно и постепенно
Из густого колтуна,
Клочковатого, как пена,
Выпутался мужичок,
Очевидно ловкий малый,
Так под тридцать лет, пожалуй.
На мгновенье, как мешок,
На одной руке повиснул,
Глянул вниз, протяжно свистнул
И на кочку мигом — скок!
Коренастый, невысокий,
Хитроглазый, озорной,
В мягкой шляпе и в кожоке,
И в рубахе вышивной.
Удивленно лоб наморща,
Словно кот усы топорща,
Заразительно смеясь,
Он промолвил чабаненку:

— Что ж ты, брат, забрался в грязь,
В нашу гиблую сторонку?
Без меня тебе каюк,
Нет, не выползешь, мой друг,
Из проклятого болота,
Захлебнешься ты в грязи!
Здесь пещерка есть вблизи.
Гей! Бежим от Барба-Кота!

Оба двинулись вперед
И нашли укромный грот,
Где волшебник Барба-Кот
Ни дождем, ни крупным градом
Их никак достать не мог.
Там они уселись рядом,

И, сверкнув лукавым взглядом,
Коренастый мужичок
Подкрутил усы и сразу
Бойко приступил к рассказу:

— Этот грязный, топкий лог
Был когда-то плодородным
Достоянием народным…
Миновал изрядный срок,
Он теперь заглох, промок,
И поверишь ты едва ли,
Что долину Сладкой звали,
И, клянусь тебе усами,
Можешь верить мне вполне —
Мы цены не знали сами
Нашей радостной стране!
Даже странно вспомнить мне
И поверить в самом деле:
Здесь у нас такие зрели
Груши, — здесь, в краю сыром,
Прежде радовавшем душу! —
Что одну такую грушу
Не поднять вдесятером!
Зрели славные плоды,—
Сливы весили пуды,
Зрело все, чего изволишь.
Веришь, добрый человек:
Яблоком одним всего лишь
Мы грузили семь телег!
Счета не было добру —
Принимай слова на веру!
Я чуток, конечно, вру —
Но, хоть вру, да знаю меру…

От весны и до весны
Все цвело у нас в стране,—
Не было стране цены,—
Даже странно вспомнить мне…
Но пришлось, как говорится,
Эту цену нам узнать.

Барба-Котова сестрица,
А Балаурова мать,
Згрипцоройка, ведьма злая,
Лютой завистью пылая,
Чары черные со зла
На левады навела.
Расколола рощи в щепки,
Разрослась во весь размах,
Превратясь в репейник цепкий
На равнинах, на холмах.
Раскустилась год от года,
Так что стало под конец
Ни проезда, ни прохода,
Ни тропинки для овец!
Тут мне случай подвернулся,
С Фэт-Фрумосом я столкнулся…

Андриеш тогда вскричал:
— Ты с ним встретился, прохожий?
Я совсем недавно тоже
Фэт-Фрумоса повстречал!
Мы Стригойке отомстили
И Дракона победили,
Оба вместе, наравне,
Бились на опушке бора,
Он обломок шестопера
Подарил на память-мне.

Незнакомец рассмеялся:
— Разреши продолжить речь!
Не напрасно я скитался,
Мне от витязя достался
Ценный дар — волшебный меч.
Лезвием его каленым,
Силой собственной руки,
Весь бурьян, что рос по склонам,
По долинам населенным,
По лугам-полям зеленым,
Искрошил я на куски,
Но Стригойке горя мало!

И карга меня тогда
Оплела, околдовала,
Чтобы я туда-сюда
Мыкался по белу свету.
Бесконечные года
Я терплю судьбину эту!
Ведь скитанья — не беда,
А беда — так небольшая!
Я всю жизнь брожу,
Всегда
Горе смехом заглушая.
Видишь, глотка — хоть куда!
Из моей широкой глотки
Вечно льется зычный смех,
Расшевеливая всех;
Рощи в целом околотке
Отзываются кругом!
Коль встречаюсь я с врагом,
Разговор у нас короткий:
Я нисколько не боюсь
И смеюсь, смеюсь, смеюсь…
И, хитрец широкоротый,
Сыплю меткие остроты,
И, не медля ни минутки,
Между ними, в промежутке,
Я отмачиваю шутки, —
Разгоняю смехом грусть.
Осень, сырость? Ну и пусть,
Посмеюсь-ка и над нею:
Я — Пэкала, я сумею!
Я смеяться век готов,
Предлагаю сто сортов
Смеха разного, на пробу:
Изгоняющего злобу,
Услаждающего ухо,
Согревающего брюхо,
Столь приятного для слуха
И отрадного для духа
Всех, кто вечно юн душой!
Мастер смеха я большой!

Враг рассержен, враг взбешен,
А по-моему — смешон!
Смехом я добью нахала,
Издеваясь и дразня,
Ведь не зря зовут меня:
Пересмешник-дрозд Пэкала!

Рассмешу наверняка
Я любого добряка,
Если вдруг подобьем шквала
На него нахлынет тьма,—
Тьму любую я, Пэкала,
Истребляю задарма!
Так брожу я всюду, пеший,
Смех бесплатно раздаю:
Лапти на уши не вешай
Да послушай речь мою.

Как-то утром, на рассвете,
Я забрел в левады эти,
Сел на камешек, взглянул:
Что за черная завеса
Показалась из-за леса?
Будто небеса в пыли
Или тучи поползли
Над поверхностью земли?
Облака все ниже, гуще…
Оказалось, там ползет
Чернокнижник завидущий
Стату-Палма-Барба-Кот.
Крикнул я, что было мочи,
Сам не знаю почему:
— Свет пробьет ночную тьму,
Ясный день сильнее ночи!
Мне нисколько не темно.
Вижу солнце! Вот оно!
Солнце, солнце!
А на деле
Тучи пуще загустели,
Вовсе не было светло,

Да и солнце не взошло.
Я отнюдь не растерялся
И укрылся, сколько мог,
Влез в кусты и постарался
Сжаться в маленький комок.
Но с уродом бородатым
Разве справиться?
Куда там!

Он Пэкалу увидал,
Бородою захлестал,
Мне пониже поясницы
Норовит злодей вцепиться,
Затевает злую месть,
Чтоб не мог Пэкала сесть
Ни на стул, ни на скамейку.
Взял колдун все ту же лейку,
Над долиной засвистал
И плескать водою стал;
Зарядил — и не на сутки —
Бесконечный ливень жуткий
От зари и до зари.
Словом — дьявол побери,
Заревешь от этой шутки!
С небосвода в час дневной
Хлещет ливень проливной,—
Свод небесный в час полночный
Стал трубою водосточной,—
Поутру и ввечеру
Не меняет он игру,
Нравится ему игра:
Воду льет, как из ведра!
Много, знать, воды в ведре!
Хлещет ливнем свежим!
Я запрятался в норе,
В логове медвежьем,—
Посидел там два денька…
Думаю — наверняка
Надоело обормоту,
Водолею Барба-Коту…

Эх, наивен был я, прост:
Ожидал, что в одночасье
Злобный карлик-водохлест
Уберется восвояси!
Нет, опять — беда-бедой!
Прикрепился бородой
К лунному серпу и ждет,
Ждет Пэкалу Барба-Кот,
И ни капли не устал,—
Ждет Пэкалу злющий ворог:
Я ему, как видно, стал
Необыкновенно дорог!
Чуть меня увидел — хвать!
И с тройною силою
Стал Пэкалу поливать,
Словно розу милую!

Льет и льет — все злей и злей.
… Чтоб ты лопнул, водолей!
Люди из Долины Сладкой
В дальний край ушли украдкой,
А проклятый Барба-Кот
Непрерывно воду льет,
Как в огромную посуду,
И хозяйничает всюду.

Стал я думать об одном,
Верного пути не зная:
Как мне сладить с колдуном?
И ходила ходуном
Голова моя шальная.
Все гляжу на мокрый сад,
На окрестные болота…
У меня одна забота —
Уничтожить Барба-Кота,
Чтоб народ пришел назад!

С чернокнижником отпетым,
Как ему не прекословь,
Не сравняться мне!

Уж где там!
Но на этот случай вновь
Мудрым дружеским советом
Фэт-Фрумос в беде помог:
Мол, не вечен карлик прыткий,
Жизнь его висит на нитке —
Существует волосок
В непомерной, безобразной
Бороде урода грязной,
Он остался в ней сухим.
Завладеть лишь надо им,
Разорвать его на части,
И виновник всех несчастий
Стату-Палма-Барба-Кот
Сразу лопнет и умрет!

Я тогда приободрился
И вцепиться ухитрился
В бородищу колдуна.
Бился, бился — вот те на!
Видишь, какова она,
Колдовская седина!
В ней везде вода одна.
Перебрал густые прядки,
Что смешались в беспорядке
С прелым сеном и трухой
И другим различным сором.
Где уж тут найти сухой
Тонкий волос, о котором
Говорил мне Фэт-Фрумос?
Разреши-ка ты вопрос!

Отвечал пастух Пэкале:
— Знать, без толку все искали.
Ум хорош, но лучше — два,
Если варит голова!
Мы найдем и без подсказки
Этот волос; время — в путь!
Помни: у любой завязки
Есть развязка где-нибудь.

Андриеш вдвоем с Пэкалой
Вышли из пещеры малой,
Долго по воде брели,
По трясинам, по болотам
И увидели вдали,
За дорожным поворотом,
Замок на краю земли,
Возведенный Барба-Котом.
Словно в слякоти плывет
Неприступная громада,
В облаках — высокий свод,
И летят крупицы града
С неприветливых небес
На промокший, мертвый лес.

Встал Пэкала средь болотца,
Встрепенулся, как петух,
И вскричал: —
— Я сух, я сух!
Пусть вода ручьями льется,
Пусть горохом сыплет град —
Все равно я очень рад!
— Врешь, обманщик! Врешь, пройдоха!
Шутки шутишь, как всегда.
Здесь повсюду грязь, вода,
И тебе придется плохо! —
Взвизгнул карлик Барба-Кот
Да как прыгнет, как взмахнет
Бородой и волосами
Над промокшими лесами,
Над продрогшими друзьями!
Как сорока, затрещал
И хвастливо прокричал:

— Мой дворец,
Мой дворец
Неприступен и высок.
В нем ларец,
В нем ларец,

Где припрятан волосок.
Семь замков,
Семь ворот,
Их никто не разобьет.
Сокрушу
Смельчака,
Задушу
Наверняка!

Не смутились оба друга,
Отыскали на краю
Заболоченного луга
Тропку верную свою.
Отшагали путь неблизкий
И пришли на берег низкий
Небольшого озерца.
— Нужно нам дойти, Пэкала,
До проклятого дворца!
— Верно! Только толку мало —
Не видать пути конца:
Где дворец? Он был, да сплыл.
Может быть, зарылся в ил?
Колдуну немудрено
Спрятать свой дворец на дно!»
Но, как видно, с дивом новым
Людям встреча суждена:
С озерца с ужасным ревом
Понеслась на них волна,
Словно горный кряж, горбата.
«Андриеш, прошу, как брата:
Поискал бы ты коня
Для себя и для меня!
Под таким-то вот дождем
Конь сию минуту нужен:
А не то сейчас пойдем
Мы с тобой к чертям на ужин!»
Шквал нахлынул, шквал подбросил
Двух друзей — и прочь понес.
«Андриеш! Хоть пару весел,
Мачту, киль иль просто нос,

Я надеюсь, ты припас?
Пригодились бы сейчас!
Успокойтесь, волны — дуры!»

Пастушонок слышит хмурый
Эти шутки храбреца,
Тоже бьется, не сдается,
И отчаянно плюется —
Не видать волнам конца!

Храбрецы плывут вдвоем.
Все чернее окоем,
Волны пляшут — спуск, подъем —
В чреве яростном своем
Схоронить хотят, пожалуй,
Андриеша и Пэкалу!
«Андриеш, куда-нибудь
Направляй наш гордый путь!
Нас победа ждет и слава!
Руль налево, руль направо!
Не видна ль еще земля?
Говоришь — мол, нет руля!
Весел нет? Ну, не беда:
Обойдемся парусами!
Нету? Стало быть, усами!
Как всегда, они при мне!
Что? На дно идем, любезный?
Что и говорить, полезный
Случай: спрячемся на дне!

Так плывет храбрец, хохочет
И тонуть никак не хочет,—
Знает: горе — не беда,
Держит чабана за плечи;
И неведомо куда
Так плывут они далече.
Храбреца — хоть режь, хоть ешь:
Он смеется — вся забота!
Но внезапно Андриеш
Под ногами чует что-то.

Может, под ногами дно?
Нет! Огромное бревно.
К смельчакам плывет оно
Не спеша, не наобум,
А с серьезностью суровой,
И звучит неясный шум,
Словно шум листвы дубовой:
«Смельчаки, примите дар!
Вам его прислал Стежар!»

К берегу бревно плывет,
Смельчаки сошли — и вот
Прямо к замку Барба-Кота,
Что горой чернел вдали,
Скрытно-скрытно подошли;
Семь ворот они сочли,
Видят — каждые ворота
На семи двойных крюках,
На семи больших замках,
И цепей чугунных звенья
Меж собой переплелись.

Не промедлив ни мгновенья,
Андриеш подбросил ввысь,
Выше всех дворцовых арок,
Удивительный подарок,
И осколок булавы
Засверкал средь синевы,
В хмурых тучах пролетая,
Словно искра золотая.
И с Востока, напрямик,
Буздуган примчался вмиг.
Он ударился с разлета
О железные ворота,
И распались на куски
Все ворота и замки,
А крюки из лучшей стали
Неприметной пылью стали,
И друзья прошли вперед,
Будто не было ворот,

И в огромный зал вступили,
Полный плесени и гнили.
По стенам ручьи журчат,
Осаждая год за годом
Ржавые пласты над входом,
И плывет к тяжелым сводам
Облаками серный чад.
Смутен зал, тумана полный,
А внизу бушуют волны —
Это озеро бурлит
У краев гранитных плит.
Посредине вод озерных
Остров из обломков черных,
Еле видимый во мгле,
И стоит, как на столе,
Древний ларчик на скале.
— Гей, Пэкала! Как нам быть,
Чтобы ларчик раздобыть?
— Андриеш, пускайся вплавь
Да смелей на остров правь!
И друзья, подобно рыбам,
Через волны озерца
Переплыли к черным глыбам
И добрались до ларца.

Андриеш откинул крышку —
И давай плясать вприпрыжку!
А Пэкала волосок
С громким хохотом извлек!
— Бородач, а ну, посмей-ка
Встать пред нами на пути!..
Волосок шипел, как змейка,
И старался уползти,
Но Пэкала, потный, красный,
Над попыткою напрасной
Так смеялся, что, трясясь,
Полетела шляпа в грязь.
— Вот жизнишка Барба-Кота!
Ты боишься, карлик? То-то!
Нынче вся твоя душа

Уж не стоит ни гроша!
Шутку славную сыграли
Мы с тобой! Теперь дрожи
И спасибо нам скажи,
Андриешу и Пэкале!

На волнах вскипела пена,
Зашатался круглый свод,
Стали стены постепенно
Погружаться в пену вод,
И верхом на бородище
Прилетел в свое жилище
Ошалевший Барба-Кот.
Он дрожал, пугаясь мести,
И, в предчувствии беды,
Драл от страха, с мясом вместе,
Клочья мокрой бороды.
— Не губите, пощадите!
Все отдам, чего хотите,
Ни за чем не постою!
Только волос мне верните,
Сохраните жизнь мою!

Но в ответ Пэкала пуще
Хохотал, разинув рот,
Волосок порвал,
И вот —
Лопнул жалкий карлик злющий,
Стату-Палма-Барба-Кот!

И свинцовый небосвод,

Что висел, как полог сивый,
Безнадежный и дождливый,
Прояснился, как стекло,
Брызнул яркий луч в разрывы,
Солнце жаркое взошло,
Стало ясно и светло.
Высохли луга и нивы,
Стройный бор зеленогривый,
Груши, яблони и сливы,
И пришел народ счастливый
В обновленное село.
На сияющие лица
Молча Андриеш глядел,
Здесь, в долине, поселиться
Он бы с радостью хотел —
Отдохнуть от славных дел:
Но сказал ему Пэкала,
Пастушка прижав к груди:
«Гостя, как тому пристало,
До калитки проводи,
До околицы деревни,
Как велит обычай древний!
Что же, Андриеш, пойдем.
Только спросишь — где мой дом?
Где усадьба? Где калитка?
Что ж, сознаюсь без убытка
Чести, кушме и усам:
Я того не знаю сам.
Обведи долину взглядом —
Несомненно, где-то рядом!
Где-то рядом — и везде,
На земле и на воде,
На горе, на дне колодца:
Мы ночуем, где придется,
И сознаться надо — в общем
На судьбу свою не ропщем!
Из чужого дома — в дом
Я судьбой своей ведом,
Иногда в чужом хлеву
Я с удобствами живу,

Иногда — в чужом дворе
Просыпаюсь на заре,
Посещаю иногда
Я чужие города,
Для меня и в них, поверь,
Каждая открыта дверь!
В зимний холод и в жару
Мне бы только конуру,
Конура мне — по нутру!
Лишь не стыть бы на ветру,
Не валяться на юру,—

А на утро — удеру
Поздорову-подобру,
Если я не ко двору!
У скитальца нет жилья —
Так заплакать, что ли?
Я иду по свету, я —
Перекати-поле!
Знаешь, как-то раз со мной
Случай вышел пресмешной:
Привела меня тропа
В дом богатого попа.
Вдоль обширного села
Тропка в дом его вела, —
Я иду, иду по ней,
Овцы блеют, лают псы…
Но у встреченных парней
Поотрезаны носы!
Я подумал: что за диво?
Может, срезать нос — красиво?
Подхожу к старушке древней,
Задаю, стыдясь, вопрос:
— Может, числится в деревне
Неприличной вещью нос?
— Ты не смей такой поклеп
Возводить на наше горе!
Это наш проклятый поп
Так поставил в уговоре,
Нанимая батрака:

«Ты мне служишь, мол, пока
На меня, на добряка,
Не рассердишься всерьез;
Мне батрак не нужен гневный,
И по доброте душевной
Я тебе отрежу нос!
Нос теперь не сунешь снова
В дело умное попово!
Снисхождения не жди —
Так без носа и ходи».
Я подумал: ну, не трусь!
В батраки и я наймусь.
Мне ль, Пэкале, ждать разноса?
Мне — что с носом, что без носа!

И повел рассказ Пэкала
Про того попа-шакала,
Про его меньшого брата
И про злую попадью,—
Речь Пэкала вел свою
Весело, витиевато,—
То и дело сам смеется,
Прибауткам нет числа,
Про попа, да про осла
По прозванью Боробоца.

В самом деле, труд немалый!
У попа и у Пэкалы
Был решителен и скор
Их несложный уговор,
Уговор весьма простой
(Рад-радешенёк святой,
Что Пэкалу заарканил!).
Он его на службу нанял,
Как и всех других парней:
Кто однажды осерчает —
Головою отвечает,
Носом собственным, точней.

Сам же он свое именье

Предоставит во владенье,
Всё, — тому, кто промолчал,
Потерпел, не рассерчал!
Был в земле той, очень бедной,
Всех богаче поп зловредный:
Всем селом свободно правит!
Ну, а что Пэкала ставит
На кон в споре за носы?
Только нос, а с ним — усы.

Поп — немалый мастер, чай.
Ты попробуй невзначай
На него не рассерчай!..
Ох, смекалка, выручай!
Вот Пэкале как-то раз
Поп такой дает наказ:
Разговор, мол, будет краток:
Вот тебе овец десяток,
Вот тебе, без лишних слов,
Десять племенных голов!

Перегнать, бродяга, надо
На богатый выгон стадо,
Чтобы каждая, мой друг.
Нагуляла бы курдюк!
Всыплю я тебе, понятно,
Ежели придешь обратно,
Потерявши хоть одну,—
Вздуть тебя не премину,—
Ох, тебя на славу взгреют,
Овцы коль не разжиреют!
Чтоб служил ты горячей —
Не даю тебе харчей.
Мой совет, любезный, прост:
Ты блюсти обязан пост!
Можешь, говоря короче,
Травку есть с утра до ночи,
Наберешься толстоты…
Уж не сердишься ли ты?

— Что вы! Упаси вас боже!
Мне сердиться отчего же?
В нужный срок, без лишних слов,
Десять возвращу голов!
И, не возмутясь нимало,
Тех овец погнал Пэкала
За холмы, на дальний луг,
Где одна трава вокруг,—
Ну, а то, что за труды
Не положено еды,—
В пищу и трава сгодится,
Почва все же не скупа!
Это ль повод рассердиться
На святейшего попа?

Месяц подходил к концу —
Брал чабан одну овцу,
Резал, кушал не без смака,
Все же голову, однако,
Он не ел — в мешке берег,
Дабы отчитаться мог.
Десять месяцев прошло,
Вновь пришел чабан в село:
«Поп, отличный ты советчик!
Скушал я твоих овечек
За твое, святой, здоровье!
Но, как молвлено в условье,
Я не просто кушал плов:
Десять я вернул голов!
О склони, святейший, взор:
Целы все, как на подбор!
К службе я готов дальнейшей!
… Нешто сердишься, святейший?»
Побледнев, дает ответ
Жадный поп: «Да что ты, нет…
Лучшие, поверь, едва ли
Пастухи на свете есть!»
Про себя ж замыслил месть
Нечестивому Пэкале.

Брат имелся у святого,
Брат любимый, брат меньшой
С ядовитою душой:
Кто ему промолвит слово
Чуть не так, не по нему,
Как деревня — вся в дыму:
Перья из перин летят —
То попов бушует брат,
Он обидчику в охотку
Перегрызть желает глотку.

«Слышь, Пэкала, милый друг,
Брату моему сюртук
Выходной, да пару брюк
Из муки сумей, пошей-ка!
Скоротаешь так досуг;
Для твоих умелых рук
Это ль труд? Трудись, гайдук,
Вот муки тебе сундук,
Всех ты лучше верных слуг,
Дорогая белошвейка!»

Для шитья исподтишка
Взял Пэкала два мешка,
Вся задача-то легка!
Для подкладки сюртука,
И особенно — для брючной,
Сделал он собственноручно,
Не щадя труда и сил,
Кашу — на особый случай:
Мамалыги наварил
На крапиве самой жгучей!

Скоро сроки миновали,
В день назначенный к Пэкале
Заявился брат попов:
Для примерки тех обнов.
Он покрой увидел дивный
И надел костюм крапивный.
Взвизгнул, высунул язык.

И свалился в тот же миг
У Пэкалы возле печки.
Кожа, как комар на свечке,
Вся сгорела у него,—
Было жженье таково,
Что ни встать ему, ни сесть,
Так осуществилась месть,
Наказание Пэкалово:
Он болел сто лет без малого!

Поп, узнав про это горе,
Прибежал к Пэкале вскоре:
«Что ты сделал, остолоп!» —
Заорал свирепый поп.
«Все, что велено, свершил:
Дорогой костюм пошил
Из отменнейшей муки.
Уговору вопреки,
Не изволите ль серчать?
Не велите ли начать
Отрезанье носа?..». «Что ты!
Лучшей не видал работы
Я, дружочек, с давних пор!
Уважаю уговор.
После шутки этой злой
Злобу затаил святой.

Скажем — ясно было чтоб —
Был женат тот жадный поп.
Он делил досуг свой мирный
С попадьею очень жирной.
Грудь ее была над пузом
Двум большим равна арбузам,
И с холмами лишь сравнится
То, что ниже поясницы.
И нигде в сравненье с ней
Бабы не было вредней:
Раз Пэкала в доме гость,
То ему к обеду — кость,
То ему в похлебку — гвоздь,

То ему — колючек гроздь,
Подносила задушевно
И копила ежедневно
На него, Пэкалу, злость.

Как-то раз сказал святой:
«Милый мой батрак, постой!
Что невесел ты, дружище?
Или мало сладкой пищи?
Иль бывает лучше, чище
И просторнее жилище?
Что понур твой, друг мой, вид?
Ты, случайно, не сердит?»

«Нет, — пастух поклон отвесил,—
Я, напротив, очень весел!»
Поп ответствовал: «Добро…
Ну, тогда бери ведро
Да ручные жернова;
Нынче служба такова:
Во дворе лежит щебенка,—
Всю, до самой крупной вплоть,
Должен ты перемолоть,
Мне вернуть мукою тонкой!
Не сиди, как пень тупой,
За работой громко пой
Иль играй на чем-нибудь,
Постараться не забудь
Дело кончить до утра,
Отступать не смей от правил!»
Поп такой наказ оставил
И поехал со двора.

Принялся за труд Пэкала —
Знать, ему и горя мало,
Песню помнил про запас:
Кто слыхал ее хоть раз,
Шел немедля в буйный пляс,
Землю сапогами тряс,—
Спой, Пэкала, не тая!

Прискакала попадья
И притопнула ногой
Наперед разок-другой…
В ту же самую минуту
Вдруг пошла плясать бэтуту[24].
Знать, готова что есть мочи
Танцевать с утра до ночи,
Снова с ночи до утра —
Знать, по нраву ей игра!
Резво скачет, лихо пляшет,
Белой рученькою машет,
То меняет вдруг повадку —
Лихо пустится вприсядку,
Ножкой движет взад-вперед…
А Пэкала все поет.
Скачет, скачет попадья
От хорошего житья —
Скачет, пот не утирает,
А шутник наш все играет
На своей любимой дудке:
Плохи с ним, как видно, шутки!

«Злой батрак,
Ты дурак!
Прекрати,
Отпусти,
А не то
Палок сто,
Палок двести
Здесь, на месте,
Уж поверь мне, ждет тебя!»
«Нет, хозяина любя,
Должен камни я сейчас
Размолоть с веселой песней,
И теперь уже, хоть тресни,
Не нарушу я приказ!
Дотемна
Буду петь!
Ты должна

Потерпеть!»

Попадья, судьбу кляня,
Танцевала так три дня.
Жаждая ужасной мести,
Все кружилась по двору,
В день четвертый, поутру
Окачурилась на месте.

Воротился поп домой —
Во дворе застыл, немой,
Хвать! — за лысину свою,
Увидавши попадью,
Жалкий труп ее, верней, —
Захрипел святой над ней.
А Пэкала говорит:

«Что, святейший, вас томит?
Что столь огорчило вас?
Я исполнил ваш наказ!
Ну, а то, что попадья
Померла — при чем тут я?
Померла — какая жалость!
Я работал, пел я малость…
Ваша верная жена,
Гнева праведного вместо,
Вдруг решила, что она
Новобрачная невеста!
Может быть, была пьяна,
Может, попросту больна,
Или просто так, сама,
В миг один сошла с ума?
Отчего бы ей плясать бы
Как не в ожиданьи свадьбы?
Я скажу вам, не тая,
Что рехнулась попадья.
Сколь печальна смерть сия!
Только чем виновен я?»

Поп, очнувшись в миг единый,

Потянулся за дубиной.

«А, святой отец, уже?
Что же, вспомним о ноже…»

Поп одумался. «Да нет,
Что ты, мой дружок, мой свет!
Как ты мог подумать так?
Это, право же, пустяк!
Мы немедля, без заминки,
Справим славные поминки!»

Поп угрозу понимает,
Нос ладонью прижимает,
Наконец с большим трудом
Со двора уходит в дом.

Всю-то ночь святой, бедняжка,
На постели думал тяжко,
Размышлял святой всю ночь:
Как услать Пэкалу прочь?
И сказал, как встала зорька:
«Друг, мне расставаться горько,
Но послушай речь мою:
Я расчет тебе даю!
Расстаюсь я с лучшим другом,
Но и самым верным слугам
Мне платить сегодня нечем:
В мире злобном человечьем
За мою святую жисть
Корку обречен я грызть!
Пусть разлука — но бескровная!
Беден я, как мышь церковная!»

«Ну, а как же уговор?
Не менялся он с тех пор!
Мне покуда — не пора!
Не пойду я со двора
Ни силком, ни доброй волей,
И ничем другим, доколе

Не отрежут в добрый час
Носа одному из нас!
Уговора не забуду,
Ждать минуты этой буду!
Что ж до денег — то пустяк:
Послужу и просто так!»

Да, как видно, — делу крышка!
Поп напружил свой умишко,
Он с поникшей головой
Ходит-бродит сам не свой.
У него дрожат поджилки, —
Ногтем он скребет в затылке,
Ходит-бродит, глух и нем,
Полысел уже совсем,
На Пэкалу смотрит косо,
Чует: быть ему без носа,
И кипеть готов со зла.

Рассказать еще придется:
Жадный поп имел осла
По прозванью Боробоца.
Говорят, любовь слепа.
Ну, так вот, любовь попа
Вся тому ослу досталась:
Только поп подвыпьет малость
В нежном, сладостном пылу
В стойло поп бежит к ослу.
Попрощавшись со стыдом,
Животину тянет в дом
И с собой за стол сажает,
Всем, чем может, услужает.
А как в церковь соберется,
С ним на пару — Боробоца
Появляется в притворе,
Прихожанам всем на горе,
И поет в церковном хоре.
На закуску ввечеру
Получает просфору,
Жрет что хочет, без числа,

Лишь любовь — тому причина:
Жадный поп любил осла
Больше брата, больше сына!
Вот и Пасха подошла.
А Пэкала все батрачит.

Говорит ему святой:
«Должен ты, Пэкала, значит,
Выполнить наказ простой
(Службишка тебе зачтется,
Ты приучен к ремеслу!):
Выйди к речке с Боробоцей,—
Драгоценному ослу
Много там найдется пищи,
Ты ж — вознаградись сполна:
Прихвати с собой, дружище,
Штоф пасхального вина!
Пей, Пэкала, пей до дна!
Чистый воздух там, покой —
Заночуешь над рекой!»

Тихо песню напевая,
Кое-что подозревая,
Не боясь попа нимало,
С Боробоцей встал Пэкала
На ночевку у реки,
Но, наказу вопреки,
В добродетельном пылу
Все вино споил ослу,
От вина, от сытной пищи
У скотины — дым в мозгу!
Захрапел хмельной ослище
На высоком берегу.
А во сне — рычал, буянил,
Песнь ослиную горланил,
Хрюкал, выл, ушами двигал
И копытом бойко дрыгал,
И ревел, как только мог,—
Близ него Пэкала лег.
На него и на осла.

Очень скоро ночь сошла.

Поп тем временем не спал:
Яму батраку копал.
Черту из последних сил
Он молитву возносил:
«Помогите, братья-черти!»
Хочет поп Пэкале смерти.
День пасхальный миновал,
Верных слуг святой призвал:
«Должные настали сроки,
Просыпайтесь, лежебоки,
Ибо шуток не люблю
И совсем киплю от злости:
Вам к реке идти велю;
Вы того с обрыва бросьте,
Кто буянит во хмелю!»

Быстро побежали слуги,
Зеленея от натуги,—
Нет вторых таких растяп!
Даже пни, видать, умнее!
Вот и речка, — а над нею
Раздается громкий храп.
Подбежали, не взглянули,
Лишь один разок нюхнули:
Вот он, вот он, паразит!
От него вином разит!
Подбежали, наскочили,
Ан — злодеев ждал подвох:
В темноте не отличили
Две ноги от четырех!
В воду кинули осла
И немедля убежали,
Ох и весело Пэкале!
Ох и славные дела!
Поединок сей неравный,
Летописец, проследи:
Ведь Пэкала-то, поди,
Надувальщик самый главный!

Поутру проснулся поп,
Ногтем лысину поскреб.
Счастлив — аж дрожат поджилки.
Выпил водки две бутылки,
И в исподнем, налегке
Побежал святой к реке,
Весь от радости трясется.

… Только где же Боробоца?
Тут святой рассвирепел,
Разъярился и вскипел,
Рявкнул, злобою объятый:
«Что наделал ты, проклятый!»
«Сколь ответствовать приятно
Мне, святейший, в этот раз!
Я исполнил аккуратно
Ваш божественный приказ!
Обо всем сказать могу:
Я прилег на берегу,
Вот на этом, на зеленом,
И увидел я во сне:
Вы молитвы пели мне,
Запивая самогоном!..»
«Ты рехнулся, мне сдается!
Ты, Пэкала, негодяй!
Где мой нежный Боробоца,
Мне ответ немедля дай!»
«Ах, отец, не утаю:
Вероятно, он в раю…
В лучшем мире он, короче…
Вы не сердитесь ли, отче?»
«А еще бы! А еще бы!
Я кипеть готов от злобы!
Ты негодник, ты подлец,
Ты сожрал моих овец!
Ты, Пэкала, злей шакала!
Будь ты проклят, злой Пэкала!
Всей душой тебя кляну:
Ты сгубил мою жену,

Брат из-за тебя навек —
Стал калека из калек,
Всё тебе, батрак, зачтется,
А особо — Боробоца!
Ждет тебя, батрак, беда:
Я сержусь, как никогда!»
«Ах, святейший, вы всерьез?
Ну-ка, подавайте нос!
Наконец-то кончен спор!
Выполняйте уговор!»
Повалился поп, дрожа,
Увидавши блеск ножа,
А Пэкала нож занес
И отрезал жирный нос.
Страх попа безумный гложет,
Поп без носа жить не может,
Взор святейшего потух,
Испустил святейший дух.

В том не видя святотатства,
Все поповские богатства
Роздал беднякам батрак,
Проживающим в соседстве:
Доля всем нашлась в наследстве,
Часть мирских поповских благ!

Так ли было иль не так —
А дорога вдаль бежала.
Ох, однако же, мастак
Языком чесать Пэкала!
Заливает что есть мочи,—
Путь, однако же, короче,
Если весел спутник твой,
Разговор ведет живой;
Коль в речах его — сноровка,
Если врать умеет ловко
И язык его подвешен —
Путь особенно успешен!
«Много нужно ли бродяге,
Чтобы был приятен путь?

Хорошо, когда в десаге
Есть на донце что-нибудь.
Но смекай, когда идешь:
Странник — не верблюд двугорбый!
Путь не очень-то хорош…
Коль плетешься с полной торбой.
Хорошо, коль ты здоров,
Веет ветерок приятный…
Ну, и на ночь нужен кров,
Особливо же — бесплатный.
Хорошо, коль ты сперва
Что-нибудь в охотку слопал,—
Скажем, бублик или два,—
И потом лишь в путь потопал.
Ну, а если бублик — сдобный,
Проясняются мозги.
Лапоть надобен удобный,
Чтоб не натирал ноги.
Пусть — жара, пусть — хлопья снега,
Все равно привычно мне.
Хорошо, коль есть телега,
Если лошадь — то вдвойне.
Был бы, право, весел путь
Мне с конем, да не с одним бы!..
Ну а нету — как-нибудь:
Лишь лилась бы песня дрымбы[25]!

От колодца до колодца
Пусть тропа-дорожка вьется
Да веселые сады
Пусть подносят нам плоды —
Сливы, груши там иль вишни,
Да и яблочко — нелишне;
Путь приятней, путь успешней,
Коль закусишь ты черешней;
Чтобы ясен был рассудок,
Властно требует желудок,
Наша, проще скажем, плоть;
Сала доброго ломоть;
А краюхой кашкавала[26]

Ты наешься доотвала!
Да, совсем забыл, прости;
Станет путь особо тяжкий
Легче легкого пути,
Коль хмельное что во фляжке,
И вторая — про запас…
Многого просить не будем:
Это все, что в добрый час
Нужно странствующим людям!»

В небе звездочки зажглись,
Месяц выкатился ввысь,
Озарил ночную тьму,—
Сыщется ночлег едва ли!
Вот взгрустнулось и Пэкале;
Андриеш сказал ему:
«Ох, длинна у нас дорога!
Прямо скажем, ты немного
Скоротал ее враньем —
Хорошо шагать вдвоем!
Но, однако, цель не ждет!
Человека вдаль ведет
Лишь служение надежде,
Верность ей — везде, всегда,
Неизменная, как прежде,—
В путь, смелей! И не беда,
Что галопом мчат года.
Самый трудный путь не страшен
Средь песков, средь скал, средь пашен,
Средь пустынь, средь горных круч —
Светит нам надежды луч!»
«Твой ответ, как вижу, тонок!
Ну и малый! Ха-ха-ха!
Вот так штука! Ишь, цыпленок —
Обучает петуха!
Ты, дружок, дорос едва ли,
Чтоб урок давать Пэкале!

…Глядь! Кругом черным-черно,
Это — не морское дно,

Это — небо. Это мгла —
Небо Черного Села!
Здесь уж, братец, не до смеха!
Здесь во тьме блуждает эхо,
Круглый год тут солнца нет;
Здесь ни старики, ни дети,
Не сумели б дать ответ,
Что такое лунный свет,
А о солнечном о свете
Не слыхал из них никто
Так уж лет, пожалуй, сто…
Уж коль скоро добрели
Мы до эдакой земли,
Поскорее надо топать:
Здесь нельзя ушами хлопать,—
Путь нелегок, путь далек:
Это все усвой, браток!
Здешний край — ужасен, жуток!
Тут, как видишь, не до шуток!

Так пришли они в село
До рассвета, в полном мраке.
Здесь не лаяли собаки,
И, упрятав под крыло
Голову, совсем глухи,
Здесь молчали петухи.
Тьма под утро загустела,
Погрузнела, потолстела,
Солнышку наперерез
Поднимаясь в свод небес.
В небесах — темным-темно,
Только к полудню окно
Чуть мерцающего света
Сверху показалось где-то,—
Волны мрака разгребая,
Будто лодка голубая.
На завалинке — старик,—
Видят парни, — трубку курит,
Взгляд на свет чуть видный щурит
И глаза от света жмурит,

И седые брови хмурит —
Видно, к свету не привык.

«Добрый день!» — сказал Пэкала,—
«Нешто солнце отсверкало
Здесь и скрылось навсегда?
Или черный,
Чудотворный,
Людоморный,
Как беда,
Мрак безбрежный,
Неизбежный,
Тьма ночная,
Разливная —
Здесь навеки
Господа?»
Старикан ответил: «Да,
Ох, не стоило труда
Забредать в долину нашу,
Мраком налитую чашу!
Вы явились, хлопцы, зря
В царство Черного Царя!
Над селом
Тьма да гарь:
То крылом
Машет Царь!
Нынче, как вчера, как встарь,—
Наш владыка — Черный Царь!
Тут сошлись
Мрак да хмарь:
Крылья ввысь
Вскинул Царь!
Нам не нужен календарь —
Дней не любит Черный Царь!
Ни одну живую тварь
Не упустит Черный Царь!
Хоть весь край ты наш обшарь —
Всех опутал Черный Царь,
Сумраком окутал,
Темнотой опутал!

Нам бы хоть один фонарь —
Нет, не хочет Черный Царь!

Ненадолго, дважды в год,
Солнце всходит в небосвод,
Чуть обогревает нас —
Как, вон, видите, сейчас.
А потом — опять темно.
И еще запрещено
Нам смеяться — даже тихо,
А не то — бывает лихо!

Нам запрещены улыбки;
Коль порою по ошибке
Улыбнешься, рассмеешься —
То беды не оберешься:
Солнце даже дважды в год
К нам на небо не взойдет!
Только ветер что есть мочи
Дует средь бескрайней ночи,—
Нет конца у черной тьмы…
Кто спасти нас может?..»
«Мы!»
«Ох, в недобрые края
Гонят вас пути-дороги!
Уносите лучше ноги!»
Андриеш ответил: «Я
И страшней видал беду!
Я на грозный бой иду!
Отступлением позорным
Я пятнать не стану честь!
Должен путь меня привесть
На сраженье с Вихрем Черным!»

«Хлопец, ты, видать, смельчак,
Ну, так знай же, коли так,
Тайну я приотворю,
Раз уж всё, как вижу, сходится:
Черный Вихрь, узнай, доводится
Братом Черному Царю!»

«Слушай-ка, любезный дед,
Что скажу тебе в ответ:
Никого храбрее нет,
Чем пастух вот этот,—
На любое колдовство
Есть управа у него,
Свой особый метод!
И за этого за малого
Слово я даю Пэкалово!»

«Слово — да, само собой,
Только бой — не просто бой! —
Так старик сказал Пэкале. —
Вы бы топали подале,
Бросьте шутки да замашки,
Черный Вихрь не даст поблажки,
И уступок ждете зря
Вы от Черного Царя!
Лучше здесь остановитесь!
С каждого конца земли
Приходил, как помню, витязь
Для борьбы, — что ж, удивитесь:
Все, кто шел, костьми легли».

Закрутил Пэкала ус:
«Ты, дедусь, как вижу, трус!
Нешто зайцу-беляку
Ты племянник? Право слово,
Вижу на своем веку
Дурня в первый раз такого!
Ну-ка, дальше от греха,
От такого лопуха!
Речи деда — чепуха!
Ну-ка, вместе: — Ха-ха-ха! —
Андриеш, смеяться будем:
Пусть услышит черный враг,
Мы рассеем этот мрак
На потеху добрым людям!»

И пошли друзья во мглу —
Вдоль по черному селу.

Андриеш глядит вокруг:
Всё — как в сказке, как в кошмаре;
Будто всех людей и тварей
Страшный поразил недуг.
Даже листья и цветы —
Под покровом черноты;
Будто некой силой вражьей
Всё везде покрыто сажей.
Как в чернилах, поселяне
В черном плавают тумане.

Андриеш дивится: вот
Парень сумрачный идет,
Хмур, понур, насуплен, мрачен.
И Пэкала, озадачен,
Говорит: «Послушай, малый,
Ты погибнешь так, пожалуй.
Пропадешь ведь задарма!
Нешто выжил из ума?
Дай-ка, парень, мне ответ:
Может, просто ты не в духе?
Может, ты от голодухи
Ел кислятину сто лет?
Ну-ка, дорогой молодчик,
Сядь на кочку, на пенечек!»
Тот, молчание храня,
Примостился возле пня,
«Ты зачем, дурак, немеешь?
Ты смеяться не умеешь?
Ну-ка, поучись разок:
С губ сперва сними замок,
Улыбайся всею рожей —
Так… Вот так… Уже похоже…
Нет, еще… Вот так, вот-вот —
До ушей разинем рот…»
Так Пэкала парня учит,
Понукает, точит, жучит,

Наконец — настал момент:
Улыбнулся пациент!
«Славно!.. Ну-ка, раз-два, взяли:
Заявляю, что Пэкале
(Это, парень, значит, мне)
Равного во всей стране
Нет лихого молодца…
А уж как пригож с лица!
Живописца в мире нет,
Что сумел бы мой портрет
Написать во всей красе, —
Для такого, — скажем смело, —
Щепетильнейшего дела
Плохи живописцы все!

Засмеялся парень мрачный,
На учителя смотря,
Шутника благодаря
За такой урок удачный.
И, казалось, в этот день
Рассмеется даже пень.

Андриешу и Пэкале
Снова час брести подале.
Задержались у колодца, —
Ох, черна же в нем вода!
Видят вдруг друзья: туда
Сплетник сгорбленный плетется.
Сразу видно, в первый миг:
Это — сельский клеветник.
Кривоносый, криворожий,
Весь на ястреба похожий,
Пальцы скрючил и бормочет,
На кого-то когти точит,
Зло уже кому-то прочит…
Крикнул тут Пэкала дерзкий:
«Ты постой-ка, сплетник мерзкий!»
«Странник, странник, ты не прав!
Знают все мой добрый нрав,
Я беспечен, человечен,

Я весьма мягкосердечен
И гордиться тем могу,
Что вовеки не солгу!
Я от правды — ни на шаг!»
«Улыбнись-ка, если так!
Ложь, известно всем, для смеха —
Величайшая помеха!
Видно, что не можешь… Ишь —
Испугался и дрожишь!
Рад бы с глаз моих пропасть —
Раскрывай, мерзавец, пасть!»

И Пэкала старика,
Сплетника-клеветника,
Хитроносого сморчка,
Ухвативши за бока,
Стал трясти, перевернул,
В рот к бедняге заглянул,
(Клеветник же зубы стиснул),
Весельчак тогда присвистнул,
Взял за пятки, и тотчас
Лихо сплетника затряс.
Старику дыханье сперло,
И посыпались из горла
Змеи, жабы, пауки,
Ядовитые жуки,
Семена крапивы жгучей,
Паутины грязной кучи,
Дурнопьянная трава,
И — недобрые слова,
Вся отрава, злоба, гнилость,
Что в клеветнике скопилась.
И, извергнув эту гадость,
Что жила в нем целый век,
В первый раз почуяв радость,
Засмеялся человек.
Из леченья вышел толк!

Бывший сплетник вдруг умолк,
Пальцем в небо указал

И взволнованно сказал:
«Гляньте! Небо всё черней!
Не видать нам больше дней,
Не видать нам больше света —
Ох и страшно, страшно это!..»

«Мне ль бояться тени черной,
Ядовитой, людоморной?
Тень — она всего лишь тень,
Я считаю — ясный день
Наступает, и все ярче
Льется свет, всё жарче, жарче!
С истиной великой этою
Спорить вам не посоветую!»

«Ты, Пэкала, тоже лжец!
Раскусил я, наконец,
Твой секрет — ты сам и лжешь,
А меня ругал за что ж?»
«Нет уж, друг, дурак надутый,
Этих двух вещей не путай!
Не равняй ты ложь свою
К моему, чудак, вранью!
Подтверди-ка, Андриеш!
Шуткою народ потешь,
Позабавней ври, дружок,
Будет польза, будет прок!
Помни, истина проста:
Ложь насмешке не чета!
А ко лжи — подход особый,
Дружит ложь с поганой злобой,
С ненавистью, с черным ядом,
Проживает с ними рядом!
Радости людской грозит!
Смех же эту ложь разит,
Ложь смеяться ох не любит!
Смех ее на месте губит!
Хлещет так, что жарко небу,
Всё, что людям не в потребу!
Единит на свете всех

Человечий, звонкий смех!
Предрешен любой успех,
Если льется без помех
В дни страданий, в дни потех —
Звонкий, чистый, юный смех!
В мире от него тепло,
Гибнет ложь, а с нею — зло!

Уясни всё это, дядя,
На меня, Пэкалу, глядя!
Если даже на заре
Света нету на дворе,
Если днем — сплошная тьма,
Мрачно небо, как тюрьма, —
Если вечером и ночью
Видишь только тьму воочью,
Оттого, что всё черно —
Станет пусть тебе смешно!
Я смеюсь или молчу,
Мне весь мир — по нраву!
Людям души щекочу,
Веселясь на славу!

Дам-ка я тебе щелчок,
Это — сдача, пятачок,
С лжи твоей и клеветы,
Так что помни, помни ты:
Больше клеветать не вздумай,
С рожей не ходи угрюмой,
Лучше жителям земли
Шуткой сердце весели!»

Так друзья бредут во мглу,
Вдаль по черному селу,
Слева, справа от дорожки,
Из окна иль со двора
Вся в заплатанной одежке
Их встречает детвора.
Глазки малышей пусты,
В них веселье не искрится,

Но немалой красоты
Их замученные лица!
И непрочь они, пожалуй,
Увязаться за Пэкалой!
А Пэкала — озорник
Сел на посох в тот же миг
И подпрыгивать потешно
Стал на улице кромешной,
Созывает детвору,
Говорит: «Лошадка, тпру!
Что невеселы, ребята?
В том не тьма ли виновата?
Не смешно?
Вам темно?
Кто-то вас
Обманул?
Свет погас?
Ветр задул
Солнца свет?
Свет луны?
Жизни нет?
Дни темны?
Кто там лжет,
Что луна
В небосвод
Не взойдет, —
«Не должна!»
Тьма черна.
Ну, так что ж:
Это — ложь!
Черный царь
Эту хмарь
Напустил
На умы,
Черной тьмы
Что есть сил
Натворил, —
Но бессилен черный бес
Отменить лучи небес!
Только тьмой

Правит он.
Ну, так мой
Вот закон:
Кто не верит в эту тьму,
Кто не скован черным царством
Черный Царь своим коварством
Зла не причинит ему!
И захочет — так не сможет:
Он села не уничтожит,
Даже грома не пошлет
На неверящий народ,
Не содеет зла селу
В злопыхательском пылу,
Не сгустит ночную мглу:
Сам же спрячется в углу!
Мы не станем верить вздору.
Смех опасен людомору, —
Нынче, этим светлым днем,
Со злодеем бой начнем,
И на первых же порах
Смехом уничтожим страх!»

И тотчас же, для начала
Сев на посох свой, Пэкала
По дорожке поскакал,
Кучу глины отыскал.

Смотрит, смотрит детвора:
Знать, в новинку ей игра!
Для ребячьего народа
Небывалого урода
Стал Пэкала мастерить
И при этом говорить:
«Гей, ребята, в круг садитесь!
Этот, значит, славный витязь,
Косомордый, криворожий,
На столетний пень похожий,
Коль судить по всем приметам
Об уроде жутком этом,
По красе его бесспорной —

Черный Царь, владыка черный!
Велико, видать, владычество
Кривомордого величества!
И с такою же, с похожею
Рожей мерзкою, свиной,
Кружит брат его родной,
Мчит, помойки сокрушая,
Черный Вихрь, свинья большая…
На судьбину горько сетует,
Почитать его советует!»

Тут вошел Пэкала в роль.
Чем не царь? Чем не король?
Тоже славный, тоже гордый,
Тоже малость косомордый…

Тут, запрету вопреки,
Меж детей пошли смешки.
Все смеются над болваном,
Над корявым истуканом,
Улыбающимся гнусно
(Сделанным весьма искусно).

«А теперь, ребята, в путь!
Не изволите ль взглянуть
С нежностью благоговейной:
Этот экспонат музейный,
Светоч царственного рода,
Полупень, полуколода —
Царь морей, степей, полей,
То бишь Черный Дуралей!»

Всех от смеха прямо скрючило,
Хохот завладел детьми,
А Пэкала тут возьми,
По макушке стукни чучело:
«Злодей!
Разить
Людей,
Грозить

Не смей,
Ты, змей,
Пень безмозглый, обормот,
Вот тебе, скотина, вот!!!
И тебе-то поклоняться?»

На Пэкалу-святотатца
Смотрят дети, веселясь,
Ну, а он швыряет грязь
В морду Черного Царя,
Речь такую говоря:
«Убирайся прочь отсюда,
Черномордая паскуда,
Рожа безобразная!»
И, победу празднуя,
Все пустились в пляску шалую,
Озорную, небывалую
Во главе с самим Пэкалою!
Стали все ногами дрыгать,
Через истукана прыгать!

Флуер Андриеш достал
И играть тихонько стал,
А в душе у чабана
Песенка жила одна, —
Та, что в прежний час звучала,
До беды и до начала
Всех скитаний пастушка, —
Весела, чиста, звонка,
Та, что легче ветерка
Поднималась в облака
Над родимою Молдовой,
Над долиной Трехручьевой!
Андриеш играет гладко,
А в душе его несладко:
Сколько, сколько можно впредь
Испытания терпеть? —
Вот нелегкая загадка…
Словно взрослому, ему
Выпадают передряги,

Испытания — уму,
Сердцу, воле и отваге.
Детство, детство, ты куда?
Промелькнуло без следа.
Так живешь — не уследишь:
Взрослый ты или малыш.

Девочка к нему идет
И тихонько задает
Пастушку такой вопрос:
«Ты скажи-ка мне и детям,
Где учился песням этим?»
Молвит хлопец: «Фэт-Фрумос —
Вот кто мой учитель главный,
Вот кто мой наставник славный!
Как зовут тебя, мой свет?»
Медлит девочка, боится,
Наконец она в ответ
Произносит: «Миорица».
Сжало пастушку сердечко, —
«Это ведь моя овечка
Так зовется! Я грущу,
Я давно ее ищу, —
Схожа с ней ты, крошка-детка,
Как сестричка-однолетка!»

Налетев исподтишка,
Грусть объяла пастушка.
Поспешил к нему Пэкала:
«Не печалься, добрый друг!
Столько радости вокруг!
Видишь, даже солнце встало
И сквозь тучи заблистало!
Вот, как видишь, я не вру!
Поутру и ввечеру,
Паренек, твою хандру
Звонким смехом уберу!
Дуться, парень, ты не смей!
Прогонять тоску умей,
Хохочи всю жизнь, до слез,

Выше кушму, выше нос!»
Подмигнула им дорога,
В нитку вытянулась строго,
Вновь шагать друзья решили
И на запад поспешили.

Там, в густом разливе тьмы,
Дремлют долы и холмы.
Над откосом — чахлый сад,
Ветви до земли висят.
Не под тяжестью плодов,
Не под бременем годов,
А под грузом темноты
Сникли чахлые листы!
В том саду стоит седая
Женщина немолодая,
Но прекрасная лицом.
Перед каждым деревцом
Слезы льет поочередно,—
Чем, бедняжке, ей помочь?
На нее немая ночь
Давит тяжестью холодной.
Возле дома, у крылечка,
Черная паслась овечка,
Век не видевшая света:
К ней, видать, окраска эта
Низошла с окружной тьмой.
И была она немой!
Чернота лилась рекой…
Увидавши сад такой,
Андриеш почуял ужас.
Чабаненок вмиг его
Пересилил, понатужась,—
Отступило колдовство.
Флуер вытащил пастух
И во весь пустился дух
Песней радостной, веселой,
Черные тревожить долы.
Посветлела вмиг листва,
Зашумели дерева,

Встала от земли трава,
Вновь свежа и вновь жива.
И, заслышавши едва
Звук молдавской песни звонкой,
Женщина на чабаненка
Подняла усталый взор
И вступила в тот же хор.

И напева звук забытый
Вдруг для сада стал защитой, —
Поредела, сникла мгла,
Солнце вспыхнуло, как свечка,
И несчастная овечка
Тоже сделалась бела!
И Пэкала молвил: «Ох!
Вижу, парень, ты неплох.
Тоже мастер, да немалый,
Потягаешься с Пэкалой!
Мой неудержимый смех,
Песнь веселая твоя —
Не составит им помех
Сила злобная ничья!
Так спасем же от беды
Эти пашни и сады,
Эти золотые нивы —
Так спасем же край счастливый!»

С лаской женщина смотрела,
Тень сошла с ее чела,
И, как только пала мгла,
К чабаненку подошла,
Словно сына, приласкала
И промолвила ему,
Уничтожившему тьму, —
Так, что слышал и Пэкала:

«Эх, таких поменьше б ночек!
Был и у меня сыночек,
Так же ловок, ясноок,
Строен, гибок и высок.

Был он ладен и плечист,
Был он весел и речист,
И душой и сердцем чист,
Как весенний первый лист!
Да, на славу парень вышел!
Черный Вихрь о нем прослышал,
И, не подождав ни дня,
Отнял сына у меня,
И в своих покоях черных
Ввел в число своих придворных,
Это значит — слуг покорных,
Исполнительных, проворных…
Сыну моему пошло
Удальство его во зло!
Если встретишь ты его,
Несмотря на волшебство,
Что его сковало ныне,
То скажи — в родной долине
Мать его, как прежде, ждет,
Может, он домой придет.
Вот умчались облака —
Только прочь нейдет тоска,
Словно небо, велика,
Словно море, глубока…
Пусть проходят хоть века —
Лишь увидеть бы сынка…»

Ах, как жаль ее, как жаль!
Материнская печаль
Всех больней, всех человечней,
Всех других добросердечней!
Андриеш глаза смежил,
Внял ее глухим страданьям,
И как мог, со всем стараньем,
В песню эту боль вложил.

Вот толпа людей пришла
На околицу села
С плачем попросить светило,
Чтоб столетний мрак пробило,

Чтоб излило свет дневной
Над несчастною страной,
Чтоб лучом прошло вдоль склонов,
Камни и растенья тронув,
Радость возвращая этим
И родителям, и детям.
Были здесь в былые годы
Праздники и хороводы;
Здесь, коль верить старцам древним,
Жизнь бурлила по деревням,
Как теперь и не приснится:
Не было щедрей земли —
Розы алые цвели,
Зрела средь полей пшеница.
«Где все это, солнце, где?
Нашей помоги беде!»

И вскричал тогда Пэкала:
«Люди, плакать ли пристало
Вам, хозяевам страны?
Не смеяться ль вы должны?
Проку много ль в черной гуще,
Что нависла средь небес?
Вам ли, люди, ждать чудес?
Благодати ждать грядущей?
Прочь мольбы — и станет так:
День взойдет, и сгинет мрак!
Плюньте, говоря короче!
А сейчас — разиньте очи,
И, покуда хватит мочи,
На погибель черной ночи
На победу силам дня —
Люди, слушайте меня!

Лет тому уж с гаком двести
(Был я, помню, в те года
Стариком еще тогда),
Побывал я в чудном месте —
В замечательном селе,
Испеченном на золе

И приперченном в избытке.
Там дороги, будто нитки,
Были очень широки,
Вместо крыш — боровики
Там топорщились на хатах,
На больших столбах-опятах.
И в румяных поросятах
Были кроны тополей!
И цвели среди полей
Фляжек тысячи пузатых.
Ярко-красные буренки
Там, мыча, паслись в сторонке.
Молодцы коровки были:
Дважды в день себя доили;
Вам поверить нелегко:
Там давали молоко
Даже старые козлища, —
Но для них нужна была
(Да, для каждого козла!)
Необычнейшая пища:
Брынза, теплая, домашняя,
Свежая, а не вчерашняя!
Не сготовишь про запас…
Вот бы вам, друзья, сейчас
Лакомства отведать нового —
Молочка хлебнуть козлового…

И собаки там всегда
Были собраны в стада,
Шли, ушами шевеля,
На хвосте же — кренделя
Вязкой у любой висели,
То-то было там веселье!

А еще — у всех крестьян
Был не то чтобы изъян,
Но — особенность, черта.
Вам о ней поведать жажду я:
Там имела рожа каждая
Ровно по четыре рта!

Первый, ясно, тараторит,
Песней тот, что рядом, вторит,
И жует, жует, жует
Непрерывно третий рот».

«А четвертый?»

«Он при мне.
Пригодится вам вполне
Этот самый рот, сдается,
Ибо здорово смеется!»
Кто-то прыснул.

«Вот, не вру!
Верьте, этот смех — к добру!
Я добавлю вам ума:
Постепенно, постепенно
Научу вас непременно
Веселиться задарма!»

«Что ж там было, в том селе?»

«Не сидели там во мгле,
И поклонов тьме не били,
Там умнее люди были!
Вот и я вам дам совет:
Тьма уйдет, и будет свет, —
Только все неважно это:
Тьмы чуток, немного света…
Вы не тратьте-ка ни дня —
Помолитесь на меня!
Иль не видите вы сами:
Перед вами — бог с усами!
Нет вернее правды той,
Чем вот эта: я — святой!
Я — чтоб молвить покороче —
Бог-отец и всякий прочий…»

Тут, запретам вопреки,

Меж людей пошли смешки,
И на горный на хребет
Солнечный пролился свет.
Тьму ночную тем лучом
Распороло, как мечом, —
Черная распалась рать, —
Начал Андриеш играть
Песню Фэт-Фрумоса славного, —
В мире нет напева равного, —
И лился он без конца,
Наполняя все сердца!

Билась тьма в бессильной злости,
Извиваясь тяжело…
«Тьма и Сумрак! Биться бросьте!
Ваше время истекло!»
К Андриешу древний дед,
Девяноста полных лет,
Подошел, и парня сам
Потрепал по волосам:
«Послан ты, сынок, судьбою,
К смертному готовься бою,
Ибо ты идешь не зря
На проклятого Царя!
Мракобеса победи,
Всех людей освободи!
Вдаль иди, вперед гляди.
Бой и слава впереди!»
Вот пришел прощанья час.
В знак прощания, как раз,
Зазвучал Пэкалин хохот, —
В небесах последний грохот
Отозвался, — там клочки
Мрачной черной занавески
Мчались наперегонки
За леса и перелески, —
Прочь, скорей, куда подале,
Не попасться бы Пэкале!

…Снова зорька засверкала, —

Как не похвалить судьбу:
Людям подарил Пэкала
Смеха полную арбу!

И друзья опять бредут
Вдоль заросших тропок, —
То кремнист их путь и крут,
То отвратно топок…
Лишь холмы, холмы вразброс,
Ни платанов, ни берез,
Только чахлая трава
Меж камней едва жива.
Дальше, дальше, косо, криво
Меж холмов петляет путь,
Вот — у мрачного обрыва
Им придется отдохнуть:
Видят оба — там, на дне,
В зыбкой, жуткой глубине,
У крутых подножий гор
Не один десяток нор.
Вид у этих нор таков,
Как у нор степных сурков,
Но живет в тех норах темных
Племя, знать, сурков огромных!
Если дыры те видны
Вот с такой-то вышины!
И сказал Пэкала: «Баста!
Про долину эту часто
Слышал я, бродя по свету, —
Знай, что воздуха в ней нету!
Нет в долине той пути —
Ни проехать, ни пройти,
Ни ползком не проползти, —
Впрочем, парень не грусти…»

«Не грусти? Идти-то как?
Выйти как из положенья?
Не сидеть же без движенья,
Глядя с крутизны в овраг?»
«Ты постой, дружок, постой!

Верно, случай не простой.
Да, конечно, мы сейчас
Повстречали в первый раз
Безвоздушные овраги, —
Важно сохранять покой:
Ведь еще и не в такой
Мы бывали передряге!
Если голова пуста —
То задача не проста:
И овраг не перейдешь,
И погибнешь ни за грош.
Коль ни смеха нет, ни шуток,
Значит, случай вовсе жуток, —
И тебе еще под силу
Разве только лечь в могилу.
Но, коль смехом полон рот,
Разве час такой придет?
Рано нам идти ко дну,
Надо быть к беде глухим:
Даже если я тону —
Выйду из воды сухим!

Знаю я, что где-то тут
Звери странные живут.
Утверждать осмелюсь я,
Что подобного зверья
Ни тебе, ни мне, невежде,
Видеть не случалось прежде!
«Знать тебе о том откуда?»
«Погоди! Увидишь чудо!»

Тут Пэкала зубы стиснул,
Весь напрягся, резко свистнул.
Эхо вмиг заговорило, —
А под склоном, из норы,
Из чернеющей дыры
Показалось чье-то рыло.
И, унять тревогу силясь,
Из норы немедля вылез
Полуслон, полусурок,

Лапы из норы извлек,
Прикрепил к спине мешок
И полез на склон отвесный,
Где в тревоге бессловесной
Медлили над ним друзья,
Страх и робость затая.

Андриеш спросил в тоске:
«Что таскает он в мешке?»
«Воздух, — я ж давал ответ:
Воздуха в долине нет!»

Вылез чудо-зверь на скалы,
Смотрит в сторону Пэкалы,
Камни лапами ломает,
Ничего не понимает.
Андриеш спросил, шутя:
«Кто ты, милое дитя?»
Чудище заговорило:
«Я — могучий Мордарыло!
Я — слоновейший сурок…»
«Ну и страшен ты, дружок…»

«Вам с лица не воду пить»,
Мордарыло начал ныть:
«Вы стоите над оврагом,
Помогите ж нам, беднягам, —
Пропадаем мы в низине,
В распроклятой котловине,
Мы живем тут, как в пустыне:
Нет нам вздоха-роздыху:
Без глоточка воздуху!»
Отвечает Андриеш:
«Ты друзей своих утешь,
Мы тебя отлично слышим,
Но и сами-то не дышим!
Нам известно стало ныне,
Что вон там, вдали, в долине,
Холм стоит, а на холме
Люди прячутся во тьме,

И у каждого как раз
Воздух спрятан про запас, —
Там, куда ни кинешь взгляд,
Каждый весел и богат,
Молодой и старый, —
Бедняки там есть навряд:
Чистым воздухом стоят
Полные амбары!

Мордарыло глянул гордо.
(Ну и рыло! Ну и морда!)
Видно по его гордыне:
У него в мозгах — пустыни,
Но зато уж в лапах — сила!
Заявляет Мордарыло:
«Вам дороги не найти.
Нет к холму тому пути.
Надо вас перевезти!
Ну, а я — силен вполне,
Лезьте на спину ко мне!»
Прыгнули друзья вдвоем
Прямо на спину сурочью, —
Выход виден стал воочью:
Легок спуск — тяжел подъем!
Впрочем, лишь для Мордарыла,
А друзьям забавно было:
Чудный конь пыхтит под ними,
Весь в поту, в пыли и в дыме.
Ковыляя меж камней,
Он топочет все сильней
Топотом нечеловечьим.

А дышать — то вправду нечем!
Воздуху слегка глотнет
Из мешка поганого
И опять вперед ползет,
Силой полон заново.
Цель-то у него своя
И не видит, что друзья
Втихаря, исподтишка

Дышат из его мешка!
Удержаться ль от смешка,
На болвана глядя с тыла?
Ох, и дурень, Мордарыло!
Ох, легко ль до дальних гор
Лезть с таким — то весом?

Родичи его из нор
Смотрят с интересом.

«Мордарыло, друг мой, что же
Столь поганы ваши рожи?
И которая беда
Запихнула вас сюда,
В эти каменные горы,
В эти дыры, в эти норы?»

Отвечает Мордарыло:
«Здесь неплохо прежде было,
Жили прежде здесь народы, —
Тоже, как и вы, уроды,
Не похожие на нас:
Нос да рот, да пара глаз,
Безволосые, безрогие,
Лишь двурукие, двуногие…
В общем, здесь в былое время
Жило мельничное племя.
Черный Вихрь, владыка наш,
Свой решил ввести порядок:
Вышел он на черный кряж,
Видит — тут царит упадок:
Тут устроились на жительство
В незапамятные дни
Люди-мельники, они —
Без малейшего правительства!
Черный Вихрь, наш воин главный,
Враз навел порядок славный:
Он с того, наш душка, начал,
Что царем себя назначил,
Приказавши им любовно:

«Мельники! Возите бревна!
Подчинитесь — и конец:
Ну-ка, стройте мне дворец!»
Но злодеи эти самые,
Непослушные, упрямые,
Повели себя греховно
И возить не стали бревна!
Вихрь немедля, в тот же час,
В этот край направил нас,
И велел нам воздух весь,
Что найтись обязан здесь,
Увязать в мешки, в котомки
И отсюда унести —
И не будет нам пути,
Как податься к ним в постромки!
Дело сделано — и вот
Мигом вымер весь народ,
Крылья мельниц пообвисли,
Как бадьи на коромысле.
Так и надо тем пройдохам!
Но изъян у мести есть:
Оказалась наша месть
Все же с небольшим подвохом.
Только мы собрались прочь —
Как на нас внезапно, в ночь,
Чубэр грянул с гайдуками,
С обнаженными клинками!
И, бежали мы пока,
Сильно нам намял бока,
Так что помним и поныне.
И остались мы в долине
В этой, — каждый слишком слаб,
Бегство — не для наших лап!
Стали мы совсем плохи —
Нас сгубили пастухи!
Лишь напрасно камни гложем,
А уйти отсель не можем!»

«Браво, Чубэр! Поделом!» —

Андриеш шепнул украдкой,
«Эй, дружок, не будь ослом
Да следи-ка за лошадкой,
Больно резко поскакала!» —
Прошептал ему Пэкала.

Снова наземь Мордарыло
Возле склона лег уныло.
Снова отхлебнул слегка
Из вонючего мешка
И опять канючить стал
(По всему видать — устал):
«Вот он, этот самый кряж,
Но черед теперь уж ваш
Позаботиться о друге:
Очень вашей жду услуги:
Нам бы воздуху немного…
Даром, что ли, вам дорога
Обошлась?.. Ну нет, ну нет,
Вы примите мой совет:
В воровских копните гнездах,
Заварите кашу,
Да перекачайте воздух
Вы в долину нашу!
Ой-ой-ой! Беда, беда!
Мне бы Чубэра сюда,
Мне б его, мерзавца, в гости —
Я ему намял бы кости,
Сам-то я небось, намят!..
Ох, как лапы-то болят!»

Пнул его слегка Пэкала:
«Мордарыло! Не пристало
Ныть тебе, мой птенчик гордый,
Криворожий, кривомордый!
Не идет тебе нытье —
Званье береги свое,
Скрой от всех, что ты ослаб,
Не кажи намятых лап!
Мигом мы тебя излечим!»

«Мне дышать, родные, нечем!
Сердце ёкает в груди!»
«Сердце? Сердце!
Ты гляди —
Это радостная весть:
У поганца сердце есть!
И ведь он не лжет, поди, —
Сердце… Ну, милейший, жди:

Там, на горке, воздух — чудо!
Мы тебе, дружок, оттуда
Много воздуха… надуем,
Ибо сами негодуем —
Как же это, как же так:
Враг забросил вас в овраг,
И в овраге, против правил,
Вас без воздуха оставил!

Ну так вот, дружок, любя
Уж надуем мы тебя!
Воздуху, любезный, жди,
Никуда не уходи,
Видишь — нынче небо в звездах,
На него, дружок, гляди,
Ты внимательно следи —
Вдруг с небес польется воздух!
Понял ты, хвостатый пень?
Так лежи и час, и день…
Ну, никак не больше двух,
Трех, от силы — четырех…
Отдых — он всегда неплох, —
И потом вздохнешь ты — ух!
Ну, а мы пошли, пастух».

«Как пастух?» — Взорвался вдруг
Полудохлый Мордарыло:
Злоба в нем заговорила.
«Понимаю — ты гайдук!
Так узнайте месть мою —
Я сейчас же вас убью!

Ох!
Хоть я и вовсе плох —
Раскусил я ваш подвох!»

Велика у зверя сила!
Прыгнул злобный Мордарыло,
Покатились с ним в овраг
И пастух, и весельчак.
Смял, скрутил в поганых лапах,
Издавая смрадный запах,
И клыки о камень точит —
А Пэкала знай хохочет:
«Ой-ой-ой! Мой ангел кроткий!
Ужас, как боюсь щекотки!
Ты зачем меня щекочешь?
Поиграть со мною хочешь?
Я в твоей, дружочек, власти —
Хоть порви меня на части,
Но такой не нужно страсти
И такой пыхтящей пасти.
Что ты, Рыло, дышишь тяжко?
Нешто ты оглох, бедняжка?
Отпусти, добром прошу,
Я тебе убавлю лоску —
Враз тебя я удушу,
Коль попортишь мне прическу!

Но не слышит Мордарыло,
Злоба в нем заговорила.
«Вас не отпущу, пока
Не расплющу гайдука,
Буду ждать до зорьки ранней,
Уничтожу дух чабаний!»

«Будь по-твоему, дурак,
Сам себе ты, видно, враг,
Но втяни свой мерзкий коготь
И не смей хоть парня трогать!
Ты еще не знаешь многого:
Он идет в Чубэрье логово,

Он не ест телячьих почек
И не кушает котлет:
Он, любезный наш дружочек,
Яростный чубэроед!
Сам не видишь, что ль, каков
Пожиратель гайдуков!
Отпусти его, зараза!»

Вылупил четыре глаза
Вихря Черного слуга,
Поднял лапы и рога,
Андриеша отпустил,
Но, в приливе свежих сил,
На Пэкалу всею тушей
Вновь насел.
«Чудак, послушай!
Как тебе не жалко лап?
Постарел ты,
Сник,
Ослаб…
На тебя взглянуть — мученье!
Нужно, друг, тебе леченье,
Прекратим твои мытарства
И, отвергнувши коварство,
Сделаем тебе лекарство!
Травка в этих есть горах,
Высоко — ну просто страх!
Сделать из нее настой
(Прямо скажем, непростой)
Да тебе хлебнуть глоточек —
Вновь окрепнешь, мой молодчик,
Оживешь, как прежде, — чудо!
И — смотаешься отсюда.
Этот я настой, понятно,
Подарю тебе бесплатно,
Вновь вернусь в твои объятья, —
И ответ готов держать я,
Все грехи мои замаливать,
Ни один с себя не сваливать,
Проводить с тобой года, —

Можешь съесть меня тогда…
Что, не веришь?
Почему?»

«Грр! Хрр! У-у-у-у! Ммму-у!»

«Что мычишь ты, как скотина?
Уверяю господина —
Я вовеки не солгу,
Потому что не могу!
Я прошу тебя, заразу,
Хоть разок поверить мне,
Потому что я ни разу
В жизни не солгал… во сне.
Так что — только на денек
Ухожу я, куманек!»

И поверил Мордарыло,
Отпустил весельчака,
Хоть намял ему бока, —
От кошмарного сурка
Заорала б и горилла!

А Пэкале — хоть бы хны:
Встал и подтянул штаны,
И сказал:
«Дружок, лежи,
О Пэкале не тужи.
Коль меня ты отпустил,
Коль на вольной воле я,
Не дыши по мере сил
Ты как можно долее!
Вплоть до умопомрачения
Для удачности лечения!
Если утомишься — пой.
Жди меня, болван тупой!
Жди меня, мой друг, мой свет,
Много дней и много лет.

Если ж я нарушу слово

И случайно не вернусь —
Все равно, дружок, не трусь,
Жди, как друга дорогого,
Жди меня в последнем сне,
Ты дороже черта мне,
Больно ты, любезный, прост
Соли мне насыпь на хвост…»

Вверх полезли оба друга.
Скоро стала вся округа
С черной высоты видна,
Снова, снова грудь полна
Самым чистым, животворным
Воздухом высокогорным!
Воздух радует, пьянит,
На траву прилечь манит,
Полежать часок, вздремнуть
И опять пуститься в путь.
А внизу стоит и ждет
Жалкий-жалкий обормот…
И Пэкала плюнул: «Пусть
Я вернусь к нему, когда
Станет розой лебеда
Или пасху справит лошадь…
Жаждешь, милый, укокошить
Андриеша и меня?
Предстоит тебе возня,
Что-то, милый, мне сдается,
Долго ждать тебе придется!
Жди, лежи и вой уныло —
Стату-Палма-Морда-Рыло!»

Заалели небеса,
Пала на цветы роса,
И воспрянули друзья
От дневного забытья,
Отдохнувши
понемногу,
Снова двинулись в дорогу.
Так идут они лесочком

По кустарникам, по кочкам,
Вот уже пересекли
Поле ароматное
И… увидели вдали
Что-то непонятное.
Говорит Пэкала другу:
«Эх, теперь бы нам кольчугу
Иль мечей волшебных груду,
Чую — быть сегодня худу.
Так что, парень, разумей
Смысл сегодняшней невзгоды:
Нас четыре ждет подводы,
В каждой — трехголовый змей!
Это Вихрь сегодня Черный
Встретил ратью нас отборной!
Заграждают змеи путь —
Хорошо бы их надуть.
Впрочем, друг любезный мой,
Не вернуться ль нам домой?
Их не обойти никак,
Нет, чтоб спрятаться, ухаба…
«Нет, Пэкала, я — не рак,
Да и ты, видать, не баба».

«Ну-ка, ну-ка, Андриеш!
Друга ловкостью потешь!
Впрямь сдаваться не пристало».

«Поступлю, как ты, Пэкала!»

«Ну, давай, давай, давай,
Не зевай да поспевай,
Осторожней только, малый!»

«Ничего! Учен Пэкалой!»

Андриешу хватит хитрости
Из злодеев душу вытрясти,
Только мысли все — вразброс,
Ибо слышен скрип колес…

Вот подъехали подводы.
Змеи, жуткие уроды,
Каждой пастью жарко пышут,
И смолой, и серой дышат.
Над землей повисла тишь.
Держит каждый змей бердыш,
Всё, что может, сокрушает,
Убежать не разрешает,
Зелень зноем иссушает.
«Кто тут главный?» — вопрошает.

Вот один пред пастушком
Ставит свой вопрос несложный:
«Отвечай, червяк ничтожный,
С Андриешем ты знаком?»

«Господин мой, я взволнован:
Был он здесь лишь час назад!»
«Ну, презренный, и каков он?»
«Волосат и бородат,
Злобен и в лохмотьях весь…»
«Ну, и где он?»
«Здесь он, здесь!»
«Я не вижу, пёсий сын!»
«Ты увидишь, господин!
Он украл моих овец,
Я его почти настиг,
Но сквозь землю тот подлец
Провалился в краткий миг!
Прямо в землю, в этот дол,
На три сажени ушел!
Убедитесь, господа!
Вот, со мной работник мой, —
Парень пальцем ткнул в Пакалу, —
Нам вернуться бы домой
Нужно, было бы, пожалуй,
Ведь копать, владыка, нечем —
Только руки покалечим!

Время топать нам назад —
Раз не взяли мы лопат!
Вы бы дали нам подводу,
Здесь часок всего-то ходу,
Мы вернулись бы с кайлом,
Привезли б тяжелый лом,
И лопату, и кирку, —
Всё нетрудно взять с собою.
Вон, в долине, дом с трубою,
Дом с трубою на боку,
Так позвольте ж нам, с эскортом…»

«Лезьте на подводу… С чертом!»

Слуги спрыгнули с подвод,
Застучали топорами,
Стали рыть подземный ход,
Андриеша ищут в яме!
Ищут, не щадя труда:
Где чабанья борода?
А Пэкала, не жалея,
Знай, нахлестывает змея.
Весел и чабан неробкий —
Пусть себе ведут раскопки!
Пусть над ямою поплачут, —
А друзья на змее скачут.
Скачут, скачут без конца, —
Вот на берег озерца
Выезжает змей. Застыл
И залез по брюхо в ил.
Он не знает — лезть ли в воду,
И не бросить ли подводу?
Андриеш промолвил: «Змей!
Не послушаться — посмей!
В тот же миг, дурак понурый,
Проглочу тебя со шкурой!

Стало быть, ступай на дно,
Ждут тебя на нем давно
Слуги верные мои —

Тоже, кстати, две змеи…
Вы лопаты да кирки,
Сверла, метлы и совки
На подводу погрузите
И скорее привозите!»

Змей, не думая, повёз
Прямо в воду тяжкий воз,
Наземь бухнулся Пэкала —
Весело Пэкале стало:
Он лежит на берегу:

«Не могу! Ой, не могу!
Ох, спасите, люди, право!
Браво, чабаненок, браво!
В самой глубине воды
Есть отличные меды,
Змей сейчас их, видно, пьет —
И ему по вкусу мед!..»

Голый, каменный отрог.
Двое встретилось дорог
У подножья этой кручи.
В небе — ласточки и тучи,
В небе — птицы, в небе — свет,
Звезд движенье и планет.
Подошли туда друзья,
Грусть на сердце затая.
Это место — для разлук,
Расстается с другом друг.
Флуер Андриеш достал
И играть тихонько стал,
Чтоб побыть еще немного
С другом — лишь одна дорога
У него отныне есть,
У Пэкалы ж их не счесть,
Он и рад бы с Андриешем
Дальше топать ходом пешим,
Но не может — новый путь
Здесь велит ему свернуть.

Андриеш бы тоже рад
Вновь с Пэкалой, наугад,
Вдаль, куда глаза глядят…
Но, вздыхая, вспомнил вскоре
Об овечках, о Миоре,
О своем великом горе,
И невольная слеза
Набежала на глаза.

«Не грусти! — сказал Пэкала
На прощанье чабану, —
Помни истину одну:
Ждет в пути тебя немало
Испытаний и трудов,
Будь же встретить их готов!
Смех в дороге не помеха,
Крепнет мужество от смеха».

Легких нет путей — дорог
Для того, кто одинок…
Долго брел наш пастушок
По тропе, лесной опушкой,
И, донельзя удивлен,
Странный холм увидел он:
Обращенный вниз верхушкой
И торчащий дыбом склон,
Где, вцепясь корнями, ели
И дубы из каждой щели
Вверх тормашками росли
И сосульками висели,
Достигая до земли.
А навстречу пастуху
Из дремучих дебрей сонных,
Вся в лишайниках, во мху,
В длинных прядях трав зеленых,
Вышла бледная, как смерть,
И худая, словно жердь,
Лешачиха, ведьма злая,
Та, что бродит, ковыляя,
В темной чаще боровой

И в тисках своих костяшек
Душит бедных певчих пташек,
Издавая хриплый вой.
Ведь Кикимора не в силах
Выносить с давнишних пор
Щебет птичек легкокрылых,
Веселящих здешний бор.
Ей противен смех беспечный,
Буйной пляски перебор,
Задушевный разговор
И простой напев сердечный.

Носом, длинным, словно клюв,
Недовольно потянув,
По-кошачьи Лешачиха
К пастушку подкралась тихо,
Прыгнула издалека
И схватила пастушка.

Испугался наш пастух,
Задрожал спервоначалу,
Но припомнил вдруг Пэкалу
И давай смеяться вслух
Над Кикиморой зеленой,
Этим смехом разозленной!

Смех все звонче, все сильней,
А Шишига — Растеряха
Побелела, и у ней
Когти разошлись от страха,
И немедленно она
Отпустила чабана,
Спину тощую согнула
И скорей в кусты нырнула.
Он, преследуя врага,
Издевался без умолку,
И носатая карга
С воплем превратилась в елку,
В сухостойкую метелку,
Растопырив, как рога,

Над кустами неживые
Сучья голые, кривые…

Зазвучал со всех концов
В глубине густых лесов
Хор звенящих голосов —
Жалобный, молящий зов,
Разнозвучный щебет птичий:
— Ты не стал ее добычей,
Уцелел в когтях карги,
Наш спаситель, странник смелый!
Пособи нам, помоги
И для нас, что можешь, сделай!
Черный Вихрь, проклятый бес,
В наш родимый край пролез;
Хищным коршуном с небес
Он обрушился на лес
И скалистый кряж старинный
Опрокинул вниз вершиной.
С этих пор деревья тут
Вверх тормашками растут,
Сохнут, вянут и желтеют,
Меж корнями ветер веет,
А макушки у земли
Расстилаются в пыли.

Есть одна малютка-птичка,
Золотистая синичка,
Голосистая сестричка,
Аурика — невеличка.
Стоит ей запеть опять,
Засвистать, защебетать, —
Холм вершиной кверху встанет,
В чащу солнышко заглянет.
Неизвестно, где она,
Эта Блестка-Золотичка,
Удивительная птичка.
Может быть, заключена,
Под землей погребена,
Замурована в пещере?

Или крошку съели звери?
Андриеш! Ты всех добрей,
Отыщи ее скорей!

Десять раз минули сутки.
Чабаненок сбился с ног,
Но исчезнувшей малютки
Разыскать нигде не мог.
А одиннадцатой ночью,
Расцарапав щеки в кровь,
Он искать пустился вновь
И увидел вдруг воочью
В непроглядной тьме густой
Огонечек золотой.

Заприметив искру эту,
Он побрел навстречу свету
И нашел на дне дупла
Исполинского ствола
Птичку, скорчившую лапки,
Что лежала на охапке
Хвороста, дыша едва,
И была почти мертва.

Мальчик в руки взял бедняжку,
В клюв ее поцеловал,
Отогрел дыханьем пташку
И по имени назвал.
И она, взмахнув крылами,
Золотыми, словно пламя,
Поднялась под облака,
Лучезарна и легка,
И запела в полный голос,
Все привольней, все звучней,

И долина раскололась.
Далеко внизу, под ней,
Дрогнул горб холма лесного,
И косматая гряда
Повернулась кверху снова,

Став на место, как всегда.

Золотичка пастушку
Молвит: «На твоем веку
Может многое случиться!
Ты возьми мое перо,
Принесет оно добро,
В час тяжелый пригодится!»

Благодарные пичуги
Засвистали вперебой:
— Мы прощаемся с тобой,
Но твоей большой услуги,
Добрый, смелый человек,
Не забудем мы вовек!

И листвою обновленной
По-весеннему одет,
Лес махнул ему во след
Молодой зеленой кроной:
— Андриеш, счастливый путь!
Будь же впредь таким же смелым
И таким же добрым будь!

И к неведомым пределам
По оврагам, без дорог,
Бодрый духом, сильный телом,
Зашагал наш пастушок
По веселой, шумной чаще,
По траве, росой блестящей,
Как хрусталь, как серебро.
Думал Андриеш усталый,
Что всего важней, пожалуй,
На земле творить добро, —
Теплота бежит по жилам,
Нет предела новым силам,
Что в крови твоей бурлят, —
Нет преград живому рвенью!
Лес дарит просторной тенью,
Шелестит веселый сад.

И, хотя побед немало,
Все же, мыслит он, досель
Не намного ближе стала
Окончательная цель.
Ох, как жаль, но — не намного
И уводит вдаль дорога,
Чуть заметная тропа.
Будь серьезен, пастушок,
Ведь судьба слепа, глупа…
Труден путь, тернист, далек!
Мысли праздные отбросив,
Снова вдаль спешит чабан
Меж цветов и меж колосьев,
Вдоль лужаек и полян.
Позади и впереди,
В песне, в памяти, в груди
Глубочайший след оставлен
Всем, что встретилось в пути,
Всем, что довелось пройти,
Пастушонок! Ты прославлен!
Многим счастье ты принес,
Сам тем временем подрос,
Есть что вспомнить на досуге…
Только вновь черед борьбе —
До досугов ли тебе?..
Зелены леса в округе,
А вечерний свод небес
Весь в высоких, ярких звездах,
Чист и свеж вечерний воздух,
И вверху, наперерез
Сини темной и чудесной,
Как рассыпанная ртуть,
Нависает Мост Небесный,
Шлях Чумацкий, Млечный Путь.
Блещет он, зовет вперед —
Он в грядущее ведет!

…В ноздри запах незнакомый,
Горький, сладкий, невесомый,

Вдруг прокрался пареньку, —
Прежде на своем веку
Не слыхал пастух такого,
Только чувствует, что снова
Сил прибавилось ему, —
Может статься, потому,
Что у запаха, на диво,
Был еще к тому же цвет.
Перелив от перелива
Отличишь ли, парень?.. Нет…
Запахом полна листва…
Зелень… Зелень… Синева…

Впереди — отвесный кряж.
Слева, справа — два обрыва.
И взобрался терпеливо
На скалу парнишка наш.
Глянул вдаль — а там, вдали,
Несомненно… край земли!
Там кончаются поля,
Лес, кустарник и… земля!
Ну, а дальше, дальше что же?
Где кончается плато[27]?
Не река ли?.. Нет, не то.
Уж не степь ли? Не похоже.
Уж не луг ли, не левада?
Нет, отгадывать не надо.
Хоть гадай весь день-деньской —
Вещи не видал такой
Пастушок в своих скитаньях;
Там, в мерцаньях и сверканьях,
И торжествен и суров,
Голубой мерцал покров!
Сташновато — только что ж,
Ведь его не обойдешь!
Смотрит пастушонок с гор —
И томленье сердце гложет,
Видит голубой простор,
Взора отвести не может.
Горизонт далек, далек,

Словно паутинка, тонок…
Вдруг увидел пастушонок
Черный маленький волчок,
Там, над голубым простором!
Видит мальчик зорким взором,
Тот волчок всё больше, ближе,
Он, как сгусток черной жижи,
Над равниной голубой
Мчится, мчится сам собой!
Приближается, растет,
Закрывает небосвод,
Что ни встретит — все размечет
В крошки, губит и калечит
И отбрасывает прочь.

А похож Волчок точь — в-точь
На Вулкана исполина,
Преисподней господина, —
Брюхо вот… И голова…
Рвутся с корнем дерева,
Камни катятся по склонам
Перед чудом разъяренным.
Щебень сыплется вокруг.
Андриеш припомнил вдруг,
Что в родном селе не раз
Слышал он такой рассказ,
О волчке таком же темном,
Непонятном и огромном, —
Как однажды поутру,
Все круша и все ломая,
Он промчался по Днестру,
К небесам волну вздымая.
Андриеш стоит, глядит.
Если б он не спал, когда
Черный Вихрь, лихой бандит,
Расхищал его стада, —
Он тотчас узнал бы гада,
Что его разграбил стадо!
С этим ворогом лютейшим
Предстоит еще в дальнейшем

Андриешу воевать, —
И подолгу, и помногу,
Фэт-Фрумоса на подмогу
С остальною ратью звать!
Вихрь ярится, бьет крылом,
Блещет кованый шелом.

Не сдержать его полета,
Крылья дьявола легки, —
На траву и на пески
Сыплется все время что-то
И сверкает светлой, чистой
Чешуею серебристой.
Наконец, на свет заката,
Тяжек, яростен и груб,
Помахав крылом, куда-то
Прочь умчался душегуб.
Слез тогда пастух со скал,
Верный флуер отыскал, —
Песнь опять чиста, звонка!
Он пошел вдоль ручейка,
Он прошел совсем немножко, —
Видит: всякая рыбешка
На траве лежит и сохнет,
На глазах у парня дохнет.
Видит пастушок вокруг
Много окуней и щук,
Там — сазан, а тут — уклейка,
Серебристая камса
Сплошь усыпала леса, —
Подбирай, не пожалей-ка
Сил — с одной лишь этой тропки
Знатной рыбы наберешь
Для отменнейшей похлебки,
А труда-то — ни на грош.
Впрочем, что-то на тропинке
Корчится, лежит на спинке.
Глянь-ка, синее, блестящее…
Рыба? Нет, не настоящая,
Нет, не рыба это, ибо

В чешуе должна быть рыба!
Да и голову такую
Каждый примет за людскую.
Рот похож на человечий,
Приспособлен он для речи!
Слышит голос Андриеш:
«Жажду смертную утешь!
Прояви, прохожий, жалость,
Дай водицы мне хоть малость!»
Подбежал пастух к ручью,
Горсти окунул в струю,
В них принес немного влаги,
Губы омочил бедняге.
«Ох, спасибо… Кто ты, друг?
Ты от смерти неизбежной
Спас меня в стране прибрежной,
Никого здесь нет вокруг,
Без тебя бы я погиб…
Я ведь, братец, не из рыб,
Я ведь — из морских Дельфинов,
Черный Вихрь, меня подкинув,
Выбросил меня, подлец,
Из родной морской стихии
На булыжники сухие…
Я уж думал — мне конец,
Добралась бы гибель скоро
До меня, до Дельфишора!»

«Андриеш меня зовут!
Я недаром нынче тут!
Вихря Черного ищу, —
Мне найти злодея надо.
Он мое разграбил стадо,
Я злодею не прощу!
Как бы мне его догнать —
Ты не мог бы разузнать?»
«Погоди, узнаешь вскоре,
Отомстишь злодею всласть,
Только помоги попасть
Мне скорей в родное море!»

«Море? Эдакое слово
Для меня, признаться, ново!
Сколько ни бродил по свету —
Не встречал я штуку эту!»
«Объяснить немудрено:
Море — это волны, дно,
Море — буря и покой,
Море — это гул морской,
Море — луг широкий, синий,
Море — это рай дельфиний!»

Путь, как видно, недалек, —
И дельфина поволок
Пастушонок наш туда,
Где соленая вода
Проводила над песком
Белопенным языком.
Где, во влаге и в тиши,
Спали камни-голыши,
Где в песке шестеркой лап
Шевелил случайный краб…
Вдруг, морскую гладь покинув,
Показались у песка
Десять удалых Дельфинов.

«Милый Андриеш, пока
Братья раны мне залечат,
Подожди меня, дружок». —
Ну а море волны мечет
На сверкающий песок.
Искупаться парень хочет,
Лишь водою пятки мочит, —
Хоть вполне спокойна заводь,
Не рискует хлопец плавать,
Даже в воду не идет —
Знать, морских боится вод.
Выглядят всегда зловеще
Неизведанные вещи,
Но еще куда страшней
Невидаль такая,

Что не слышал ты о ней, —
Глубина морская!
Вот одиннадцать Дельфинов,
Гладь лазурную раздвинув,
К пастушку плывут рядком,
Усмехаются тишком.
Каждый весел и здоров —
Видно, славных докторов
Развело дельфинье племя.
И потребовалось время
Андриешу, — он не скоро
Отличил бы Дельфишора,
Если б сам не задал тот
Свой вопрос из синих вод:
«Плавать можешь, человек?»
«Плавал я в десятке рек,
Было мне в речной воде
Так отрадно, как нигде…»
«Ну, куда приятней — в море,
Будешь лихо плавать вскоре!»

И тогда пастух поплыл
Изо всех пастушьих сил,
А потом — залез на спину
Им спасенному дельфину.
«Ну, — промолвил Дельфишор, —
Разве плох морской простор?
Но пора бы нам давно
Навестить родное дно».
«Что ты! Как мне плыть ко дну?
Я, любезный, утону!»
«Ты плывешь в дельфинье царство,
Так что вот тебе лекарство,
Это водоросль такая,
Необычная, морская,
Только малый листик съешь —
И сумеешь, Андриеш,
Под водой дышать свободно, —
Ждем тебя в стране подводной!»

Съел пастух травы дельфиньей,
И — нырнул под полог синий,
И поплыл, стараясь взором
Уследить за Дельфишором.
А под толщами воды —
Те же горы и сады,
Те же пашни, те же грядки
В том же правильном порядке,
Что на суше, — лишь вовек
Здесь никто не видел рек!
Здесь обрывы, склоны, кряжи,
На лугах пасутся даже
Табуны морских коней
(Только мастью потемней),
И морские тут коровы
Травку кушают свою,
Кит планктонную струю
Цедит через ус китовый…
Возле леса, на краю,
Настоящую свинью
(Но морскую) видит око,
А пред нею, недалеко,
Топчется подводный боров,
Роет дно и кажет норов!
Роет превосходные
Желуди подводные,
Ну, и рыба тоже есть —
Нет, всего не перечесть!

«Андриеш, мой друг, мой свет!
Кличет нас Дельфиний Дед,
Ты не знаешь: мы, Дельфины,
Составляем род единый,
И друг друга слышим мы
Средь густой подводной тьмы,
Расстоянья в мире нет,
На котором не смогли бы
Наших мы вести бесед
(Ты запомнил? Мы не рыбы!)»

…Ласково Дельфиний Дед
Пастушка в пещере встретил.
Свод пещеры ровен, светел,
Освещенный огоньками —
Водяными светляками.

Дед Дельфиний пастушка
Головой боднул слегка,
Это — дружбы высший знак;
И рассказ свой начал так
(Заодно и молодняк
Пусть услышит лишний раз
Назидательный рассказ):
«Слышал, друг, я про твое
Горькое житье-бытье.
Отдохни-ка ты у нас!
Ну, а после — в добрый час!
Ты пока меня послушай.

Прежде мы владели сушей,
И была у нас, мой друг,
Пара ног и пара рук,
Мы в то время, черт возьми,
Были, Андриеш, людьми!
Жили тихо мы, смиренно…
И была средь нас Сирена —
Краше женщины любой, —
Хороша была собой!
Ей в глаза всего лишь глянуть
Словно в омут камнем кануть,
Всех прекрасней, несомненно,
На земле была Сирена!
И Владыка Всемогущий,
Огнедышащий и злющий,
Порешил на нас напасть
И держать над нами власть —
Над дельфиньего страной,
А Сирену — взять женой,
Наши горы взять и степи,
Заковать Дельфинов в цепи.

Мы схватились с окаянным
Огнедышащим Вулканом…»

«Знаю! — крикнул Андриеш,—
Все враги — одни и те ж:
Под землей, томясь от жажды,
Я боролся с ним однажды, —
Тот Вулкан живет в жаре,
Хоть и под землей, в дыре…»

«Это правда. Ну, так вот:
Стал сражаться наш народ.
Но Вулкан, злодей кровавый,
Стал плевать в Дельфинов лавой, —
Ну, и нам, конечно, вскоре
Оставалось прыгнуть в море,
И в воде глубокой тут
Мы тогда нашли приют!
Здесь, в прибежище зеленом,
Море кров и хлеб дало нам,
Сберегло нам жизнь и честь
И за нас свершило месть:
На Вулкана хлынуло,
Гада опрокинуло…
Но беда не минула —
Чудище не сгинуло!
Закопался в землю гад,
Там развел огонь и смрад,
И, отчаявшись в борьбе,
Сына выковал себе, —
Ох, сыночек вышел странный:
Вышел Черный Вихрь поганый!»
«А Сирена?» — со вниманьем
Деда вопросил пастух.
«Сжег ее своим дыханьем
Черный Вихрь! Но ходит слух,
Что она незримой тенью
Пролетает над водой,
Если, к нашему смятенью,
Рушится на нас бедой

Черный Вихрь, дыша отравно…»

«Я видал его недавно,
И почти, считай, в упор:
Чуть не умер Дельфишор,
Брошен им на берег скальный…»

«Дед, за случай тот печальный
Ты прости меня — на дне
Надо спрятаться бы мне, —
Я ж тебя не слушал, дед,
То-то и наделал бед!» —
Так промолвил Дельфишор.
«Ну, продолжим разговор», —
Молвил Дед. — «А пастушка
Наградить за подвиг надо:
Наша главная награда —
Орден Красного Цветка!
Тот цветок — прекрасный знак:
Он рассеивает мрак,

Он в потемках, под водой,
Яркою горит звездой!»

Тут Дельфины громким хором
Вместе с Дедом, с Дельфишором
Восхищенно песнь запели.
И струились кверху трели,
И прозрачны, и легки
Вверх летели пузырьки,
Каждый — как ни слаб, ни мал,
На поверхность вылетал.
И тогда — пойди, поймай-ка! —
От воды взмывала чайка, —
И взлетали в небеса
Чайки, словно паруса,
Чтоб кружить, кружить над синей,
Голубой страной Дельфиньей,
Где живет народ свободный
В тишине глубоководной,

Где довольство и уют,
Где дельфины песнь поют!

Вот — пошли Дельфины в пляс.
Хлопец видит в первый раз,
Как Дельфины славно пляшут:
Во главе — Дельфиний Дед, —
Он плывет, меняя цвет!
То он синий, то он алый,
То зеленоват, пожалуй,
То — сверкающе-алмазен, —
Словом — он разнообразен!
Словно звездный небосвод,
Ярок этот хоровод, —
Мчатся, головы закинув,
Сотни молодых Дельфинов,
Звездами на лбах сверкая,
Перед пастушком мелькая!
Мчатся, кружатся Дельфины,
Плавники мелькают, спины
И блестящие хвосты —
Словно осенью листы
Разноцветные летят,
Пляской наполняя сад, —
Словно в доброй старой сказке
Длятся пляски, длятся пляски!

Вот уж Дельфишор ведет
Андриеша в хоровод, —
И привольно пастуху
С ними здесь плясать, к тому же
Здесь, внизу, ничуть не хуже,
Чем на суше, наверху, —
Здесь, веселья не тая,
Пляшут новые друзья!
…Андриеш устал, уснул.

…Дельфишор его толкнул
В бок: «Пастух! Скорей проснись!
Уж светла морская высь!

Нас сегодня ждет игра!..»
«Нет, приятель, мне пора!»
Тут приплыл Дельфинйй Дед:
«Андриеш! Прими совет!
Я, конечно же, Дельфин,
Этих синих вод владыка,
Все же к берегу, прости-ка,
Ты не должен плыть один!
Черный Вихрь в прибрежный ил
Акулданов поселил.
Акулданы эти самые,
Гады злобные, упрямые,
Что гнездятся на мели, —
Тоже с суши забрели
В море наше, — как ни странно,
Хоть и внуки слуг Вулкана.
Были мы всегда сильней,
Нежели они, проклятые, —
Но возьми-ка в провожатые
Ты с собою двух парней!»
Андриеш с печальным взором
Попрощался с Дельфишором,
Вежливо простился следом
С добряком — Дельфиньим Дедом.

Наконец, расстались. Вот
Андриеш уже плывет
Темным, возледонным низом
На большом Дельфине Сизом.
На поверхность всплыли скоро.
Как отрадна гладь простора!
Волны синие трепещут,
Белой шерстью в берег плещут,
Вьются на песчаном ложе…
На кого они похожи —
Понял мальчик наконец, —
Несомненно, на овец!

Не морская синь вокруг —
А огромный, свежий луг,

Весь не в рифах, не в бурунах,
А в овечках белорунных!
И пасется вся отара
Под охраною Лупара, —
Он за них всегда ответчик,
Мудро сторожит овечек!
К берегу подходит стадо, —
И признаться хлопцу надо,
Что не пас он никогда
Столь огромные стада!

Только Сизому тревожно,
Хоть плывет он осторожно, —
Молвит он: «Взгляни вперед!»

Глянул Андриеш — и вот
Увидал, лишь только глянув,
Трех огромных Акулданов,
Чешуей сверкающих,
Бронзой отливающих.
Над водою черной блещут,
По волнам хвостами плещут.
А вода-то — как чернила!
Закипела, забурлила
На далеком расстоянье:
Здесь — владенья Акулданьи!

И Дельфин сказал тогда:
«Расступитесь, господа, —
Уберите ваши туши!
Нужно нам доплыть до суши,
Только гостя мы проводим —
Поплывем в обратный путь:
Мы не смеем посягнуть
На владенье мелководьем!»

Тут, озлобленно воспрянув,
Двое грузных Акулданов
По невидимому знаку
Яростно полезли в драку.

Но Дельфин, блестяще-сиз,
Челюсть одному отгрыз,
Тот отчаянно завыл
И убрался в донный ил.

Бегство участью благой
Посчитал тогда другой,
Третий же, огромный, злобный,
Громкий клич издал утробный,
Бросился наперерез
И немедля в бой полез, —
Он вонзил, урча, дрожа,
Два клыка, как два ножа,
Высоко подпрыгнув, в спину
Беззащитному Дельфину, —
Знать, имел к тому привычку!
Сизому, видать, капут!
Андриеш припомнил тут
Аурику — невеличку!
Перышко достал пастух,
Дунул на легчайший пух,
Бросил перышко с размаху,
Ждет спасительницу — птаху.

Акулдан же все наглеет,
Вот уж скоро одолеет
Он Дельфина!..
Стонет тот,
Задыхается, ревет
От предсмертного усилья…

Вдруг, откуда ни возьмись,
Золотом сверкнула высь,
И сверкающие крылья
Силой неизвестной власти
Вновь исчезли, в воздух канув,—
Акулдан из акулданов
Развалился на три части,
Кверху повернувши брюхо,
Вниз пошел и булькнул глухо, —

Отучился нападать,
Навсегда забыл науку.
Только перышко опять
К пастушку вернулось в руку.
Тут явились в миг единый
Стаей сторожа-дельфины
И того, который сиз,
Увлекли поспешно вниз,
Где, на дне стихии синей
Госпиталь стоял дельфиний.
Врач его искусный ждет, —
Случай все же очень редок…

«Андриеш, иди вперед!» —
Сизый крикнул напоследок.

Скоро в полосе прибрежной,
Белопенной, белоснежной,
С темно-синими, хвостатыми
Он простился провожатыми.

Снова — ветерок в лицо, —
Голубое озерцо
За песчаной кромкой есть,
Просит на берег присесть,
На невзгоды плюнуть,
Ноги в воду сунуть…

Пастушок присел на кромку,
Отложил свою котомку
И взглянул на небосвод:
Тучка тучке вслед плывет,
Словно белую листву
Кто-то сыплет в синеву

Много разных испытаний,
И препятствий, и страданий
Хлопцу выпало в пути —
Множество дорог пройти,
И еще, видать, немало

Этих тропок предстояло…

Свет осенний золотист,
Льнет к тропинке желтый лист,
Ветер свеж и даль светла…

Отчего так много зла
На земле живет и правит,
И себя бесстыдно славит?

Даже в море, в добром море,
И несчастье есть, и горе!

И спешат, спешат к нему
«Почему» да «почему».—

Почему же? Где ответ?
Иль его и вовсе нет?

Так сидит, сидит пастух,
Только переводит дух, —
Путь его ведет к победам,
Страх ему давно неведом:
Встал пастух, и твердым шагом
По долинам, по оврагам
Мимо деревень и сел
Он решительно пошел.
Лихо он идет… Куда?

Приближались холода…

Глава четвертая

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
В КОТОРОЙ НЕУСТРАШИМЫЙ АНДРИЕШ
ПОБЕЖДАЕТ САМОГО КОВАРНОГО ВРАГА —
ЧЕРНОГО ВИХРЯ,
ВЫЗВОЛЯЕТ ИЗ НЕВОЛИ
БЕЛОЕ СТАДО ОВЕЧЕК,
ЛЮБИМУЮ МИОРИЦУ,
ПРЕДАННОГО ЛУПАРА
И ВМЕСТЕ С ВИТЯЗЕМ ФЭТ-ФРУМОСОМ
СПАСАЕТ ВСЕХ,
КТО ТОМИЛСЯ В ЗАКОЛДОВАННОМ ПЛЕНУ;
А ЗАТЕМ АНДРИЕШ ВОЗВРАЩАЕТСЯ
СО ВСЕМИ ОСВОБОЖДЕННЫМИ
В РОДНЫЕ КРАЯ

К югу птицы улетели,
Солнце греет еле-еле,
Кушмы белые надели
И деревья, и дома,
А в горах, среди ущелий,
Воют злобные метели.
Знать, пришла на самом деле
Неизбежная зима.

Знать, она на самом деле
Стелет свежие постели,
Клочья шерстяной кудели
Сыплет горстью на поля
И дыханьем ранней стужи
Приморáживает лужи,
Льдинки сизые к тому же

Изморозью запыля.

Вновь недвижен воздух синий,
Искрится на солнце иней,
Стала вся земля пустынной,
Белой, словно молоко,
Лишь кусты чернеют ныне
Мелкой сеткой четких линий,
И сквозь дремлющие кодры[28],
Как всегда, — упорный, бодрый,
Человек идет легко.

Не тяжка его котомка,
По земле скользит поземка,
Льдинки звякают негромко,
На кустах остекленев.
И по зелени поминки
Правят хрупкие снежинки,
Кроя, словно на картинке,
Ветви голые дерев.

Даже сосны, даже ели
Сверх одежд своих надели
Одеянья из метели, —
В деревеньках все дома
В одеяниях особых,
И на кровлях низколобых
Галки топчутся в сугробах, —
Да, на мир сошла зима.

Солнце — редко, солнца — мало,
Лишь подобием штурвала
В небесах зубчатый круг
Движется за блеклой тучей,
И струится свет колючий
На село, на лес, на луг.

Лень и холод — два врага.
Лишь падут на мир снега,
Как немедля, в тот же день,

Прочь прогнать потребно лень,
На морозе лень опасна,
Хлад повелевает властно
Согреваться, не лениться,
Торопиться, торопиться,
И в тумане зимнем вплавь,
До седьмого поту,
Торопись, беги — оставь
Лень,
Кровать,
Зевоту!
Торопись, беги скорей —
Лишь немного сухарей
Прихвати с собою, странник,
По снегу спеши, по льду, —
Нет иных на холоду
Ни наставников, ни нянек:
Правят миром в эти дни
Голод с холодом одни!

А для разных недотрог,
Что боятся за порог
В этот зимний день шагнуть,—
Есть для них один лишь путь:
Спрятаться в родные сени
И под шубой преть на сене.

Да, мороз сегодня строг:
Коль боишься ты дорог,
То согнись в бараний рог,
Полезай под одеяло,
Обложись соломой впрок,
Ну, а если будет мало —
Кошку положи под бок,
Долгих снов бояться брось —
И согреешься, авось…

Ну, а ты, смельчак, изведай
Упоение победой,
Будь зимою непоседой,

Позабудь про холода,
Скинь тяжелую одежку,
Протори по снегу стежку
И спеши, спеши всегда, —
Ты легко пройдешь повсюду,
Позабудешь про простуду;
Ночи напролет и дни,
До седьмого поту,
Ты гони, гони, гони
Кашель и чихоту,
А верней — на них чихни!
Через горы и луга,
Бесконечные снега
Пусть ведет тебя пурга
От родного очага
На чужие берега,
В бой на лютого врага!

Ни минуты не теряя,
Пастушок спешит вперед,
Нос руками растирая, —
Ведь зима свое берет.
Дед Мороз шутить не любит,
Зазеваешься — отрубит!

Вот навстречу пастуху
Он бежит, старик веселый,
Шуба в снеговом пуху,
Вьюга отдувает полы,
Кушма, как большой сугроб,
Нахлобучена на лоб,
И кудрей седые пряди
Вьются по бокам и сзади,
И, как жар горя, везде,
На усах и бороде,
Гроздями висят алмазы.

Красноносый, хитроглазый,
Ледяную пыль клубя,
Он вприпрыжку ловко пляшет,

Рукавами бойко машет,
Напевая про себя:

— Тех, кто ленью, как ч***е***рвем, источен,
Превратить я в сосульки могу,
Мне проворные нравятся очень,
Только им помогу на снегу!
Мне и слякоть, и грязь надоели!
Я порошу взмечу до небес,
Напущу на равнины метели,
Серебром ледяной канители
На заре изукрашу я лес!
Я ковер изготовлю широкий,
До весны расстелю на лугу.
Подойди! Я натру тебе щеки
И на скулах румянец нажгу!

Мальчик, не боясь нимало,
Раскатился по снежку,
Шапку снял, как подобало,
Поклонился старику:
Молвил: — Здравствуй, добрый дед!
Шел я к Солнечному Логу,
Потерял в снегах дорогу,
Помоги мне, дай совет,
Как сыскать мой путь желанный
Через белые поляны?

И ответил Дед Мороз,
Улыбаясь, на вопрос:
— Про тебя, упорный странник,
К нам донесся добрый слух.
Только помни, мой пастух, —
Смельчакам не надо нянек!
Кто умен и весел, тот
Сквозь туманы,
Сквозь бураны,
Сквозь неведомые страны
Верный путь всегда найдет,
Доберется к дальней цели,

Невзирая на метели!

Сел средь жгучего тумана
Андриеш на пень платана,
И холодный, белый лик
Наклонил к нему старик,
Дунул в очи — в тот же миг
Мальчик задремал, поник.
Словно влагой тепловатой,
Мозг его заволокло,
Чудится — тепло-тепло,
Стала кушма — легкой ватой,
И одежда ватой стала,
Заискрилась, заблистала
Тканью белою и розовой,
Вроде шубы дед-морозовой…
К сердцу подступила лень,
Потеплел столетний пень,
Стал завалинкою летней, —
Стужа мягче, незаметней;
Мальчик дремлет, чует вдруг —
Больше нет ни ног, ни рук,
Исчезает снег и лед,
Все вращается, плывет
Непонятной каруселью, —
Клонит к счастью и веселью,
Погружает в тишину —
Время отдыху и сну…
Сладко спится чабану.
Вьются искры, звезды, пятна…
Но сквозь сон ему понятно:
Так, в беспамятство скользя,
Сгинешь средь пустыни снежной,
Канешь в сон, как смерть, безбрежный,
Засыпать никак нельзя!

Пересиль, пастух, судьбу!

Парень закусил губу,
Подхватил сознанья нить

И глаза сумел раскрыть.
Видит — вьюга… Сердце сжалось…
Шепчет мальчик: «Сгинь, усталость,
Сгинь, сонливость, сгинь, истома,
Хитрость эта мне знакома,
Рано мне идти ко дну —
Ни на миг я не засну!»
А тем временем — вдали
То ль с заснеженной земли,
То ли с ледяных небес —
Будто звон плывет печальный,
Чудится в нем крик прощальный:
То ли расшумелся лес,
То ли голос ветра в поле…
Сон ли это? Забытье ли?
Нет, совсем не то, не это,
Нет, не звон, не голос лета,
Это зов на берег тот,
Где забвенье настает
Навсегда, откуда нет
Тропки вновь на белый свет…

Так холодною зимой
Соберешься в путь домой,
Путь студен, тяжел и долог,
Ляжешь ты под снежный полог,
На часок-другой вздремнешь —
И погибнешь ни за грош.
Но совсем иная цель
У тебя — не дом родимый.
В сердце след неизгладимый
Цели этой; пусть метель
Воет; злобная карга —
Белоснежная пурга —
Пусть беснуется и свищет,
Цель свою пастух отыщет!
Парень, пробудись, воспрянь!
Вьюга, сердца не тумань!
Все твои посулы — ложь.
Пастуха в пути не трожь,

Смельчака ты не проймешь,
Смертным сном не обернешь!
В белой смерти в чистом поле
Он найдет крупицу воли,
Чтоб смахнуть намерзший снег
Со своих усталых век.
Соберет остаток силы,
Пламенем наполнит жилы,
Что за мелочь — снег да холод —
Для того, кто тверд и молод?
Парень, может так случиться,
Что вот именно сейчас
Издали тебя как раз
Призывает Миорица!
И, освободясь от чар
(Сторож, знать, куда-то вышел),
Лает верный пес Лупар,
Хочет, чтобы ты услышал!

…Сгинь, проклятая беда!
Расступитесь, холода,
Тайте, тайте, глыбы льда,
Исчезайте без следа!

Андриеш встает с пенька —
Значит, снежная тоска
Не сгубила паренька —
Значит, жив еще пока!
Смотрит мальчик: кто таков
Пред скитальцем, пред бедняжкой?
Смотрят из-под кушмы тяжкой
Пара синих огоньков!
Кто таков?.. Пустой вопрос:
Несомненно, Дед Мороз!

«Ты не струсил в грозный миг! —
Говорит ему старик, —
Ну, положим, не стерпи
Ты мороза, стань ты стынуть —

Я тебе не дал бы сгинуть
Здесь в безлюдье да в степи, —
Только помощи моей
Не видал бы ты, ей-ей!
Ты стерпел — ну что ж, немало,
Прямо скажем, для начала.
Хочешь ли еще? Не трусь!..»
«Испытай еще, дедусь!»

«А теперь, мой пастушок,
Две задачи дам тебе я.
Если ты в короткий срок
Их исполнишь, не робея,
Помогу тебе, дружок!
Не исполнишь — дело худо,
Ты ни с чем уйдешь отсюда».

«Посуди-ка, старче, строго:
В жизни у меня дорога
Ко спасению добра —
То овраг, а то — гора,
То — совсем теряю путь.
И бреду сквозь мрак и жуть…
Есть ли тропка тяжелей?
Ставь задачу, не жалей!»

Поднял взоры Дед Мороз,
Белоус, беловолос,
И сказал: «Ну что ж, пастух,
Навостри свой чуткий слух:
Первым делом, раза три
Снегом тело разотри
Посильней да покрасней,
Ни слезы пролить не смей!
Вслед за этим налегке
По холмам беги туда,
Где лесистая гряда
Серебрится вдалеке.
К ней промчись ты быстрой птицей,
Чтоб скорее воротиться,

Вольный ветер и мечту
Обгоняя на лету!»

Хоть вокруг, в пустыне белой,
Стужа лютая была,
Стиснул зубы мальчик смелый
И разделся догола,
И давай вовсю стараться,
Свежим снегом натираться!
Щиплет тело холод сильный,
Прошибает пот обильный.
Вот уж тело покраснело
От морозца, от снежка,
И совсем повеселело
На душе у пастушка!
Стало жарко, словно летом,
Заиграла в жилах кровь,
В бодром теле разогретом
Сила появилась вновь
И кипит волной горячей.
Сдвинул брови наш герой:
Надо справиться с второй
Хитроумною задачей!
Привязал пастух к ногам
Две дощечки прочным лыком,
И помчался с громким кликом
По серебряным снегам.

Справа — снег,
И слева — снег,
Так беги же,
Взяв разбег!
Мчать, скользить, лететь — легко:
Даль бела, как молоко, —
Дальний кряж все ближе, ближе
Хороши зимою лыжи!
Легок бег,
Ты летишь,
Брызжет снег
Из-под лыж!

Мчи вперед!
Цель не ждет!
В миг один
Снег долин
Позади,
И в груди
Сердца стук:
Ведь вокруг
Лишь холмы,
Блеск зимы
Тут на склонах,
Убеленных
Сединой
Ледяной…
Горный пик,
Скаты склонов
Лишь на миг
Взглядом тронув,
Мчится Андриеш-пастух —
Аж захватывает дух!

Излечи,
Бег, хандру!
Песнь, звучи
На ветру!
Сквозь леса,
Песнь, лети,
Небеса
Посети
По пути!
Влево, вправо,
К повороту —
Слава
Юному полету!
Снова — ввысь.
Путь далек.
Торопись,
Пастушок!
Дед Мороз стоит и ждет
И в усы легонько дышит,

Он здоровьем юным пышет,
Даром, что повсюду лед, —
Не берет его простуда!
Пастушонок же покуда
К дальней роще прокатился
И немедля воротился.

— Испытал тебя не зря, —
Дед Мороз промолвил зычно, —
С делом справился отлично,
Узнаю богатыря!
Ведь морозные ветра —
Это вестники добра!
Дарят силу и отвагу,
Служат радости и благу!
Так же, вижу, твой полет —
Только вдаль, всегда вперед.
Не боишься испытаний,
Хлада, ветра, расстояний
И метелей невесомых —
Парень, вижу, ты не промах!
И тебе к волшебным странам
Укажу я путь прямой:
Лезь в мешок заплечный мой,
Мы пойдем ко мне домой,
Будешь гостем ты желанным.

Влез в десагу пастушок,
И на плечи, без усилья,
Дед Мороз взвалил мешок,
Полы шубы, словно крылья,
Распахнул и полетел
Так, что ветер загудел.
И по всей земле безбрежной
Взвились вихри бури снежной.

Вот огромная гора,
Словно глыба серебра,
А под ней, в пещере скальной,
Ледяной дворец хрустальный.

Несказанно хороши
Горницы пещерные,
И повсюду — малыши,
Слуги деда верные.
Веселятся от души
Человечки славные,
Славные, забавные,
Суетятся без конца
В помещениях дворца,
Бегают по лесенке,
Распевая песенки.
Сотни малышей прилежных,
За столом усевшись в ряд,
Из жемчужных комьев снежных
Детям куклы мастерят,
Разные игрушки лепят,
Нижут звездные огни,
И повсюду слышен лепет
Их беспечной болтовни.

Кукол не сочтешь тут разных,
Сказочно-разнообразных.
И работа — будь-здоров,
Спорится у мастеров!
Матерьял у них различен,
Бесконечно необычен,
А порою — прост весьма:
Нитки, тряпочки, тесьма,
С елей сорванные шишки —
Все припасено в излишке.
Мягок матерьял и жесток:
Много крошечных гвоздей,
Изумрудов, желудей,
Белых и янтарных блесток,
Есть алмазы, есть сусаль —
Мастерам труда не жаль!
Разных кукол тут не счесть —
На любые вкусы есть:
Тут вот — несколько девчонок
С белыми косичками,

Тут — подпасок-чабаненок
С посошком, с вещичками,

В яркой, вышитой сорочке,
Брынза свежая в мешочке.
Рядом с ними — дровосек,
Рыболов с корзиной рыбы…
Всех, похоже, не смогли бы
Перечислить мы вовек!
Все фигурки без изъяна;
Вот — ковер ткачиха ткет,
Вот — Пэкала в шляпе, вот —
Фея Ляна Косынзяна!
Вот — над змеем меч занес
Ясноглазый Фэт-Фрумос,
Виноградарь и кузнец;
Стадо козочек, овец,
А за ними… Кто такой?
В кушме новой, щегольской,
В новых кожаных сапожках
На сверкающих застежках,
С тонким посохом кленовым,
С флуером — отличным, новым
Бодр и весел, чист и свеж —
Чабаненок Андриеш!

Дед Мороз рукой взмахнул,
На игрушки он дохнул, —
Все игрушки в пышном зале
Ожили и заплясали,
И вспорхнул под самый свод
Разноцветный хоровод.
Пляшут пестрые фигурки,
На бегу играют в жмурки,
Весь игрушечный народ
Смело танцевать идет!
Кушмами, платками машет
И бэтуту лихо пляшет.
А игрушечный пастух
Тоже не стоит на месте,

Пляшет он со всеми вместе —
Аж захватывает дух!
Каблучками дробь отстукал,
Легок, будто невесом,
Прокатился колесом —
Ах, как весел праздник кукол!
И, любуясь на полет,

Дед промолвил Андриешу:
— Наступает Новый год,
Скоро я ребят потешу.
Мы готовим для детей
Нынче множество затей,
Горы кукол и хлопушек,
Удивительных игрушек,
И теперь придется мне
Мой мешок наполнить яркий
И шагать по всей стране,
Разнося везде подарки.

Есть еще чуток делишек,
Отлучусь я на часок,
Вдоль полян и вдоль дорог
Размести снежку излишек,
Кое-где, глядишь, скую
На речушке полынью,
Должен я проверить сам
Огороды там и сям,
Недоволен я весьма
Видом огородных чучел,
Да и кушмы на дома
Кое-где не нахлобучил.
Льды в морях покуда л***о***мки,
Надо, значит, холода
Бросить на оковку льда,
Ну, и в поле кой-куда
Сыпануть чуток поземки…

В общем, потружусь не худо.
Ну, а ты, дружок, покуда

Отогрелся бы немного, —
Чай, промерз на холодке,
Тут в лесу, невдалеке,
Есть уютная берлога.
Там живет большой медведь,
Он сумеет обогреть
Пастушка под теплой шубой
Не гляди, что мишка грубый, —
Перед входом ноги вытри
И отменно вежлив будь,
Вот к душе медведя путь,
К доброте дедуся Митри!
Там до утренней зари
Посиди, поговори…
Если отдохнешь вполне —
Утром приходи ко мне!

Так промолвив, дед исчез.
Андриеш пустился в лес.
Стежку отыскать несложно,
Только очень осторожно
Продвигаться нужно здесь —
Лес засыпан снегом весь!
Непоспешно, понемногу
Андриеш тропу в берлогу
Отыскал, — идет и слышит:
Кто-то очень громко дышит,
Дрыхнет с храпом голосистым —
С подголоском да с присвистом;
Глядь, а там, в снегу пушистом
Круглая видна дыра, —
У медведя, знать, хандра:
На подстилке на сухой
Спит и видит сон плохой.
Глянув на холодный лес,
Андриеш в нору полез,
Отдуваясь тяжело:
Хоть и душно, да тепло!
Смотрит: ох, и странный вид!
Не берлога — хата хатой.

Посреди — медведь косматый,
Лапы раскидав, лежит,
Но его могучий храп
Поутих уже, ослаб —
Просыпается медведь:
«Кто таков, — рычит, — ответь!»
«Дед Морозом прислан я,
Анриешем я зовусь,
Ты из своего жилья
Не гони меня, дедусь!
Я промерз на холоду,
Чуть погреюсь и уйду!»
«Эх, давно в моем жилище
Не бывало ни души…
Ну, уж раз пришел, дружище,
Деду спину почеши!
Да давай начнем беседу —
Очень уж тоскливо деду…»
«Нет, дай лучше мне ответ:
Кто таков ты, добрый дед?»
«Эх, дружок — в былое время
Жило тут медвежье племя…
Только было то давно,
И смекнуть немудрено:
Ты в чащобе, по Дороге,
Ни одной другой берлоги
По пути не видел — ведь
Я последний тут медведь».
«Как ты, старче, уцелел?»
«Погоди-ка ты, пострел.
Как-то, помню, ранью ранней
К нам пришел слуга Вулканий,
Но не в собственной натуре,
А в простой медвежьей шкуре…
И медвежьему народу
Этот наболтал герой,
Что в долине, за горой,
Есть большая бочка меду:
Мол, желающий, спеши —
Наедайся от души!

Ну, и все мои дружочки
Побежали к этой бочке.
Все бегут, а с ними я.
Где же мед, скажи на милость?
Вдруг долина провалилась
В преисподние края.
Ну, а там — вулканья печь,
И Вулкан нас начал жечь.
Все, бежавшие по тропке,
Сгинули в вулканьей топке.
Ну, а я свернул с пути,
Смог к Вулкану подползти,
Зарычал, зафыркал глухо,
Подлецу вскочил на брюхо,
Впился и на нем повис
И… злодею пуп отгрыз!
Хлынул тут поток огня,
Страшно взвыл злодей подземный,
Бросил прямо вверх меня
Лапою своей железной.
Мигом я взлетел над бездной,
Уцепился за обрыв
И вот так остался жив.
Долго я бродил по скалам,
Я с терпением немалым
Долго родичей искал.
Но… нашел лишь много скал.
Шел из бездны серный запах,
Дух подземного огня.
«Ты пройдись на задних лапах!» —
Так упрашивал меня
Чей-то голосок из бездны —
Мол, совет давал полезный.

Знал я: тотчас в бездну канешь,
Если на две лапы встанешь.
И в ответ я стал реветь:
«Вулканята, вы глупы!
Я дед Митря, я медведь —
Отгрызу вам всем пупы!»

Так подолгу и помногу
Переругивались мы, —
Ну, а с наступленьем тьмы
Я ушел к себе в берлогу.
Все же я лесной владыка...
О себе порасскажи-ка!»

Андриеш ему тотчас
О пути своем рассказ
Весь поведал, — и в ответ
Произнес медвежий дед:
«Вижу, вижу наконец:
В гости заглянул храбрец.
Гостю я такому рад
Здесь, в стране моей суровой.
Жаль, что ты, дружок мой новый,
Родом не из медвежат!
Радость светлую мою
Я, как видишь, не таю,
Это и не мудрено:
Ведь в лесу уже давно
Некому со мной беседовать,
Некому меня проведывать…»
«Ну, а как же Дед Мороз?» —
Задал Андриеш вопрос.
«Он холодный… Да к тому же
Разве дело только в стуже?
Человек-то, мой дружок,
Прежде был четвероног,
Был лицом похож на нас —
Он двуногим стал сейчас,
По земле гуляет с рожей
На медвежью не похожей,
Шкура стала гладкой кожей, —
Словом, вовсе озверел.
Так-то, дорогой пострел…»
«Что-то, дедушка, не так:
Ты, как вижу я, чудак,
Ведь у зверя в нашем мире
Лап не две, а все четыре,

И ведь все четвероногие —

Ну, не все, а, скажем, многие —
Норовят разинуть пасть,
На двуногого напасть!»
«Никогда бы на двуногого
Не полез медведь из логова,
Если б люди и медведи
Жили мирно, как соседи,
Если б племена людишек
Не охотились на мишек…
Но тебя я не корю,
О тебе не говорю:
Ты за прочих не ответчик,
Сторожишь своих овечек,
И Лупар-то, твой дружок,
Тоже, чай, четвероног.
А теперь послушай, друг:
Если забредешь ты вдруг
В Желтый Дол, где племя наше
В огненной потопло каше,
Где сидит огонь в суглинке —
Помни, парень: посрединке
На четыре лапы стань,
Мчись — и на бегу горлань:
«Я дед Митря!.. Страшный дед!
У меня пощады нет:
Эй вы, черти, там, внизу:
Всем пупы поотгрызу!»

…Отдохнувший пастушок
Снова вышел на снежок,
Новый день слепяще светел.
Скоро Дед Мороза встретил.

«Ну, дружок, ступай за мной!
Здесь, в пещере ледяной,
Угощу тебя обедом —
Будешь помнить встречу с дедом!
Только я присвистну, друг,

И тотчас четыре братца,
Сыновья мои, примчатся,
Соберутся в тесный круг
Воеводы снежных вьюг,
Повелители буранов,
Полководцы ураганов,
И циклонов главари,—
С ними ты поговори!

Старший сын зовется Кр***и***вец,
Он упрямец и спесивец,
Хочет властно править сам;
Стоит Осени унылой
Разгуляться с полной силой
По равнинам и лесам,—
Насылает Кривец жадный
На дубравы и луга
Волны стужи беспощадной
И глубокие снега;
Белый саван полотняный
Расстилает всюду он,
Степи, рощи и поляны
Погружая в мертвый сон.

Балтарец — мой сын второй,
Он мосты умело строит
И хрустальною корой
Реки и озера кроет.
Одевает все пруды
Голубой бронею прочной
И наращивает льды
На поверхности воды
Непроточной и проточной.

Третий сын мой — Салтарец,
Он художник и мудрец,
И рукою чудотворной
Ткет сверкающй ковер
На вершинах синих гор,
Обшивает хмурый бор

Кружевной тесьмой узорной
И парчою расписной,
И на каждой ветке черной
Нижет зернами отборный
Крупный жемчуг рассыпной.
Бродит по селеньям сонным,
Под покровом темноты
И пером посеребренным
Чертит на стекле оконном
Небывалые цветы.

Младший сын мой — Войошел,
Покровитель тех, кто смел,
Кто морозов не боится,
Кто зимою, словно птица,
На коньках, на лыжах мчится,
Разрумянясь на ветру,
Кто снимает снег руками
И кидается снежками,
Затевая поутру
Развеселую игру.

Так проворны все четыре,
Что никто не может в мире
Средь небесной, вольной шири
Их движенья увидать,
Только слышно в небе чистом,
Как летят они со свистом,
Ветру быстрому под стать!

Дед замолк — и во дворец
Вдруг ввалился молодец,
Великан широкобровый.
Это Кривец был суровый,
Властолюбец и гордец.
Сам он — белый, словно мельник,
Голос — будто вьюжный вой,
Борода торчит, как ельник,
В пышной пене снеговой.

Появился в то же время
Балтарец в хрустальном шлеме,
В белых сапогах крылатых,
В боевых зеркальных латах,
В меховом плаще до пят.
И звенел певучий голос,
Как по снегу санный полоз,
Как стозвучный смех ребят,
Что по речкам, по озерам
Всю-то зиму напролет
Бороздят скрипучий лед
Удивительным узором.

Третьим прибыл во дворец
Синеглазый Салтарец
Из далекого скитанья.
Живописцев лучший друг,
Он взмахнул руками вдруг,—
Каждый палец длинных рук —
Будто кисть для рисованья.
Небогата речь словами
И отрывисто звучит —
Словно дерево стучит
По ночам в окно ветвями.
А четвертым прилетел
Краснощекий Войошел.

Он силач неугомонный,
Вечно весел, вечно юн
И никем не превзойденный
Конькобежец и летун.

На холме, как перед боем,
Ждут велений старика
Неподвижным, ровным строем
Окрыленные войска:
Ураганы, Бури, Вьюги
Молча выстроились в ряд.
Блещут шлемы и кольчуги,
Копья, словно жар, горят.

Все бойцы готовы разом
Следовать любым приказам,
Одевать в снега и льды
Степи, горы и сады,
Покрывать сплошной корою
Волны голубой реки
Или тешиться игрою
С ребятишками в снежки.

Тут внезапно засверкал
Яркий луч на гребнях скал;
По лесам и перелескам
Разгорался все ясней
Снег на ветках резким блеском,
Мириадами огней,
И мерцали искры эти,
Как расплавленный металл…
Андриеш нигде на свете
Столько солнца не видал.
Всё сияло, всё блистало —
Склоны гор, леса, поля,
И казалось — небом стала
Оснеженная земля!

Вскрикнул мальчик — Что за чудо?
Кто зажег снега и лед?
Войошел сказал: — Отсюда
Солнце красное встает
И пускается в полет
Над лесами, над морями,
Над гранитными хребтами;
Каждый день, из года в год,
Поднимается с востока
И лучи, как стрелы, шлет,
С тьмой ночной борясь жестоко!

Видит мальчик: по холму
Солнышко идет к нему.
Блещут кудри завитые,
Словно кольца золотые,

А ресницы, как лучи, —
И светлы, и горячи.
Солнце подошло на шаг,
Андриешу улыбнулось
И плеча его коснулось:

— Здравствуй, маленький смельчак!
Каждый раз, когда на зорьке
На Востоке я встаю,
Слышу жалобный и горький
Голос дойн в твоем краю,
Вечный стон в убогих, нищих
Человеческих жилищах,
И печаль долин и гор
Мне знакома с давних пор.
Льется дойны голос грустный,
Говорливый, безыскусный,
И струит печаль свою…
Знаю, что в родном краю
Жить не сможешь ты, пока
Не сразит твоя рука
Негодяя — овцекрада,
Что твое похитил стадо!
Пособлю тебе, как надо,
Я того разделать гада!
Я плыву по вышине,
Небеса подвластны мне,—
Темень разгонять умею —
Вместе отомстим злодею!
Знай, что сильных я люблю —
Я злодея погублю:
Облегчу тебе работу
И с мерзавца позолоту,
Как умею, соскоблю!
Пусть помучится, мыча!
Не пошлю я ни Луча,
Коль поклятый сгоряча
Над тобою сталь меча
Вскинет, — я ему задачу
Затрудню во много раз:

В тот же самый миг и час
Я тебя в потемках спрячу!
Ты лучи мои возьми
Не скупясь, охапкой целой,
И добро всечасно делай —
Словом, поделись с людьми!

Много встретишь самых разных
Ты чудовищ безобразных,
Ну да, впрочем, в самом деле,
Привыкать к тому тебе ли…
Помни — я союзник твой:
Над твоею головой
Я, сверкая, памятую
Про борьбу твою святую!
Я готовлюсь к бою, зная,
Как всесильна тьма ночная,
И хочу тебе помочь
Победить слепую ночь.
В трудный час борьбы неравной
Я сверкну в глаза врагу,
Твой бессмертный подвиг славный
Завершить я помогу!

— Солнце! — вскрикнул чабаненок,
И тотчас увидел он:
Над макушками сосёнок
Поднялось на небосклон
Лучезарное светило
И на Запад покатило.

Андриеш повесил нос,
Но веселый Дед Мороз
Подошел к нему с усмешкой:
— Не тоскуй, пастух, не мешкай!
Знать, успел ты отдохнуть,
Собирайся снова в путь,
Будь здоров и счастлив будь!
И запомни слово деда —
Ждет тебя в конце победа!

Только ты люби всегда
Гладь сверкающего льда,
Изморозь на ветках елей,
Зимний сон глуши лесной,
Песню дикую метелей,
Средь расселин и ущелий
Бодрый ветер озорной.
Попрощайся, друг, со мной,
Расставанья срок подходит,
Войошел тебя проводит!

И полки суровых вьюг
Сотнями могучих рук
Андриеша подхватили,
Подняли на воздух вдруг
И помчали без усилий
В белом вихре снежной пыли.

Рядом с пастушком летел
Быстрокрылый Войошел,
Вдохновитель всех скитаний,
Спутник молодых мечтаний.

Где-то там, внизу, в тумане,
Проплывал степной простор,
Кристаллические грани
Голубых ребристых гор,
Зеркала больших озер
И лесов лохматых спины,
Словно бурые овчины…

Прорезая облака,
Молвил спутник пастушка,
Войошел ширококрылый:
— Видишь, мальчик, три холма,
Что похожи на могилы?
Там стоит стеною тьма.
Это Черная Долина,
Царство Вихря-исполина;
Возле входа есть гора,

Неприступна и стара.
Много лет крутые склоны
Издают глухие стоны,
Словно плача и грозя.
Мне туда лететь нельзя.

Витязи не раз хотели
Через каменный отрог
По обрывам, без дорог,
Перебраться в Черный Лог.
Но из них к заветной цели
Ни один дойти не смог,—
Всех коварно подстерег
Черный Вихрь среди ущелий,
Чародейством победил
И в каменья превратил,
Из камней воздвигнул гору,
Вплоть до неба высотой,—
Самому лишь Вихрю впору
Влезть на склон ее крутой!
И гора во тьме маячит,
И грозит, и глухо плачет
Непрестанно, день и ночь,
Словно просит ей помочь.

Здесь меня не держат крылья,
Трудно мне лететь во мгле,
Здесь я должен от бессилья
Опуститься вниз, к земле.
Ты один ищи дорогу
В эту страшную берлогу,
Но дубраву обойди,
Что темнеет впереди!
В дикой чаще буреломной
Там скитается бездомный
Стрымба-Лемне неуемный,
Глупый великан огромный.
Черный Вихрь наверняка,
Замысел тая лукавый,
Одурачил бедняка —

Сделал сторожем дубравы.
Лучше не ходи туда,
Ну, а если уж придется
И с тобою там стрясется
Неминучая беда —
Дунь три раза на Восток,
И, по всей земле кочуя,
Вмиг на помощь прилечу я,
Мой бесстрашный пастушок!

Войошел поцеловал
Андриеша — и пропал,
Только след его в лазури
Взвился пылью снежной бури…
…В небо зимнее закат
Взмыл полотнищем цветастым.
Брел пастух по снежным настам,
Брел и не глядел назад.
Вот, сопровождая тьму,
Легкий сон слетел к нему…
В чистой зимней тишине
Задремал пастух на пне,—
Но наутро без заминки
Вновь пустился по тропинке.
Спешка тут не помешает:
Пастушонок поспешает
Вдоль заснеженных полей,—
Ощущает пастушонок:
Стало в воздухе теплей,
Жар в лицо — ну и дела!
Зимний холод студит спину.

Тропка хлопца привела
Прямо в Желтую Долину.
Не пройдешь ее с разбегу,
Нету здесь ни льда, ни снега,
Украшенье той долины —
Только комья желтой глины,
Раскаленные пласты
Отвратительно желты,

Глина жутким пышет жаром,
Как расплавленная медь, —
Видно, паренька медведь
Предостерегал недаром!
Заорешь тут, как под пыткой:
Ноги вязнут в глине жидкой!
Вспомнил тут пастух совет,
Что давал медвежий дед:
Понял — тут прохожих ловят,
Плен и гибель им готовят,
И других немало зол!
Только он пока — не пленник!
И пастух тогда пошел,
Не вставая с четверенек,—
Он полез на склон отлогий,
Словно зверь четвероногий.
Из-под глинистого слоя,
Пастушонка беспокоя,
Слышные едва-едва,
Стали долетать слова:
«Пешеходу — стыд и срам!
Он боится по горам
Путешествовать на двух —
Струсил, струсил, знать, пастух!
Встань на две ноги, трусишка:
Трусам здесь, в долине, крышка!»
Верить им пастух не хочет
И на четырех топочет,
И рычит: «Эй вы, внизу,
Всем пупы поотгрызу!»
Он спешит. Болит спина.
Впрочем, вот уже видна
Почва твердая, — иди,
Снег, прохлада впереди!

Андриеш на скалы влез,
Встал, вошел в холодный лес
И проговорил устало:
«Где-то мой дружок Пэкала!
Вот бы на пути моем

Посмеяться нам вдвоем!
Скучно топать в одиночку!»
И по свежему снежочку
Пастушок пошел вперед —
Цель торопит, цель не ждет!

Андриеш побрел один
Мимо вздыбленной дубравы.
Всюду клочьями седин
Мертвые торчали травы.
В неизвестную страну
Шел пастух — и то и дело
Он играл на дудке смело…

Вдруг из чащи в вышину
С дуба ласточка взлетела
И, приветствуя весну,
Неожиданно запела,
Рассыпая трель с небес.

Песней ласточки согретый,
Андриеш забыл советы
И пошел наперерез,
Углубляясь в темный лес
За певуньей белогрудой,
Где лежали, тяжелы,
Друг на друге темной грудой
Буреломные стволы.

Там стоял под старым дубом
Великан в кожоке грубом
И суки вязал в узлы.
Лупоглазый, глуповатый,
С шевелюрою лохматой,
Он железною рукой
Изгибал стволы дугой
И вязал из них канаты.

Закричал он: — Эй! Куда ты?
Признавайся, кто такой?

— Я простой пастух овечий,
Андриешем я зовусь…
— Ишь, какой ты важный гусь
Убирайся, человече,
Не вводи меня во грех,
Не дразни меня, повеса.
Знай, что я сильнее всех,
Стрымба-Лемне, сторож леса,

Не терплю ни в чем помех.
Я — гигант железнорукий,
Погляди на кулаки —
Как пудовые тюки.

— Замолчи, лохмач мордастый,
Перед храбрыми не хвастай!
Не боюсь я болтовни.
Если хочешь потягаться,
То скорее объясни:
Как и чем мы будем драться?

Посмотрел на чабана
Стрымба-Лемне, сплюнул смачно
И воскликнул: — Вот те на!
Больно ты глядишь невзрачно!
Как же ты со мной сразишься?
Неужели не боишься
Сгинуть от моей руки?
Ну, давай-ка на щелчки!

Так вскричал он, брови хмуря,
Загудел в лесу, как буря,
И уже кулак занес,
Будто каменный утес…
Бой, однако, был недолог:
Пастушок без лишних слов
Кинул вверх стальной осколок
Над макушками дубов,—
И на крыльях урагана
Вмиг примчался буздуган,

В грудь ударил великана,—
Пошатнулся великан.
Побелел, от боли ухнул
И, как ствол подгнивший, рухнул.

— Гей! Вставай, хвастун болтливый,
Стрымба-Лемне длинногривый, —
Громко крикнул пастушок,—
Я еще хочу разок
Дать тебе второй щелчок!

Но гигант взмолился, плача:
— Ах, какая незадача!
Я терпеть не в силах боль.
Пощади, герой могучий,
Отпусти меня, но лучше
Стать слугой своим позволь!

Много слышал ты историй,
Расскажу и я тебе
О моем великом горе,
О безрадостной судьбе!»

Стрымба-Лемне, исполин,
Страж оврагов и долин,
Страж лесов густорастущих,
Весь свой век проживший в пущах,
Изменился вдруг лицом
Перед юным молодцом.
И рассказ повел престранный,
Удивительный, пространный,
Как-то сразу подобрев
(Видно, был фальшивым гнев):
«Пастушок, скажу я прямо:
Всех богатств, что в мире есть,
Никогда не перечесть,
Но всего дороже — мама!
Ты-то на меня глядишь,
Удивительный малыш,
Взглядом великана меришь

И словам его не веришь.
Ну, не веришь, друг, так что же…
Но скажу, не утая:
Мама, мамочка моя
Мне всего была дороже!
Должен ты узнать сначала,
Что моя родная мать,
Умирая, завещала
Мне беречь и охранять,
Флоричику-Белоличку,
Младшую мою сестричку.
Ах, как я любил сестру!
Погоди, слезу утру.

Помню, матушка родная,
Будущей беды не зная,
В доченьке души не чаяла
А сама, бедняжка, таяла,
Всё слабела дни и ночи…»
«Стрымба-Лемне, покороче!»
«Но зловещий людомор,
Черный Вихрь, с вершины гор
Увидал ее, к несчастью,
Загорелся жадной страстью,
Повелел её схватить,
Навсегда поработить,
Чтоб она пред ним плясала,
Бороду ему чесала,
Забавляла старика;
И послал за ней сынка
Черный Вихрь, владыка мрака,
Оборотня Выркола́ка,
Что в угоду колдуну
По ночам грызет луну.

Он вступил со мною в драку,
С ним сражались мы три дня,
И досталось Выркола́ку
По заслугам от меня.
Я толкнул его, со злости

Об него разбил кулак,
Завязал узлами кости,
Но зубастый Вырколак
Наделен волшебной властью:
Влез на небо, в вышину,
И давай собачьей пастью
Грызть несчастную луну!
Там торчал он две недели
И швырял в меня куски.
Вот на мне видны доселе
Ссадины и синяки,
И царапины на теле.
Нос раздулся, словно гриб,
Десять шишек на затылке.
Мне казалось — я погиб,
До сих пор дрожат поджилки.

Вырколак, зубастый пес,
Выдержал со мною стычку,
Выкрал милую сестричку,
На луну ее унес.
Жаль мне девочку до слез.
Что же делать? Вот вопрос…
Голова моя убога,
Разум слаб, хоть силы много!

Вырколак решил, однако,
Для себя лишь воровать
И сестру не отдавать.
Черный Вихрь на Вырколака
Рассердился, взял за чуб,
Приволок сюда в дубраву,
Отомстил ему на славу,
Превратил в какой-то дуб.
А в какой? Найди попробуй.
Я же, дурень узколобый,
Очевидно, слишком глуп,
В голове мозги прокисли,
Много силы, мало мысли.
Здесь я в сторожах служу,

Словно проклятый, брожу,
Ветви я в узлы вяжу,
Из дубов, без остановки,
Вью канаты и веревки.
Все кручу, кручу, кручу
И заветный дуб ищу.
Эх, нашел бы Вырколака,
Заплясал бы он, собака!
Я б зажал его, как мог,
И свернул в бараний рог!

Слушай, грозный пастушок!
Твой неслыханный щелчок
Сбил меня на землю с ног.
Хоть меня ты обесславил,
Но зато мне жизнь оставил.
Ты сразил меня в бою,
Как положено мужчинам,—
Я тебя своим единым
Господином признаю,
И признательность мою
Воплощу в подарке лучшем,
В этом коврике летучем.
Вот, возьми его, садись,
Он тебя поднимет ввысь,
К ясным звездам, хмурым тучам,
В неизвестные края.
На ковре сестра моя
В годы прежние летала —
В ней ведь было весу мало!
Мне же коврик ни к чему,
Он меня не поднимает:
Я причины не пойму,
Может быть, мой вес мешает?

Отвечал пастух ему:
— Сила у тебя в избытке,
Видно, ты здоров как бык,
Только разумом не прыткий,
Только думать не привык,

Шевелить своей убогой,
Низколобой головой.
Не терзай дубы, не трогай,
А ступай своей дорогой!

Черный Вихрь — обидчик твой.
Он один лишь виноват,
Что сестры лишился брат.
Потерпи немного! Скоро
Доберусь до людомора
И, когда настигну вора,
Сокрушу его в борьбе
И сестру верну тебе!

Устыдившийся колосс
На прощанье произнес:
— Не спеши, пастух, идти.
Может, встретишь на пути
Исполина ты помешанного,
Разъяренного и бешеного,
От которого спешат
Звери дикие тревожно —
Словом, спутать невозможно,—
Он двоюродный мне брат!
Сфармэ-Пятра, братец мой,
Позапрошлою зимой
В край неведомый подался
И назад не возвращался.
Мать его — сестра моей.
Ты его, дружок, не бей,
Передай привет от братца,
Да скажи, что не видаться
С близкими людьми — грешно…»
«Стрымба-Лемне, мне смешно:
Он же знать не знает, где ты!»
«Ну, так что ж… Давай советы
Всем другим — а только мне
Ясно: это очень дурно,
Недостойно, некультурно
В гости не ходить к родне!..

Ну, пастух, ступай, пожалуй!»
Свистнул глупый добрый малый,
Отступил в корявый лес,
За деревьями исчез.
Взяв с собой ковер летучий,
Андриеш побрел по круче
К отдаленному хребту.
Молча брел чабан усталый,
А вокруг леса и скалы
Погружались в темноту.

Андриешу спать пора.
Он зевнул и улыбнулся,
Расстелив под головой
Кожушок потертый свой.
Долог путь и скуден ужин —
Но зато и сон заслужен!
Отступите прочь, дела!
Опустись, ночная мгла!
Сколь тропа ни тяжела —
Сон, коснувшийся чела,
Все посевы лжи и зла
Истребит, сожжет дотла.
Если ночь на мир сошла —
Сну спокойному хвала!

Утро вечера умней,
Солнце полночи сильней.

На земле, среди камней,
Чабаненок смуглокожий
Крепко спал, как па пуху,
Как на мягком барском ложе.
И приснились пастуху
Все его пути-дороги,
Приключенья и тревоги.

Видит, как в воде зеркальной,
Облик женщины печальной,—
Начинает понимать:

Это Стрымбы-Лемне мать.
Спит в неведомом краю
Эта женщина седая,
Видит, всей душой страдая,
Дочь любимую свою.
Андриешу тоже спится,
Тот же сон подпаску снится.
Он дивится всей душой:
Можно ль видеть сон чужой?

…Вот, в саду
На виду,
На ветвистой,
Многолистой
Кроне древа —
Справа, слева —
Ни цветка,
Ни лепестка.
Только — вот:
Один цветет!
И звучит издалека:
«Дочка, выйди из цветка!
Ты покинь цветок пахучий,
Ожиданьем нас не мучай,
С пестика цветочка
Ты пустись в полет,
В детский хоровод
Поспеши-ка, дочка!
Весело и юрко
Спрыгни к нам, дочурка!»

Флоричика из цветка
Спрыгивает с высока,
Весела, стройна,
В пляс идет она!
И за нею много деток
Следом спрыгивают с веток,
Что качались в вышине:
Так бывает лишь во сне!

Прежде никогда подпасок
Не видал подобных плясок:
Пляшут юные цветы
Несравненной красоты.
То ль цветы ведут игру
Здесь в лихую детвору,
То ль совсем наоборот —
Это детский хоровод,
На цветочный так похожий?

…Спит пастух на жестком ложе,

…Колокольчик полевой,
Слышен звон веселый твой,
Ты не мальчик ли? Да нет,
Вот он, мальчик-первоцвет!
Ты не девочка ль, фиалка?
Нет?.. Опять ошибся, жалко.

Впрочем, в суете такой
Разберешь ли — где левкой,
Где ромашка, где нарцисс —
Вправо-влево, вверх и вниз,—

Встала вдруг, как на картине
Флоричика посредине,
Плавно повела рукой,
Повела напев такой:

— Дере-дере-деревцо!
Ты взгляни-ка мне в лицо!
Вете-вете-ветерок!
Ты слети ко мне, дружок,
Свистни звонче зяблика,
Принеси мне яблоко!
Пусть на крыльях ветерка
Полетят два лепестка,
Словно два кораблика.
Я за ним полечу —
Будет так, как я хочу!

Крошка требует — не просит!
И послушный ветерок
Шевеля цветущий дрок,
Плавно девочку уносит.
Далеко внизу — левада,
И пастушье сердце радо:
Там, внизу, — овечье стадо,
Белорунная отара
Под охраною Лупара!

Все смешалось… Тяжкий вздох:
Сон, конечно же, неплох,
Солнцем, светом напоен,
Но… увы! — всего лишь сон.

Где Миоара, где подружка?
Пастушок, а с ним — старушка
В чистой белизне седин —
Смотрят вместе сон один?

Сон все длится, не проходит.
Флоричика песнь заводит:

— Ах, сестрица — Миорица,
Быр, сестрица, быр!
Мех твой славно серебрится,
Быр, Миора, быр!
Ты послушна, ты тиха,
Быр, Миора, быр!
Бродишь ты без пастуха,
Быр, Миора, быр!

Видно, день счастливый минул,
Быр, Миора, быр!
Твой пастух тебя покинул,
Быр, Миора, быр!

Всё тяжелым, темным, странным
Застилается туманом,—

Пастушка тревога гложет,
Но проснуться он не может.
В сердце — боль, тоска и горе,
Слезы по родной Миоре,—
Может, ждет свиданье вскоре?
Может, вовсе никогда?
Может, долгие года
Будет пастушок томиться,
По ночам глядеть во тьму,
И родимая ему
Миорица будет сниться?
…Где ты, где ты, Миорица?

Долго длится ночь зимой.
В снежной тишине немой
Солнце всё взойти не хочет.
…Новый сон беду пророчит.

Видит он смертельный бой —
Видит он перед собой
Пропасть, где на шеях длинных
Тысячи голов змеиных,
Словно страшные цветы,
Из глубокой темноты
Заколдованных ущелий
Поднимались и шипели,
Угрожая пастушка
Погубить наверняка.
А за бездною змеиной
В сновиденьи видит он
Лучезарный небосклон
Над знакомою долиной,
Ароматный луг полынный,
Шелк воздушной синевы,
Бархат молодой травы.

Андриешу роща снится,
Тень прохладных деревец,
Стадо белое овец
И сестрица-Миорица,

Пес Лупар вокруг резвится,
Прыгает со всех сторон…
О, какой чудесный сон,
Сон, надежду подающий!

Спит пастух — и видит он
Чащу бузины цветущей,
Синий Днестр, зеленый склон,
А на склоне — темнолистый
Древний Дуб-Стежар ветвистый
Будто в думу погружен.
Вкруг него шумят березки,
Дочери его, подростки.

Как зеленые огни,
Листья блещут упоенно,
А под кронами, в тени,
Проплывает фея Дона.
Птицы ей поют вослед,
Шлют стрекозы ей привет,
Шепчут ей цветы влюбленно.

На горе стоит утес,
А в пещере — Дед Мороз
Со своими сыновьями,
Храбрыми богатырями;
И приметно пастуху,
Что прохладно наверху.
Пусть в долине блещут ярко
Листья молодых берез, —
В горном воздухе не жарко,
И доволен Дед Мороз!

Там, где пышная, густая,
Дышит липа, расцветая,
Слышишь, как силен и чист
Полнозвучный птичий свист?
Это щелкает, летая,
Аурика золотая,
На ветвях качается,

Песней заливается…

Роща тишину хранит,
Но среди лесной поляны
Колокольчиком звенит
Голос Ляны-Косынзяны,
И, как ласточка, летит
Вдоль зеленого откоса,
Прямо к берегу Днестра,
Где рубаки Фэт-Фрумоса
Восседают у костра.
Слышит Ляну Фэт-Фрумос,
Шлет к ней сокола с приветом;
Богатырь в посланьи этом
Задает один вопрос:
— Сердца тайное желанье
Мне открой в твоем посланьи!
Без тебя мне жизни нет,
Дай, любимая, ответ!

Зазвучали длинные
Трели соловьиные,
Вздрогнули пустынные
Заросли бузинные
И холмы полынные,
И луга равнинные.
Ветерок дубраву будит,
И в серебряном ручье
Говорит струя струе:
— Свадьба будет!
— Свадьба будет!

Чтоб созвать на пир зверей,
Косынзяна шлет скорей
За зайчишкою зайчишку,
И спешат во все концы
Длинноухие гонцы,
Кто бегом, а кто вприпрыжку.
И курьеры-молодцы
Кличут в рощах, на полянах

Дорогих гостей желанных:
— Мол, невеста просит вас
К ней прибыть на пир сейчас!

Вьются ласточки-подружки
Вкруг невесты на опушке,
В шелк зеленый наряжают
И цветами украшают.
Пламенеют в прядях кос
Лепестки багряных роз,
И гвоздики пахнут пряно.
Сладкозвучный птичий хор
Оглашает песней бор:
— Ладо! Ладо! Ляна! Ляна!

Вот идут на пир соседи,
Извещенные заране:
Косолапые медведи,
Белки, волки, лоси, лани;
И спешит на свадьбу к Ляне
Все, что странствует в лесах,
Что порхает в небесах.
Гости ей несут подарки:
Алых лилий ворох яркий,
Цвета утренней зари;
Спелых ягод янтари
И, взамен жемчужной зерни,
Капельки росы вечерней;
В два ряда на стебле трав
Ожерельем нанизав,
Косынзяне преподносят
И принять на память просят.
На ветвях везде видны
Свистуны и певуны.
Рады наши музыканты
Проявить свои таланты.
Песня грянула — и вот
Закружился хоровод!

Из толпы нарядной свиты

Жениха — богатыря
Вышел, хмелем весь обвитый,
Сам Пэкала знаменитый,
Прибаутки говоря:

— Добрый день гостям богатым,
Дружкам, сватам, провожатым,
Всем привет на много лет,
Никому отказа нет!

У меня в руке поднос —
Я невесте в дар привез
Удивительную шаль,
Поглядите — мне не жаль!
Уж такой чудесной шали
Вы, конечно, не встречали
Да и встретите едва ли.

Шаль прозрачна, как хрусталь,
Ткал ее волшебник здешний
Из пурпурной зорьки вешней;
С двух сторон у ней тесьма,
Вся из радужной парчи,
А по краю бахрома —
Солнца яркие лучи!
Ух, какая здесь жара!
У меня дыханье сперло.
Промочить сухое горло
Мне уже давно пора.
Я вино в заздравной чаше
Из литого серебра,
Что струи днестровской краше,
Выпью за здоровье ваше!

Верь-не верь, честной народ,
Довелось неделю мне
К вам на свадьбу, на коне,
Ехать задом наперед.
Потерял мой конь чубарый
По дороге шаровары,

Мне пришлось в теченье дня
В камышах торчать без толку,
Взять иголку втихомолку,
Шить из облачного шелку
Шаровары для коня!
Сшил я шаровары эти,—
Наливайте-ка по третьей!

Потерял мой конь подкову,
Кузнеца я вмиг позвал,
Тот не ногу подковал,
Не копыто, — верьте слову! —
Он подкову подхватил
И ко лбу приколотил;
Добрый конь мой по траве
Заскакал на голове.

Я пешком уйти решил
Подобру да поздорову!

Верь-не верь, честной народ,
Горы перешел я вброд,
По небу шагал везде,
Плыл в каруце[29] по воде
Через пропасти и мели,

Через рощи и луга,
Словно в мягкой колыбели,
Делал в день я три шага.

Я весьма проворный малый,
Что ни день, то беготня,
Но хозяин мой, пожалуй,
Попроворнее меня!
Просыпается с рассветом,
И, едва прогонит сон,
Необутым, неодетым
До полудня бродит он
И умыться забывает.

В полдень ноги обувает
И до сумерек зевает,
В полночь кушму надевает,
Пояском обвяжется,
Девушкам покажется!
Он хотел прибыть сюда,
Но одежда вся худа,
И рубаха — вот беда!—
Не годится никуда:
Порвана повсюду в клочья,
Здесь ничем не мог помочь я!
Десять медведей подряд
Ищут место для заплат.
Ну, налейте по четвертой!

Ведь жених наш — парень тертый,
Несказанно он хорош!—
Узкоглазый, словно еж,
Дыбом волосища,
А на лбу усища,
Острые, как вилки;
Уши на затылке,
Он кривой, он косой,
Пляшет на руках босой,
Кушму носит на ступне!..

Ты не верь, царевна, мне.
Все, что я сказал, — вранье,
Измышление мое.
Вот и солнце низится,
Вот и вечер близится,
Скоро к нам жених придет,
Ох, Пэкале попадет!
Где моя большая кружка?
Хо-хо-хо, да ха-ха-ха!
Вышел Чубэр, старший дружка
Фэт-Фрумоса, жениха;
С белым полотенцем чистым,
С круглым хлебом золотистым,
Что из солнца испечен;

Подошел к невесте он,
Низко-низко поклонился
И с приветом обратился;

— Фэт-Фрумос тебе, царевна,
Свой подарок шлет, любя!
Чудо-подвиги вседневно
Совершал он для тебя.
Сколько он добра поныне
Сотворил с давнишних пор,
Знают только сокол синий
Да гайдуцкий шестопер.
Он прошел моря и реки
И гранитные хребты,
И должна теперь навеки
Стать его женою ты.
Но отдай герою, Ляна,
Руку нежную твою
Не за то, что постоянно
Побеждал он всех в бою,
Не за то, что, витязь гневный,
Лил в сраженьях вражью кровь.
Нет! За то, что вновь и вновь
Нес к ногам своей царевны
Молодой порыв душевный
И бессмертную любовь!

По густой траве атласной,
По ковру гвоздик и роз
Молча подошел к прекрасной
Косынзяне Фэт-Фрумос.
Подошел и рядом стал,
Сжал ей пальчики едва
И тихонько прошептал
Еле слышные слова,
Полные любви и ласки.
Расчудесных слов таких,
Что промолвил ей жених,
Не прочесть и в лучшей сказке!

Слышишь? — Свадебные песни
Раздаются по дубраве!
В целом свете нет чудесней,
Ни звончей, ни величавей.
Звуки хоры в чаще льются,
Разгулялась басмалуца[30],
И гудит веселый гром,
Полный радостного пыла,
На венчаньи, где отцом —
Посаж*е*нным —
Солнце было!

Дышит счастьем пир венчальный,
Лишь пастух сидит печальный,
Мысли — все одни и те ж…
И, звеня стеклом бокала,
Говорит ему Пэкала:
— Нос не вешай, Андриеш!
Песни пой, шути да смейся,
Буйной пляской душу тешь
И на лучшее надейся!
Мы, друзья твои, — с тобой
В счастье и беде любой.
Верь, что ты отплатишь вору,
Что Лупара и Миору
Ты отыщешь, наконец,
И вернешь своих овец.
Тот, кто верен истине,
Доплывет до пристани!

Глянул Андриеш на склон
И опять увидел он:
Бродит стадо по траве
С Миорицей во главе,
И, зарей освещено,
Серебром блестит руно.

Мальчик радостно вздохнул,
Жадно руки протянул,
Но внезапно все пропало —

Косынзяна, Фэт-Фрумос,
Миорица и Пэкала,
Вороха цветущих роз
И толпа гостей нарядных.

Вместо них — нагой утес,
Небо в тучах непроглядных,
Низкое, как свод тюрьмы;
Резкий ветер что есть силы
Гнет безлистый куст унылый,
А вокруг, средь полутьмы,
Обнаженные холмы,
Словно древние могилы.

Вскрикнул бедный пастушок
И проснулся…
Там, у ног,
Змеи выставили жала,
Бездна грозная зияла,
А за ней гора стояла,
Из каменьев сложена,
И о помощи она
Андриеша умоляла,
Глухо плакала, стонала…

Перед пропастью бездонной
Замер пастушок смущенный;
Что придумать — непонятно,
Не вернуться же обратно!

Но летающий ковер
Сам затеял разговор,
Распрямясь пред Андриешем:
— Вижу, ты попал в беду
И шагать не можешь пешим
По змеиному гнезду.
Выход я тебе найду.
На меня садись, пастух,
Мы вспорхнем с тобой, как пух,
Я тебя перенесу

Через пропасть на весу!
И они на самом деле
Бездну вмиг перелетели.
Заколдованный ковер
Опустился между гор
И сказал — Не в силах дале
Я лететь сквозь облака.
Крылышки мои устали
И не держат седока,
Изнемог я в душной мгле,
Воздух тянет вниз, к земле!

И побрел пастух усталый
На ребристый горный склон,
Под его ногами скалы
Издавали тихий стон,
Умоляя мальчугана:

— Мы раздеты догола,
Наши бедные тела
Где ни тронь — сплошная рана.
Здесь ведь каждая скала
Прежде витязем была;
Вихря, злобного тирана,
Властелина Царства Тьмы,
Низложить хотели мы,
Но колдун, проклятый бес,
В скалы превратил героев,
Гору из камней построил
Высотою до небес.
И теперь мы стонем, плачем,
Услыхав твои шаги.
Будь же нашим братом младшим,
Не топчи нас, помоги!..

И сочувствием горячим
Мальчик скалам отвечал,
Он им помощь обещал
И походкой торопливой
Осторожно между скал

В Черный Дол спускаться стал…

Перед ним поток бурливый
Необъятной ширины.
Из-за пены белогривой
Берега едва видны.

Как пройти через поток?
Дунул мальчик на Восток,
И в одно мгновенье ока
С лучезарного Востока
К Андриешу прилетел
Юный ветер Войошел.
Прилетел, но еле дышит,
Крыльями едва колышет,
Тихо шепчет:
— Я больной,
Сам не знаю, что со мной.
В этих облаках унылых
Я нести тебя не в силах.

Балтарец примчался грозный
И умелою рукой
Начал строить мост морозный
Над стремительной рекой.
Покорившись мудрой силе,
Улеглось кипенье вод,
Волны пенные застыли,
Превратясь в прозрачный лед —
Открывая путь вперед.
Балтарец, могучий брат,
Хоть и был холодноват,
На прощание сурово
Вымолвил такое слово:
«Этот горный кряж огромен,
Ты до черных до хоромин
Скоро должен добрести,
Но, пастух, учти, в пути
Ждут тебя еще преграды.
Впереди лежит, бурлив,

Ледяной морской залив.
Там ревущие громады
Стервенеющих валов
Страшный приняли улов:
Столько растворили соли,
Что вовек не смогут боле
Ни застыть, ни замереть,
Будь же осторожен впредь —
Даже и на зло врагу
Я волну того залива,
Что безумна и гульлива,
Заморозить не могу!
Как пройти его, малыш?
Ты уж сам сообразишь!
Там живет всегда один
Сфармэ-Пятра, исполин,
Он стоит на берегу,
Изогнувшемся в дугу,
Непомерным жаром пышет,
Через ноздри шумно дышит,
Он рассорился с людьми.
Горстку холода возьми —
От меня гостинец малый:
Пригодится ведь, пожалуй».
И пастух пошел вперед
По стеклу замерзших вод,
Вдоль поверхности зеркальной,
По мосту из хрусталя.
Перед ним лежит земля,
Край бесплодный и печальный,
Где цветы без лепестков,
Стебли бурых трав сожженных
Разостлались меж кустов
И деревьев обнаженных.
И, вселяя в душу страх,
Порасселось на буграх
Коршунье, задравши к тучам
Клювы, что подобны крючьям.

В тучах пробуравив лаз,

Из-за дымных гор несмело
Выглянул бродячий глаз
Кэпкэуна — и тотчас
Над равниной свет погас,
Небо сразу почернело,
Воцарилась тьма и тишь,
Ничего не разглядишь!..
Но тогда чабан спокойный
Вынул флуер из мешка,
И возникли звуки дойны
Под руками пастушка.
Дойна крепла без предела,
С каждой трелью все звончей,
И на песню прилетела
В блеске радостных лучей
Дона — к молодому другу,
Солнцем озарив округу.

И, увидев этот свет,
Мальчик двинулся вперед.
Ведь пути другого нет,
Если мужество зовет!

Вид кругом — мороз по коже.
Вдоль кремнистых бездорожий
Поспешает пастушок:
Здесь ни тропок, ни дорог,
Только сморщенные кряжи,
Небеса, чернее сажи,
Холод, ветер ледяной —
И травинки ни одной,
Только снег да грубый щебень,
Да щербатый скальный гребень.
Лишь на самых дальних склонах,
Скудно светом озаренных,—
Видно: из-под низких туч
Ручейки сбегают с круч,
В миг, неведомо какой,
Вдруг становятся рекой
И цепочкой водопадов

Отметавшись и отпрядав,
Выйдя на простор долины,
В путь уходят — плавный, длинный.
Там зеленые леса,
Голубая полоса
Речки, ивы — слева, справа,—
Мчатся бревна лесосплава,
Может, зренье не в порядке?
Что за речки, что за кряж?
Впрочем, это все — мираж.
А с мир***а***жей — взятки гладки:
Лишь приблизишься — беда,
Все исчезнет без следа.
Андриеш подходит ближе —
Все исчезло: всюду там
Скопище бугров и ям,
Топкой грязи, смрадной жижи, —
Ни реки, ни струйки даже —
Уж какие тут пейзажи!

Знать, из парня выйдет толк!
Ведь его любовь и долг
Заставляют к цели, к свету
Топать сквозь трущобу эту!

Ох и тропы! Ох и схватки!
Этот путь — такой несладкий, —
Утомительный, некраткий
И до крайности негладкий —
Должен он к концу прийти!
…Не видать конца пути —
Хоть увидеть бы не худо.
Все же не видать покуда.
Как еще дороги лягут!..
Взрослым стал подпасок за год,
Хоть итог такой не плох —
Но… один чертополох
Да рубины волчьих ягод —
Это вся его награда,
А найти — то нужно стадо!

…Вот гора пред ним гранитная,
Мрачная и монолитная.
Андриеш не без труда
На гору полез — туда,
Где ни тропки, ни следа,
Ни орлиного гнезда —
Только скальная гряда!
Он скользит на косогоре,
Но назад — ни на вершок!
Зорко смотрит пастушок
И высматривает море.
Вдалеке, возле холма,
Будто расступилась тьма:
Виден холм второй, живой —
Он с ногами, с головой,
Подвывает он, топочет,
Горный кряж разрушить хочет.
Вот присмотрит на углу
Подходящую скалу,
И, рассудку вопреки,
Разломает на куски:
Уж как сможет — на два, на три.
Это — страшный Сфармэ-Пятра!
Ничего кругом не слышит,
Раскаленным паром дышит,
И вокруг него недаром
Снег кипит горячим паром,
Всё туманом пеленая,
Точно баня там парная.

Съехал Андриеш в долину,
Ободрав о камни спину.
Всё осколки да щебёнка —
Невеселая сторонка!

«Великан, сойди с пути
На прохожих не пыхти!» —
Крикнул Андриеш без страха.
Бросил великан с размаха

Камень и промолвил тяжко:
«Брысь отсюда, таракашка!»
И опять, в жару немалом,
Возвратился к черным скалам,
Вновь ломать их стал со злобой
И ретивостью особой.
Пастушонок же тогда
Понял: тут, видать, беда,
Спорь с колоссом иль не спорь
У него, как видно, хворь!
Озаботясь не на шутку,
Вынул из котомки дудку,
И туман долины знойной
Огласился чистой дойной!
Великан оторопел,
Бел от страха стал, как мел.
Вздрогнул — видно, не впервой
Слышит дойну, — и челом
Вдруг поник каменолом,
Словно человек живой!
Он не то чтоб зачарован,
Но к сраженью не готов он,
И, возможно, вероятно,
Великану песнь приятна.
Он ведь даже и без злости
Поломал бы парню кости:
Утихают боль и злость,
Коль в мученьях воет гость!

Взять бы этого нахала
(С остальными так бывало)
Оборвать за лапкой лапку,
Скомкать бы его, как тряпку,
На него дохнуть огнем,
На заблудшего придурка,—
То-то запечется шкурка
Славной корочкой на нем!
Отчего б не сделать так?
Медлит великан-чудак,
Он встревожен не на шутку,

Слушает пастушью дудку,
Не спешит обрушить месть,
Тих и благостен невесть
Отчего, скажи на милость,
Что с крушителем случилось?
Звонкой дудки волшебство
Укротило, знать, его!
Видно, о родимом доме
Брезжит память в камнеломе:
Песнь родимого села
Так же бы звучать могла!
На валун присел верзила.
Дойна в воздухе скользила, —
Великан притих, примолк:
Видно, в дойнах знает толк!
Рот раскрыл от изумленья,
Жаром дышит на каменья;

Раскаляясь добела,
Лавою течет скала, —
Бедный, видно, невиновен,
Что пыхтит, как сто жаровен,
Что живет, внутри храня
Клокотание огня!
Так недолго перегреться.
Андриеш поспешно — шасть!—
Взял гостинец Балтареца
И гиганту сунул в пасть
Тот гостинец превосходный —
Это воздух был холодный!

Ох, и ловок же пастух,
Словно в цирке иль в театре!
И огонь у Сфармэ-Пятры
Тут же в животе потух!
Безо всяких докторов
Тут же стал гигант здоров!
А пастух, на великана
Глянув, понял: как ни странно,
Он, конечно, несуразен,

Но совсем не безобразен!

И промолвил он: «Привет!
Жалоб, я надеюсь, нет?
В холодке тебе не плохо?»
«Кто ты, странник, кто ты, кроха?»
«Я не жулик и не плут,
Андриеш меня зовут,
Не пыхти-ка ты со зла,
Мама имя мне дала…»
И внезапно… Ой, да что же?
Вдруг по великаньей роже
Потекли потоки слез,
Будто зарыдал утес.
И любому сразу видно —
Великану больно, стыдно!
Не ошибка ль? Что с верзилой?
Слезы с непомерной силой
По щекам, от пыли серым,
Льются, будто водопад,
Слезы горькие скользят,
Каждая — в арбуз размером!
Видно, вспомнив о былом,
Вопросил каменолом,
О своей всплакнув судьбе:
«Говори: чего тебе?»

«Я за черную гряду
К Замку Черному иду!»
«Бей его землетрясенье!..»
Видно, великан в волненье,
Видно, ярость в нем пришла
Чувству слезному на смену:
Тяжким кулаком со зла
Бухнул в каменную стену,
И взволнованно тотчас
О себе повел рассказ,—
Как не выболтать тоску
Вот такому пареньку,
Что тебя не только спас

От болезни, но и даже
Для отмщенья рати вражьей
Копит силы про запас?
Проклинаючи судьбу,
Сфармэ-Пятра начал повесть:
Хоть за страх, но и за совесть
Камни на своем горбу
Раньше Вихрю он таскал:
Тяжкие обломки скал
На гору катил без счета,
Строил стены и ворота,
Строил башни и валы
Из больших кусков скалы.
Не роптал он, не ворчал,
Тяжестей не замечал,
Сколько скал он своротил
К славе Черного Сиятельства!..
Лишь в одном строптивым был —
Не терпел он издевательства.

А хозяин, захмелев,
То сорвет на парне гнев,
То, родню зазвавши в гости,
Просто так, совсем без злости,
Лишь для смеху, просто так
Повелит: сгрызи, батрак,
Этот камень, и другой,
Кушай, мальчик дорогой,
Кушай, а не то — смотри!..
Без остатка все сожри!
Парень давится, но ест
По скале в один присест;
Черный Вихрь еще подбросит —
Мол, батрак добавки просит.

Рядом с ним, на парня глядя,
Ржет его драконий дядя,
Ржут его драконьи тети,
Ржут, восторга не тая,
Все драконьи кумовья,

Вся родня драконья в слёте!
Но опасен смех такой:
Коль о гордости людской
Может тут возникнуть речь —
Шутки лучше поберечь!

Вихрь велел однажды спьяну
Съесть — для шутки — великану
Сразу десять скал гранитных,
Угловатых, монолитных,
Вот мол, парень, вот мол, витязь
Гости-гости, веселитесь!

Сфармэ-Пятра возроптал,
Веселить гостей не стал,
Отказался камни есть —
Но его настигла месть
В тот же миг: драконы в злобе
Разъяренно, сообща
Сухо крыльями треща,
Подступили, и в утробе
У него огонь зажгли —
Мол, теперь поешь земли,
Да огонь, мол, потуши —
Словом, парень, попляши.
С той поры и день и ночь
Камни стал гигант толочь
И весь день (зачем — невесть)
Грубый щебень жадно есть,
Только пламя всё не гасло —
Щебень для него — как масло.

Великан для образца
Взял скалу — и без усилья
Раздробил щебенкой, пылью
И развеял до конца,
И рассказ продолжил свой:
«Отомстивши мне с лихвой,—
Парень, от тебя не скрою,—
Вихрь умчался той порою

Далеко, как никогда.
Часто он крадет стада
У людей.

За жертвой новой,
Черной злобой окрылен,
Полетел в долину он,
Что зовется Трехручьевой…»

Андриеш воскликнул: «Как?
Говоришь, помчался враг
Прямо в край родимый мой?
Это он закрыл все тьмой,
Много погубил людей,
Усыпил меня, злодей,
И умчал под небеса
Стадо все мое и пса,
И любимую сестрицу,
Дорогую Миорицу?!
В этом вся моя беда!»

«Я видал ее тогда…»
«Миорицу?»
«Точно, да:
Вспоминаю, как сейчас,—
Черный Вихрь в тот самый раз
Запер стадо в подземелье,
А меня швырнул в ущелье,
В эту пропасть, в этот гроб,
В этот гиблый ящик, чтоб
Я, строптивец непокорный,
Грыз гранит подошвы горной,
Чтоб не отдыхал ни дня
И дышал рекой огня.
Я хоть пленник, да не связан,
Выход я найти обязан,—
Горный кряж я продолблю
И злодея погублю!»

«Вижу, бедный мой герой,

Ты безумен: за горой
Есть дорога, но она
Не туда обращена!
Та же, что нужна, на г***о***ре
Пролегает через море…»
«Ну, тогда совсем беда.
Здесь ни брода нет, ни льда:
Ох, по этим по глубинам
Не пройти нам, не пройти нам…»
«Сфармэ-Пятра, погоди:
Раз уж море впереди,
Будь же, великан, героем:
Мы с тобою мост построим!»

Отыскал
Груду скал
Исполин,
Из долин
Натаскал
Валунов.
Способ — нов:
Натащив,
Стал в пролив
Их метать;
Ни дать, ни взять
Возникают острова —
Есть у парня голова!
Остров к острову встает
Посреди бурлящих вод,
Пусть волна идет врасхлест —
Будет мост,
Будет мост!
Горный кряж гигант калечит,
Скалы прямо в море мечет.
Андриеш валун наметит —
Делом исполин ответит:
Размахнется им и бросит —
Даже отдыха не просит!
И огромная дуга,
Упираясь в берега,

Возникает средь воды
Гребнем каменной гряды.
С каждым мигом все прочней
Хоть обоз кати по ней!
Расступились волны с хрипом,
С ядовитым, злобным шипом,
Отступила постепенно
Даже яростная пена,
И широкой полосой,
Темной, каменной косой,
Лег, просторен, горделив,
Новый путь через пролив:
Может ныне кто угодно
По нему шагать свободно!

Сфармэ-Пятра в восхищенье
Перестал крошить каменья
И в восторге пастушка
Подхватил исподтишка,
Стал подбрасывать его —
Знать, по нраву баловство!

Говорит он: «Ты меня
Спас от страшного огня,
Я теперь совсем холодный,
Я теперь совсем свободный!»
Пастушка летать заставил
Великан, — видать, давно
Не было ему смешно!
Насмеявшись же, добавил,
Пастушку вернув свободу:
«Если ты готов к походу,
Знай, что Черный Вихрь со зла
Превращать людей привык:
Был ты витязь, стал — скала.
Станешь камнем в тот же миг!
Ну, а я на то в ответ
Дам скитальцу самоцвет, —
У меня он с давних пор,
Мне его царица гор

Подарила, — кто возьмет
В путь-дорогу камень тот,
На того всем вражьим чарам
Суждено яриться даром!
Тот в скалу не превратится,
Так сказала мне царица.
Нет дороже самоцвета —
Только прячь его от света,
От чужих недобрых глаз,
Чтобы камень не погас.
Ну, а я пойду домой.
Где-то край родимый мой?
Знаю я, что в два ручья
Плачет матушка моя,
Ты ведь должен понимать,
Мальчик, кто такая — мать!»

Это пастушку знакомо,
Эти самые слова:
Речь, он помнил, такова
Стрымбы-Лемне, древолома!
Сходны речи двух верзил.
И пастух проговорил,
Принимая сомоцвет:
«Посылал тебе привет
Стрымба-Лемне, добрый малый,
Ты его, дружок, побалуй,
Загляни к нему ты в лес…»
«Да ведь он давно исчез,
Не желает знать родни!»

«Сфарма-Пятра, заверни
Ты к нему — в своей чащобе
Он сидит в великой злобе,—
Говорит, что, мол, родня
Не желает знать меня…»
И пастух не без участья
В двух словах пересказал
Стрымбы-Лемнины несчастья.

«Значит, и его связал
Службой глупой, безотрадной
Общий враг наш беспощадный!»
Великан со зла опять
Чуть не начал кряж ломать.
Успокоившись едва,
Снова вымолвил слова:

«В годы прежние, давно
Было счастье мне дано:
Я, в избытке юных сил,
Маму на руках носил!
Как я счастлив был, поверь!»

«Ну, а где она теперь?»

«Видимо, в родном краю:
Черный Царь страну мою
Потопил в тумане черном,
Людоморном и злотворном…»

«Знаю, знаю, там немало
Побродили мы с Пэкалой.
Ты постой-ка. У крылечка,
Там, где дом родимый твой,
Лакомясь сухой травой,
Не пасется ли овечка?»

«Точно, точно: нет и спора —
Это ведь моя Миора!
Говори же, не томи!»

«Ну, тогда совет прими:
Поспешай домой скорей:
Мать заждалась у дверей!»
Великан пустился в пляс
Так, что горный кряж сотряс:
Пляшет великан счастливый,
Позабыв про все проливы,
Про несчастья, про тюрьму:

Всех забот — как не бывало!
Андриеш глядит, и стало
Ясно в этот миг ему:
Сразу видно, лишь взгляни,
Что — ровесники они,
Хоть и роста есть излишки —
Оба все-таки мальчишки…

В пастушке окрепла вера:
Всех его страданий мера
Не напрасна, ибо где-то,
На краю, быть может, света,
Где-то в глубине темницы
Льются слезы Миорицы, —
Ждут его Лупар и стадо,
До него добраться надо.
В черном замке, под замком
Стонет тонким голоском,
Плачет Миорица, плачет,
Ну, а это только значит:
Не напрасен прежний путь,
И с него нельзя свернуть!

И с улыбкой пастушок
Быстро море пересек,
Вновь дорога нелегка,
На пути полно песка —
Да, по этому пути
Все трудней, трудней идти!

Шел он долго шагом скорым,
Целый переход дневной,
По угрюмым косогорам,
По безрадостным просторам,
Где стояла пыль стеной;
И, не в силах сделать шагу,
Наконец пришел к оврагу;
Жажда мучила беднягу,
Тяготил палящий зной.

Там шиповник у обрыва
Увядает сиротливо,
Листья виснут, словно грива,
Ствол беспомощен и сух.
И от жалости, от боли,
От сердечной муки, что ли,
На суглинок поневоле
Уронил слезу пастух.

И веселый родничок,
Старого Днестра внучок,
Засверкал из-под камней
Между высохших корней
Влагой голубых огней!

Андриеш к ручью склонился,
Жадно досыта напился,
А студеная струя
Разлилась через края
Свежей влагой чудотворной,
Окропив шиповник черный.

Под сверкающей водой
Ожил ствол сухой и ветхий,
И листвою молодой
Сызнова оделись ветки,
И цветов румяный снег
Опушил шиповник пышно…

Куст промолвил еле слышно
(Только истый человек,
В ком чисты душа и совесть,
Мог услышать эту повесть):

— Доброе сердце, смельчак знаменитый,
Жалости я не прошу и защиты.

Гордость моя о пощаде не молит,
Правда святая мне лгать не позволит.

Тяжко меня оскорбили враги,
Ты не жалей — отомстить помоги!

Сохну столетие здесь, на корню,
Но ятаган для расплаты храню.

Был гайдуком я когда-то не худшим,
Звали меня Мачиешем могучим.

В радости, в горе, в боях и в труде
Долю народа делил я везде.

Был мой народ невелик, но силен,
Взор его был на восток устремлен…

Девушка мне повстречалась нежданно,
Чудо-красавица, Зорилор-Джана.

Зорилор-Джана, Царевна Рассвета,
Вот кто была она, девушка эта!

Сваху-звезду я послал во дворец,
Дал мне согласие Солнце-отец.

Все ликовало, когда мы венчались,
В горницах гости едва умещались.

Пенной рекой разливалось вино,
И на столах было снеди полно.

Дружно и радостно мы пировали,
Гости с невестой моей танцевали.

Был средь гостей неизвестный гайдук,
— Кто он? Откуда? — шептались вокруг.

Кудри казались волной смоляною,
Очи полны были темью ночною.

Широкоплечий, высокий и властный,
Трижды плясал он с невестой прекрасной.

Вдруг он понесся быстрей урагана,
Обмерла в страхе красавица Джана.

Будто безумный, помчал он по кругу
Джану, мою дорогую подругу.

Спутанной гривой своей смоляною
Он захлестнул ее, словно волною.

Оба они в непроглядную высь
Бешеным смерчем туманным взвились.

Пламя зажглось в гайдуке незнакомом,
Сделался голос раскатистым громом,

Волосы бурными тучами стали,
Молнии в диких глазах заблистали.

Выл он и щелкал зубами от злости,—
Черного Вихря узнали мы в госте!

Сильную рать я собрать постарался,
В царство коварного Вихря ворвался.

Верь, что искал я решительной сечи,
Но чародей уклонялся от встречи.

Грудью о грудь он сражаться не смел,
В честном бою рисковать не хотел.

Тайно прибег чародей к волшебству,
Войско мое превратил он в траву.

Наших несчастий преступный виновник,
Он превратил меня в этот шиповник,

Зорилор-Джану волшебник проклятый

В замке поставил средь каменных статуй.

Там отвердело, похолодело,
Сделалось камнем прекрасное тело.

Только глаза ее, вечно живые,
Светятся, будто огни зоревые.

И, пробивая гранитные стены,
Льют ослепительный блеск неизменный…

Знаю, ты смелый — но этого мало!
Добрый, умелый — но этого мало!

Мало, что ты справедлив и силен,
Мало, что в странствиях ты закален!

Будь осторожен с врагом вероломным,
Будь в испытаниях твердым и скромным.

Малым успехом по-детски не хвастай
И не робей пред опасностью частой!

Только тогда ты врага уничтожишь,
С правом победу отпраздновать сможешь.

Помни, лукав чернокнижник в бою!
Два лепестка тебе в помощь даю.

Первый — к румяным губам приложи,
И прилетит через все рубежи

Меч мой, подобный отточенной бритве,
С ним победишь ты в решающей битве.

Можешь его в супостата метать,—
В руки твои он вернется опять.

Скрыто в другом лепестке волшебство,
Знай, как использовать силу его:

Где бы твой враг не скрывался трусливо
И превращался в различные дива,

Сыщешь противника наверняка
С помощью маленького лепестка.

Ты приложи его к правому глазу —
Хитрость врага разгадаешь ты сразу!

Слушай меня, чабаненок отважный,
Помни совет мой особенно важный:

Ты не убьешь чародея, не ранишь,
Если проклятого спящим застанешь.

Знай, что когда он без просыпу спит,
Он превращается в твердый гранит.

День да ночь — сутки прочь,
Пастушку шагать невмочь,
Ну а все же поутру
Разогнал пастух хандру
И побрел опять чуть свет
На сверкающий хребет,
Что долине был защитой, —
А за ним, в лощине скрытой,
Видит хлопец — облака,
Словно лужи молока,
Лишь колеблются слегка
Там, внизу, от ветерка.
Полно, облака ли это
Столь пленительного цвета?
То не облака, а пух —
Понимает вдруг пастух,
Это склон горы прикрыл
Плат из аистовых крыл,—

Приглядевшись, видит многих
Птиц, высоких, красноногих,—

Не взлетает ни одна,—
Словно чем-нибудь больна
И взлететь никак не может,
А тоска больную гложет
По небесному простору,—
И она, слетев на гору,
Медлит, опустив крыла:
«Полетела б, коль могла…»
Так стоят они, грустя
И крылами шелестя,—
Не взлететь им никогда —
Видно, тут стряслась беда.

Вот одна идет навстречу,
И, ему в глаза взглянув,
Открывает острый клюв,
Речь заводит человечью:
«Кто таков ты, странник, ныне
Здесь бродящий по чужбине?»
Только аист произнес.
Как вопросом на вопрос
Отвечал пастух ему:
«Птица-птица, не пойму,
Что стоите вы все вместе
В этом неприятном месте,
Где любому станет худо,—
Не летите что отсюда?»
И на тот вопрос пастуший
Аист произнес: «Послушай,
Этот край для нас — чужой,
Мы от века за межой
Этих гор высоких жили,
Наши гнезда сторожили.
Страшный Черный Вихрь сюда
В этот край песка и льда
Нас пригнал, — как ни боролась
Наша стая, — все равно
Погибаем, заодно
Песню потеряв и голос.
Нам без голоса, без песен

Небосвод широкий тесен,
Мы не сможем никогда
До родимого гнезда
Долететь, и наши крылья
Зарасти успели пылью,
Словно их окутал дым:

Мы подобны остальным
Белым аистиным стаям:
Мы без песен не летаем!
Мы хиреем, гибнем — ныне
Нас уж мало здесь, в долине…»

Так поведал речью грустной,
Тихой-тихой, безыскусной
Белый аист свой рассказ,—
С пастушка не сводит глаз.
Ясно: здесь стряслась беда.
Вопросил пастух тогда:
«Отчего в родимых гнездах
Вы не спрятались в тот миг,
Как губитель вас настиг?
Отчего взлетели в воздух?
И в ответ на тот вопрос
Старый аист произнес:
«Ты дослушай мой рассказ.
Сердце доброе у нас.
В смерче темноты и хлада
Гнал злодей овечье стадо:
Громко блеяли барашки,
Белорунные бедняжки.
В тот же миг взлетели мы,
И среди кромешной тьмы,
Друг на друга налетая,
Заблудилась наша стая…»
Грусть у мальчика в сердечке:
Это ведь его овечки,
Это ведь его барашки:
Жребий горький, жребий тяжкий
Горько слышать эту весть,

Пусть скорей свершится месть,
Время, время Вихрю сгинуть.
Страшный край пора покинуть,—
Но ведь аисты — в беде!
Как всегда и как везде,
Пастушонок звонкой, стройной
Огласил ущелье дойной!
Над кремнистою тропой,
Верный флуер, звонче пой!

Птицам больше и не нужно:
Крыльями взмахнули дружно,
Вот уже, собравшись с силой,
Первый аист белокрылый
Оторвался от земли —

Силы в крылья притекли!
Он летит — в его обличье
Что-то царственное, птичье,
Настоящее величье
Стая снова обрела,
И, долину облетая,
Возродившаяся стая
Снова песню завела,
Старинную,
Аистиную;

«Идет, идет весна,
Прекрасная, простая,
Сверкает вышина,
Вернулась наша стая.

И воздух снова чист,
И вновь горят закаты,
Я виноградный лист
Несу на кровлю хаты.

Я там гнездо совью,
Собравши листьев груду,
Я заведу семью —

И знаком счастья буду.

И, может быть, порой
Крыла чуть-чуть намаяв,
Я новой детворой
Порадую хозяев.

О да, я так спешу:
Звенят мои рулады,
Я деток приношу,
Когда мне люди рады!

Всё — так, как я хочу,
И нет судьбы достойней:
Три круга облечу
И осчастливлю тройней!»

Птицы к пастушку вернулись
И вокруг него сомкнулись,
Встали белоснежной свитой.
Он теперь — под их защитой.
И, не опуская крыл,
Их вожак проговорил:
«Андриеш, твоя дорога
Не окончена пока
И куда как нелегка,—
Ждет тебя еще немного
Испытаний: должен ты
Трижды горные хребты
Одолеть, а там, за ними,
В серной копоти и дыме
Пропасть жуткая лежит,
Дно ее всегда дрожит,
Там, под неприступной кручей,
Гад огромный и ползучий
Но не трать-ка, мой родной,
Ты минуты ни одной,
Лучше просто, без усилья
Полезай ты к нам на крылья,
Так минуешь ты хребты

И с прекрасной высоты
На ползучих гадов глянешь
И сражаться там не станешь,
Пусть-ка ползают внизу.
Мы к себе полет направим,
В край, где мы живем, где славим
Виноградную Лозу!
Чем тащиться дни и ночи —
Так ведь путь куда короче!»

Полетели. Вниз глядит
На широкий горный вид
Пастушок, — на скалы, пики
Смотрит не без недоверья,
Только слышит птичьи клики:
«Пастушок, держись за перья!»
Страшные внизу края:
Вот и пропасть, и змея
Исполинская приметна,
К небу жало тянет тщетно…
Впрочем, пастушок, следи:
Дол просторный впереди.

Вот страна отцов и дедов!
Долю горькую изведав,
Познакомясь с черной тьмой,
Наконец летят домой
Аисты — и вот
Кончился полет.

Ну, гляди во все глаза!
Красноногих белых птиц
Ждет здесь, листья свесив ниц,
Грозденосная лоза.
Ну, а с нею — вся семья:
Грозденосцы — сыновья.

Грозденосец самый важный,
Страж долины, куст отважный,
Еле удержав слезу,

Им рассказ поведал грустный:
Черный Вихрь, губитель гнусный,
В мерзостях таких искусный,
Извести решил Лозу.

«Ночью черною, сырой
Он на нас обрушил рой
Мерзких, липких, незнакомых
Безобразных насекомых.
Этот жук —
Листоед,
Всем вокруг —
Гибель, вред.
Хуже крыс
Всё погрыз!
Лишь сейчас
Из-за вас
Он ушел,
Черен, зол,
В глину, в грязь,
Затаясь.
Он боится
Клюва птицы,
Этот рой.
Спой, герой!
Словно громом,
Их в грязи
Порази,
Насекомым
Смерть неси,
Нас спаси!»

Пастушка просить не надо:
Вновь веселая рулада
Зазвучала в тот же миг,
И напев ее настиг
Тех жучков — и из земли
Паразиты поползли.
Тут же аисты за дело
Принялись весьма умело:

Это ведь не просто месть,
Этих гадов можно съесть!
Виноградные кусты
Тоже ветви, как хлысты,
Протянули, расстилаясь там:
Любо гнать добычу аистам!

И смердящей злобной кучей
Стал сползаться рой ползучий,
Таракашек черных тьма —
Словно черная чума,
Словно здесь лежит сама
Провонявшая сугубо
Згрипцуройки гадкой шуба
Наподобие холма!..
Выход Андриеш находит
И большой костер разводит:
Могут аисты вполне
Ухватить по головне,
Бросить в кучу насекомых:
Мошки гнусные навряд
На костре-то не сгорят!
Нет, видать, пастух — не промах!
Разгорается кострище:
То-то станет в мире чище,
И жучки горят, горят,
Только валит черный смрад.
Наконец костер потух.

К аистам идет пастух,
Прежней пользуясь защитой.
Понимает хлопец: ведь
Хоть куда-то нужно деть
Этот пепел ядовитый,—
Ведь нельзя же на земле
Даже гнить такой золе!

Выход аисты нашли,
К пропасти золу смели,
Пусть ужасную золу

Ветер унесет во мглу,
Пусть отравную навеки
Горные размоют реки!

Ох, на свете стало чище!
Гонят влагу корневища
Обновившейся листве,
Новый сок бурлит в траве.
Грозденосцы оживают,
Пастушку листвой кивают,—
Зреет, зреет груз отрадный
На лозе на виноградной,—
И, свободны и чисты,
Дойну завели кусты!

Смотрит, смотрит юный гость:
В миг, когда созреет гроздь,
Аист в клюв ее берет
И пускается в полет.
Улетает он куда-то
Вить гнездо на крыше хаты,
Нет теперь пути иного,
Стала жизнь его легка…
А дорога пастушка
Вновь зовет, уводит снова.
Флуер положив в мешок,
Вдаль уходит пастушок.

Что же там, за далью дальной?
Длится серый день печальный,
Длится узкая тропа,
Даль угрюма, даль слепа,
Где-то здесь, в угрюмых долах,
Гайдуков приют веселых,
Заключенных здесь во тьме,
Словно в каменной тюрьме.
«Ох, куда дорога ляжет.
Да и кто ее укажет?»
И терпенья больше нет,
Разве — флуер даст ответ?..

Даст, конечно! Дойна, дойна!
Только ты похвал достойна!
И кривая, словно скобка,
Под ногами брезжит тропка,
Даже чахлая трава
Всходит, пусть едва-едва.
Вот и дуб пускай трухлявый,
Но такой же величавый,
Как, наверно, был когда-то.
А тропа витиевата,
Между скал — поди, пролезь.
Кодры, кодры где-то здесь…

Здесь от почвы дух живой —
Пахнет прелою листвой,
Здесь приятен каждый шаг,
Только вот — все гуще мрак,
Вновь туман, знакомый, черный!
Паренек спешит проворный,
Ясно, что теперь ему
Следует нырнуть во тьму.
Ох, недаром, неспроста
Пред рассветом тьма густа!

И на шум кузнечной ковки
Поспешил парнишка ловкий.
Слышно, как доносит эхо
Голоса, обрывки смеха,
Все знакомо, все, до слез!
Наконец-то: вот поляна,
И внезапно из тумана
Возникает Фэт-Фрумос.
Хлопца он к себе позвал,
От души поцеловал:
«Андриеш, как ты подрос!»—
Так промолвил Фэт-Фрумос.
Чубэр выступил из мрака,
Добрый и лихой гайдук
(Все же всех страшней, однако,

Он для вражьих черных слуг!),
И сказал со всей душой:
«Э, да ты совсем большой!
Пара волосков под носом,
Вот, пройдет еще годок
Или полтора, и в срок
Ты сравнишься с Фэт-Фрумосом!
И другие гайдуки,
На помине, знать, легки,
К пареньку идут гурьбой,
Говорят наперебой:
«Как добрался ты сюда?
Ведь во мраке, ведь в округе
Не упустят вражьи слуги
Человечьего следа!
Ты, брат, по-гайдуцки смел,
Коль сюда прийти сумел!»

Так средь сумрачной поляны
Андриеш стоял, как пьяный,
Разве что боялся: вдруг
Тут за гайдуком гайдук
Станет сказкою, миражем…
Зря боялся, прямо скажем.
И сказал пастух: «Друзья!
Нынче солнцем послан я
В ваши черные края,—
Солнца жаркая струя
У меня в мешке с собою —
Стало быть, готовьтесь к бою!
Собирайтесь в центр поляны,
Все сюда, друзья, ко мне!
Закаляйте буздуганы
Вы на солнечном огне!
Так, в восторге и взахлёб,
Он вскричал, взмахнул мешком —
Тут же выхватил рывком
Солнечных соцветий сноп!
Расплескался свет вокруг —
Парень, парень, ты — гайдук!

Мрак — исчез!
Свет небес
Воспылал
Между скал,
В древней пуще,
Солнца ждущей!
Было только что темно —
Утро вдруг настало,
Будто в небесах окно
Ярко заблистало!
Вновь привольно молодцам,
Сила притекла к сердцам!
Вновь огонь бежит по жилам,
Вновь героям все по силам,
Испытанья — пустяки:
Рвутся в битву гайдуки!
Ныне им пора всем вместе
Приступить к заветной мести!
«Братья», — молвил Фэт-Фрумос,—
Парень солнце нам принес,
Так скорей же вместе с ним
Буздуганы закалим,—
Чую — миновали беды,
Скоро, скоро час победы!»

Шутка — радости сестра.
Прежде парни были хмуры,
Но припомнить нам пора:
Все с рожденья — балагуры!
Говорит один гайдук:
«Мне вчера приснилось вдруг,
Что ко мне, шипя от злости,
Черный Вихрь явился в гости,
Он принес вина бурдюк,
Говорит, мол, пей, не мешкай!»
И тугой бурдюк с усмешкой
Поднял из травы гайдук,
Весь в соломинках, в росе —
С радостью хлебнули все.

А другой: «Скажи на милость!
То ли, братец, мне приснилось!
Сплю и вижу я, друзья:
Черный Вихрь — отныне я.
Борода черна, кудлата,
И башка тяжеловата,
И совсем как наяву —
Целый день хожу, реву!
И хочу иль не хочу —
Целый день хожу пыхчу;
Весь надутый, полон спеси я:
Черный Вихрь — моя профессия!
Вдруг я слышу гул погони:
Скачут взмыленные кони,
Ну а это, браты, значит —
Гайдуки на битву скачут!
Я не трус, я не таков,
Но боюсь я гайдуков!
Шкуру чтоб спасти мою,
Превратился я в свинью
И решил бежать подале,
Но они меня поймали
И на медленном огне
Всю сожгли щетину мне!
Ну, разделали, понятно,
Очень было неприятно —
Согласитесь вы со мной —
Быть свиною отбивной
Вихрю Черному, — постыдно!
Гайдуки не знали, видно,
Что едят меня, пока
До последнего куска
Не умяли… Только в ночь
Я сумел смотаться прочь, —
Из Чубэрова желудка
Вылез… То-то стало жутко.
Глянул в воду: вижу вдруг,
Черт возьми, ведь я — гайдук!
Как же вихрем стать мне снова?»

«Нет уж, мы хотим иного:
Сыты мы твоей наукой.
Знаем хитрость мы твою.
Превратись-ка ты в свинью,
Да чуток, браток, похрюкай!»
Шутки, песни, смех звучит —
Бой великий предстоит.
Пред сраженьем — лучше всех
Остальных занятий — смех!

И сказал гайдук седой:
«Парень совладал с бедой,
Песни парня — просто клад!
Звук его волшебных песен
И всесилен, и чудесен,—
Я сказать об этом рад!
Это верная примета:
Он — счастливец! Верно это,
Как и то, что я гайдук.
Вихрю Черному — каюк!»

Фэт-Фрумос к тому добавил:
«Парень, ты себя прославил,
Но гордиться погоди:
Бой великий впереди!
К Вихрю Черному иди
И злодея разбуди,
Ибо он, коль крепко спит,
Обращается в гранит,
Он прочней стены железной,
С ним сражаться бесполезно.
Не сразиться с ним, поганым,
Ни мечом, ни буздуганом,—
Коль разбудишь — развлеки,
И позлить его не худо,—
Пусть ослабнет он, покуда
Подберутся гайдуки.
Будет стоить нам труда
Подойти к нему: орда
Самой пакостной породы

Стережет в тот замок входы!
Так что, парень, не зевай
Да игры не прерывай.
Флуер твой — оружье наше:
Ты играй всё лучше, краше,
Негодяя разозли,
А иначе — в ком земли
Иль в бесчувственный гранит
Он тебя оборотит!
И еще послушай речь:
Флуер должен ты беречь,
Только мне отдашь его:
В замке всюду колдовство!»

Тут же сокол по порядку
К Фэт-Фрумосу на перчатку
Опустился с высоты,—
«Андриеш, потрогай ты
Соколиное крыло:
Коль придется тяжело,
Вспомни сокола, и с ним
Станешь ты непобедим!»

Вышел Чубзр с речью строгой:
«Парень, буздуган потрогай,
Будь неколебим, как сталь,
И врага язви и жаль!»

Напоследок Фэт-Фрумос
Тихо-тихо произнес:
«Не теряй рассудка, друг!
Помни — ты теперь гайдук,
У тебя отныне есть
Наша воинская честь,
Береги ее всечасно,
Ибо цель твоя прекрасна.
Песню прихвати с собой
И ступай на грозный бой!»

Так иди, пастух, гляди —

Ждет победа впереди!
Но сильны еще враги,
Не разбит волшебник лютый;
Ликованье сбереги
До решающей минуты!

Вот гранитная стена
До небес вознесена.
На чудовищной скале
Виден в сумеречной мгле
Замок семибашенный,
Тучами украшенный.

Андриеш неутомимый,
Нетерпением гонимый,
По колючим граням скал
Подыматься в гору стал.
Он измучился, устал
И ладони ободрал,
Так что выступила кровь,
Но Пэкалу вспомнил вновь —
Весело захохотал,
Продолжая вверх ползти
По опасному пути.

Трижды синий полог ночи
Навевал желанный сон…
Оглушен и ослеплен,
Андриеш со всех сторон
Темной бездной окружен, —
Удержаться нету мочи!
Но, вцепясь в гранитный склон,
Про себя промолвил он:
— Я найду конец бесславный,
Стоит мне на миг заснуть.
Неужели долгий путь
К заповедной цели главной,
Подвиги, тяжелый труд
Бесполезно пропадут?
Кто ж вернет свободу ныне

Ждущим годы и века
В семибашенной твердыне
Появленья пастушка?
Пусть задача нелегка,
Нет, не отступлю, пока
Сердце бьется у меня,—
Берегись, коварный враг!..

Силы Андриеш напряг,
Пристально взглянул во мрак
И увидел свет багряный,
Два сияющих огня.
Это были очи Джаны,
Зоревой лучистый взор,
Что сквозь башенные стены,
Сквозь гранит многосаженный,
Пробивался на простор,
За пределы смутных гор.

Только шаг один остался,
Но подъем безмерно крут…
О, какой нелегкий труд,
Андриеш, тебе достался!
Ты средь этих скал постылых
Сделай сам последний шаг,
Ведь никто, нигде, никак
Заменить тебя не в силах!
Не робей! Вперед, сынок!
Ты совсем не одинок,
Все, что в мире справедливо,
Все, что честно и правдиво,
Это все — теперь с тобой,
За твоей следит борьбой,
Каждый шаг твой зорко мерит
И в твою победу верит!

Андриеш, одним рывком
Одолев крутой подъем,
Очутился наверху…
И казалось пастуху,

Что гудит с отвагой дивной
Сердце у него в груди,
Словно колокол призывный,
И твердит ему: — Иди!
Ждет победа впереди…

Андриеш взглянул пытливо
С каменистого обрыва
И увидел, что кругом
Всё объято странным сном.
Будто снеговые кручи,
Недвижимы и белы,
В небе спят седые тучи,
Дремлют в воздухе орлы,
И свисает бахромою
Серебристый дождь сухой,
Как морозною зимою
Ряд сосулек под стрехой.

К замку Андриеш идет…
Вот у мраморных ворот,
Где гранитная ограда,
Дремлет каменное стадо,
Рядом с ним лохматый страж —
Пес Лупар, приятель наш,
Околдованный, к несчастью,
Той же чернокнижной властью,
В мертвый камень превращен
И, застыв с открытой пастью,
Словно молча лает он.

Взял пастух свой флуер в руки
И поднес его ко рту,
Но застряли в дудке звуки,
Холодея на лету.
И тогда чабан смекнул,

Что коварный враг заснул,
Что в проклятом этом месте
Всё оцепенело вместе

С властелином-колдуном
И забылось мертвым сном,
Превратившись в камень крепкий,
В зачарованные слепки.

Время Вихря пробудить!
Время с Вихрем в бой вступить!

Андриеш идет вперед.
Там, у входа во дворец,
Распахнув огромный рот,
На часах стоит урод
Могылдяца-Могылдец.
Он колюч, как дикобраз,
Борода — до самых глаз.
Косомордый и безлобый,
Он ревет, объятый злобой:
— Подойди ко мне, попробуй,
Ты, пролаза из пролаз,
Познакомишься сейчас,
У ворот, с моей особой!
Проглочу тебя как раз!
Вихрь меня заворожил,
Чтоб я замок сторожил,
Чтоб, не смея отлучаться,
На часах стоял без сна!

И голодный Могылдяца —
Хвать за ворог чабана!
И швырнул рукой громадной
Прямо в яму пасти жадной,
И давай стучать клыками,
Как большими молотками!
Но герой наш не таков,
Чтоб чудовищу поддаться,—
Он забрался меж клыков;
Редкозубый Могылдяца
Лязгал, щелкал без конца,
Извергал слюну густую,
Обливая храбреца,

Но усердствовал впустую!

Так жевал он, а потом,
Утомясь к исходу ночи,
Стал храпеть что было мочи.
Задремав с открытым ртом.
На свободу выйти силясь,
Андриеш из пасти вылез
На подобную горбу
Отвисавшую губу.
Он по бороде скатился,
На кольчуге очутился,
Возле пояса повис,
Осторожно прыгнул вниз
И на землю опустился.

Видит он — густая мгла
Пеленой на все легла,
Волокном заволокла,
И пропали без следа
Заколдованный дворец
И скалистая гряда,
Стороживший у ворот
Могылдяца-Могылдец,
И хребты, и небосвод.
Пастушку невмочь дохнуть,
Мутный воздух давит грудь,
И, безмерно тяжелы,
Серые волокна мглы,
Душат, словно кандалы,
И сжимают, как тиски,
Горло, сердце и виски…

Мгла еще теснее сжалась
И сковала пастушка,
И свободною осталась
Только правая рука;
Он осколок буздугана
Ею кинул в вышину,
Но, взлетев среди тумана,

Тот вернулся к чабану.

Вот внезапно над хребтами,
Над грядой скалистых круч
Взмыло розовое пламя,
И стрелою из-за туч
Брызнул первый звонкий луч:
Солнце наконец взошло!
Блещет плащ его пунцовый,
Стало ясно и светло,
И растаяли оковы!
И на жаркой позолоте
Радуга мелькнула… Нет!
Это буздуган в полете
Радужный оставил след.

Он ударил с небосвода
И насквозь пронзил урода,
Повалил гранитный вход
И расплавил семь ворот,
С каждой двери сбил замок,
Все решетки смял в комок
И в стене проделал брешь.
И спокойно Андриеш,
Не боясь волшебных сил,
Во дворец врага вступил.

Он вошел и увидал
Пред собой огромный зал,
Где столбы ребристых скал
Подпирают, держат своды
Из гигантских темных плит
Вулканической породы.
Между двух колонн лежит
Превратившийся в гранит
Черный Вихрь длиннобородый
И беспечно, крепко спит.
А под ним, как жар, блестит
Золотой песок и щебень.
Рядом с длинной бородой

Флоричика держит гребень,
А в ногах сидит седой
Гном с улыбкою притворной,
Пехливан, дурак придворный,
Изогнувшийся в дугу,
Всюду, будто на бегу,
На одной ноге застыли,
В камень превратившись вдруг,
Толпы безобразных слуг.
Все они похожи были
Выражением лица
На хозяина дворца —
То ли свиньи, то ли волки,
Вислоухие, как псы,
Дыбом шерсть стоит на холке,
Словно хоботы — носы,
А колючие усы —
Как ежиные иголки.

А на близком расстояньи,
В головах у колдуна,
Джана-Зорилор видна,
Волшебством превращена
В мраморное изваянье.
Молча высится она,
Лишь глаза ее живые
Испускают зоревые
Лучезарные огни,
И в проклятом замке этом
Светятся они одни
Благотворным, вечным светом.

Кличет Андриеш везде:
— Миорица, Миорица,
Где же ты могла укрыться
В этом колдовском гнезде?
Он бежит сквозь коридоры
В поисках своей Миоры,
Побывал подряд в шести
Башнях замковых дозорных,

Но в стараниях упорных
Все не мог ее найти.

Наконец пред ним седьмая
Башня, как стрела» прямая.
В башенном стволе пустом
Вьется лестница винтом;
Понял мальчик, что она
Из костей овечьих белых
Чародеем сложена.
Со слезами оглядел их,
Стал взбираться вверх по ним,
По ступенькам костяным,
Круг за кругом, выше, выше,
И добрел до самой крыши.

Здесь нашел он Миорицу;
Вот она пред ним стоит
На камнях замшелых плит.
И сквозь узкую бойницу
Неподвижно вдаль глядит
С круглой башенной площадки,
Превратившись в мрамор гладкий,
И застыл у самых глаз
Слёз блистающий алмаз…
Чабаненок, словно мать,
Стал Миору обнимать,

Но в ответ ему овечка
Не промолвит ни словечка,
И прервать не в силах он
Миорицы мертвый сон.

И заплакал пастушок,
Как никто не плакал в мире…
Хлынул с лестницы поток,
Забурлил все шире, шире
И погнал свою волну
Прямо-в горло колдуну.
Это Днестр, краса Молдовы,

Чабану помочь готовый,
Через горы, напрямик,
Путь пробил в последний миг,
Все ручьи и реки к бою
Он привел сюда с собою.

Подступившая волна
Разбудила ото сна
Чародея-людомора,
И задвигались вокруг
Вслед за вихрем толпы слуг.
Тут воскликнула Миора:
— Андриеш, бежать пора!
Слышишь, дрогнула гора?
Черный Вихрь внизу проснулся,
Шевельнулся, встрепенулся,
Злобно машет бородой
И тебе грозит бедой!

Беглецы вдвоем пустились
Вниз по лестнице, скорей,
Миновали семь дверей,
И у входа очутились,
Где обрушена стена;
Здесь, желанной встрече радо,
Расколдованное стадо
Окружило чабана.
Пес Лупар к нему спешит,
Заливается, визжит,
Скачет, пляшет, лижет руки…
Наступил конец разлуке!

Но пастух стоит угрюмо,
И в глазах застыла дума:
— Как же быть ему сейчас?

Он родное стадо спас,
Вот Лупар и Миорица,
Перед ними путь прямой
К Трем Источникам, домой…

Нет, приятель! Не годится
Так трусливо поступать,
Надо в бой идти опять!

И с родимого востока
Прозвучало издалёка:
«Наступает время мести,
Вспомни о гайдуцкой чести!
Нападай же, не робея,
На поганого злодея,
Встань на битву юный, бодрый —
Так велят родные кодры!»

Вынул мальчик флуер свой
И побудкой боевой,
Раскатившейся далече,
Дал сигнал к началу сечи.
Всё отважней, всё грозней
Слышен гулкий топ коней…
Пусть не скоро — понемногу
Соберутся на подмогу,
А надежда вся пока —
На искусство пастушка.
Песня флуера звучит,
В черном воздухе журчит.
Исчезает тишина —
И злодей воспрял от сна,
Понял: всё теперь серьезней,
Чем всегда: грозит беда!
Взвился в небо, как всегда,
И пустился строить козни:
Стал кривым и безголосым
Мрачноглазым… Фэт-Фрумосом!

Песнь летит во все концы,
Подступают храбрецы
Медленно, за шагом шаг, —
И осанистый вожак
Произносит невзначай:
«Андриеш, игру кончай!»

«Ты ли это, Фэт-Фрумос?
Отчего ты так охрип?»

«Я совсем охрип от слез:
Чуть в сраженье не погиб!»
«И лицом ты черен что-то!»
«Просто слезла позолота,
От природы я таков,
Я — из грубых гайдуков!
Впрочем, парень, не страдай,
Флуер, флуер мне отдай!»
Призрак руки к дудке тянет,
Пастуха вот-вот обманет.
«Как же я играть-то буду?»
«Ты, пастух, готовься к чуду:
Коль умолкнешь — в тот же час
Побежит злодей от нас!»
«Ну, бери, коль уж пришел ты,
Но ответь-ка мне как раз:
Черный, вижу, правый глаз
У тебя, а левый — желтый!
Ты исчадье темноты!
Вижу — оборотень ты!»

«Ну, змееныш, погоди же:
Познакомимся поближе!

И явился в черных латах,
Раскаленных и крылатых,
Вихрь во всем своем обличье,
В устрашающем величье,—
Стынет в жилах кровь живая.
Он изрек, повелевая:
«По хотенью моему
Погрузись, пастух, во тьму,
Стань, негодник удалой,
Ты гранитною скалой,
Стань бездумным валуном,
Спи вовеки черным сном!»

Но не в силах он заклясть
Андриеша — ибо власть
Чернокрылого злодея
Отступить должна, слабея,
Перед властью добрых чар:
Ведь у Андриеша — дар
Сфармэ-Пятры: он хранит
От заклятия в гранит,
Понял Вихрь — волшба не в прок
И пустился наутек.

А снаружи — бой кровавый,
Бьются гайдуки со славой,
Крепко бьют драконов злобных,
Колдунов гороподобных,—
Гайдуки бросают вызов
Своре черных блюдолизов!

Пастушок бежит во двор:
Песня флуера в простор
Возлетает, помогая
Гайдукам бросаться в бой:
Песня жжет, в норе любой
Лиходеев настигая!

В это время из пролома,
Что зиял в стене дворца,
Черный Вихрь с раскатом грома
Налетел на храбреца
И вокруг забушевал.
Но спокойный пастушок
Вынул первый лепесток
И его поцеловал —
Вмиг с небес упал клинок,
Меч гигантский Мачиеша,
Прямо в руку Андриеша,
И рука у чабана
Сразу стала так сильна,
Что сильней не сыщешь в свете
И за тысячу столетий!

Побледнел колдун зловещий,
Скрючил пальцы, словно клещи,
Видит — битва нелегка,
Надо спрятаться пока!..
И, удрав от пастушка,
Он укрылся в облака.
Чабаненок той порой
Вынул лепесток второй,
Он к прищуренному глазу
Приложил его — и сразу
Посмотрел на небосвод.
Видит, в облаках плывет
Черное перо вороны,
А на перышке жучок,
Средь бородки схороненный,
Притаился — и молчок!
Это был хитрец завзятый,
Чернокнижник трусоватый!

Андриеш метнул свой меч —
Вихрю голову отсечь.
Меч блеснул, как серебро,
Но растаяло перо,
Превратясь в туманный дым.
Враг остался невредим.
А гигантский меч послушный
Из лазурной мглы воздушной
Воротился к пастуху.
Андриеш сквозь лепесток
Вглядывался сколько мог.
Он внизу и наверху
Все искал упрямым взором,
Шарил по земным просторам,
По равнинам, косогорам,
По морям и по озерам.
Наконец на дне реки
Усмотрел он пузырьки.
Там, в ракушке еле видной,
Черный Вихрь сидел бесстыдный,

Став крупинкою песка,
Чтоб спастись от пастушка.
Грянул меч, вонзился в дно,
Но ракушки нет давно:
И вернулся меч со дна
Снова в руки чабана.

А колдун, взмахнув крылами,
Превратился в сноп огня
И, кривляясь и дразня,
Пастуха окутал в пламя,
Искры начал он метать,
Жаркой бородой хлестать.
Сотни Вихрей отделились
От злодея-колдуна,
Хищным роем закружились,
Обжигая чабана.
Дрогнул синий небосвод
И, как молнии с высот,
Засверкали буздуганы —
Солнце закалило их
Для воителей своих!
И во весь земной простор
На хребтах скалистых гор,
Как пылающий костер,
Разгорелся смертный спор —

Битва между гайдуками
И злодейскими войсками!
Змей Балаур тоже здесь;
Хоть ему и сбили спесь,
Он остался жив, к несчастью,
И старается со страстью
Фэт-Фрумоса обойти,
Чтоб своей последней пастью
Голову ему снести.
Бой кипит…
Но где же злобный
Чародей звероподобный?
Ищет, ищет пастушок,

Средь ущелий всюду бродит,
Но злодея не находит.
Лезет в каждый уголок,
Шарит в каждой темной яме,
На горах и во дворце;
Пот горячими ручьями
Проступает на лице.
Чабаненку жарко, тяжко
И, присев на камень, он
Сбросил кушму из барашка
На сожженный солнцем склон.
Вдруг, безмерно удивлен,
Видит, что комар на шапке
Спрятался, поджавши лапки!
Это Черный Вихрь тайком
Обернулся комаром.
Он во весь огромный рост
Встал почти до самых звезд,
Зарычал над пастушком,
Захлестал своею длинной
Бородою стоаршинной,
Хрипло каркнул, и тогда
В ядовитый рой змеиный
Превратилась борода.
Желтобрюхие гадюки
Горло стиснули и руки
Пастушка…
Но в этот миг
Острый меч врага настиг,
И, сраженный ятаганом,
Вихрь свалился бездыханным,
Рухнул на гранит ничком
Перед храбрым пастушком!

Прокатился гулкий гром,
И рассыпались песком,
Растеклись клоками пены
Башни, лестницы и стены.
Оживилось все кругом:
Пашни, рощи, словно чудом,

Засияли изумрудом,
И цветами расцвели
Склоны матери-земли.
В золотой, цветущий ворох
Превратился каждый сад,
На сверкающих озерах
Снова лебеди скользят,
А гора, что так стонала
И веселья не знавала
Бесконечные века,—
Шевелилась, оживала
Перед взором пастушка,
И, куда ни глянь, на ней
Поднимались из камней
В дымке утренней зари
Молодцы-богатыри.
И в рассветном серебре
На летающем ковре
Поднялись, как птицы, ввысь
И в долину понеслись
Андриеш неустрашимый
С Миорицею любимой,
Стадо и проворный пес;
Все, кто там в плену томились,
На опушке очутились
У холма, в тени берез, —
Всех ковер сюда принес!

Вместе с Ляной Фэт-Фрумос
Мчится на коне крылатом.
Рощи веют ароматом
Древних лип и диких роз,
И шагают гайдуки
Вдоль смеющейся реки,
Стройным хором распевая:
Льется песня боевая
Над волною голубой:
«Наша воля — смертный бой
С черной нечистью любой!»
Были все рубаки в сборе,

Громче всех в гайдуцком хоре
Пел могучий Чубэр смелый…
Впереди, в одежде белой
И с венком на голове,
Медленно скользила Дона
По цветам и по траве,
Разостлавшейся влюбленно.

Кто там вышел на поляну
И, встречая фею Джану,
Радостный, широкоплечий,
Шепчет ласковые речи?
То народа верный друг
И прославленный гайдук
Со своим полком воскресшим —
Он зовется Мачиешем,
Этот молодой герой!

Вот стоит, гора-горой,
С Флоричикою, сестрой,
Стрымба-Лемне неразумный,
Как всегда без меры шумный,
Добродушный остолоп,
И, сложив ладонь воронкой,
Он любуется сестренкой
И ее целует в лоб.

Разве можно без Пэкалы
Обойтись в таком кругу?
И Пэкала, добрый малый,
Показался на лугу,
Сыплет шутки без запинки,
Все схватились за бока,
Даже шляпа и опинки
Вторят смеху шутника!

На дорожном перекрестке,
Словно девушки-подростки,
Пляшут юные березки.

Ветер-Птица на суку
Напевает пастушку.
Дуб-Стежар шумит листвою,
Машет сивой головою,
Мол, домой шагать пора!

И звенят водой живою
Дети старого Днестра.

Поклонился пастушок
Всем, кто здесь ему помог,
Вслед любовно поглядел им…
Был он добрым, честным, смелым
И друзьям ответил делом,
И теперь за это он
По заслугам награжден!

Взял он снова флуер в руки
И поднес его ко рту,
И ликующие звуки
Устремились в высоту.
Подхватили все дубравы
Дойну счастья, дойну славы,
И гремит на целый свет:

— Зорька! Зорька!
Над Молдовой
Утро веет жизнью новой!

И запело все вокруг —
Ближний холм и дальний луг,
Синий гребень цепи горной
И степной размах просторный:
— Славься, Солнце, верный друг,
Лучезарный, животворный…
Озаряй нам даль дорог,
Победитель тьмы — Восток!

И пошел наш пастушок
По лужайке бирюзовой,

Сдвинув кушму набекрень,
В путь, к Долине Трехручьевой,
Где шумит садок вишневый,
Где свистит скворец бедовый
У дубравы чернобровой,
Славя утро жизни новой,
Радостный, грядущий день!

Тысячи холмов зеленых
Провожали пастушка,
Тысячи дубов склоненных,
Сединой посеребренных,
Тысячи ручьев студеных,
Тысячи цветов смущенных,
Свежих, ярких, благовонных,
Небеса да облака!

Шли мы вместе с чабаненком
По глухим лесным сторонкам
В неизвестные края.
С ним теперь его друзья,
Стадо вкруг него теснится,
С ним сестрица Миорица,
Пес Лупар, усердный страж…

Так живи же, мальчик наш,
Век в родной стране счастливой,
Там, где воздух чист и свеж,
Добрый, храбрый, справедливый
Чабаненок Андриеш!
Доказал ты нам, что смелость
И упорство, и умелость,
Бодрый натиск молодой
Подвиг завершат наградой,
Сладят с каждою преградой,
Сладят с каждою бедой.

Если вам, друзья, по нраву
Безыскусный мой рассказ,
Я могу сыскать на славу

Повесть новую для вас;
Стоит нам открыть страницы
Виноградников, садов,
Рощ молдавских вереницы,
Яркие ковры цветов, —
И уже рассказ готов;
В древних дедовских былинах
Мы найдем его опять,
Ведь в любых кустах бузинных
На равнинах и в долинах,
И в дубравах соловьиных
Сказок новых и старинных
За сто лет не исчерпать!

notes

Примечания

1

Прут - река в Молдавии, Украине и Румынии, левый приток Дуная.

2

Левада - береговой лиственный лес, роща из ольхи, вербы, тополя, вяза на поймах рек, заливаемые в половодье.

3

Чабан - пастух. Чабаненок - пастушок.

4

Флуер - народный духовой музыкальный инструмент, флейта, дудочка.

5

Кушма - молдавский головной убор.

6

Дойна - молдавская и румынская лирическая народная песня.

7

Быр - призывный клич овец.

8

Чапыжник - частый кустарник.

9

Гайдук - воин, ратник, партизан-повстанец.

10

Чабанка - пастушка.

11

Лиман - местное название заливов с невысокими извилистыми берегами, образующихся при затоплении морем долин устьевой части равнинных рек. Распространены на Севере Черного и Азовского морей. Лиманы отделяются от моря частично или полностью низкими наносными косами из песка или гальки — пересыпями. В последнем случае превращаются в соленые озера.

12

Кожечел, кожушок - овчинный полушубок.

13

Баштан - бахча; поле, на котором, как правило, выращиваются арбузы, дыни, тыквы.

14

Десага - пастушья переметная сумка.

15

Бач - старший пастух.

16

Стына - загон для овец.

17

Ярка — молодая, ещё не ягнившаяся овца.

18

Тын - забор, частокол.

19

Буздуган - палица, булава.

20

Долман - гусарская военная форма.

21

Мерлушка - выделанная шкурка ягненка.

22

Хора - народный танец-хоровод у болгар, македонцев, гагаузов, сербов, хорватов, молдаван, румын, греков, грузин, турок, армян и евреев.

23

Стату-Палма-Барба-Кот - Мужичок-с-ноготок-борода-с-локоток.

24

Бэтута - молдавский танец.

25

Дрымба - самозвучащий щипковый муз. инструмент, распространён во многих странах мира: маленькая металлическая (деревянная, костяная, бамбуковая) подковка или тонкая пластинка с упругим язычком в центре. Русское название - варган.

26

Кашкавал - сыр, брынза.

27

Плато - возвышенная равнина с ровной или волнистой слабо расчленённой поверхностью, ограниченная отчётливыми уступами от соседних равнинных пространств.

28

Кодры - лес, лесистые горы, особенно зрелый лес с буком, плющом, моховым покровом, хорошо увлажненный.

29

Каруца - молд. арба, телега, повозка.

30

Басмалуца - национальный молдавский танец.

31